

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Бабурин С.В. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Середа С.П. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Беляева Л.И. – профессор кафедры уголовной политики и организации предупреждения преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Колодкин Л.М. – профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кругликов Л.Л. – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Новиков А.А. – начальник управления воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России;

Поздняков В.М. – профессор кафедры уголовного права и процесса Российского университета дружбы народов, доктор психологических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России;

Селиверстов В.И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С.А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В.Б. – заведующий кафедрой криминологии юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Баламут А.Н. – доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Гаврилов Б.Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П.В. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Зауторова Э.В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования;

Зубкова В.И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е.П. – заведующий кафедрой криминологии Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Козаченко И.Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А.Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Оботурова Н.С. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор философских наук, доцент;

Попова И.Н. – начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Пудовочкин Ю.Е. – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Спасенников Б.А. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Шаталов А.С. – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по трем отраслям науки: 12.00.00 «Юридические науки»; 19.00.00 «Психологические науки»; 13.00.00 «Педагогические науки»

Журнал выходит четыре раза в год

ISSN 2076-4162

Вологда 2016

№ 2 (34)

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	4	КОЛМАКОВА Н.Л., МОГИЛЕНКО Н.С. Сравнительный анализ практики лишения свободы несовершеннолетних по приговору суда в Словении и Швейцарии	60
ЮЖАНИН В.Е. Режим обеспечения реализации наказания в виде лишения свободы.	4		
ДВОРЯНСКОВ И.В. К вопросу об уголовной ответственности за злостное уклонение от обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, получения предписания для направления в колонию-поселение или не прибывших к месту отбывания наказания	11	ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	67
ГАЛАХОВ С.С. Криминологические знания – основа принятия управленческих решений в сфере борьбы с преступностью	14	БАБУРИН С.В. Природа и сущность патологической адаптации осужденных	67
КОЛОТУШКИН С.М. К вопросу о возможности идентификации человека по изображению элементов лица, не закрытых маской	20	ЗАУТОРОВА Э.В., ВИКТОРОВА Т.В. К вопросу о формировании морально- психологической устойчивости сотрудников отдела охраны исправительного учреждения к несению службы с огнестрельным оружием	77
СПАСЕННИКОВ Б.А., КОНДРАТОВСКАЯ С.Н., МУХТАРОВА Е.А. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (доктринальное толкование)	26	ЛОБАНОВА Е.С., ФЕДОСЕЕВА И.А. Позитивное мышление и его связь с уровнем профессионального стресса сотрудников исправительных учреждений	82
ГОЛОДОВ П.В. Средства исправления осужденных: проблемы классификации и правовой регламентации	30	ЖАРКИХ А.А., АНКУДИНОВ Н.В., ДЕНИСОВ Д.Г. Индивидуально-типологические особенности спортсменов вузов ФСИН России, специализирующихся в различных видах единоборств	87
ДЕРБИН С.В., ДЕРБИНА О.В. Проблемы правового регулирования административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы	34	ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	92
КРИЖАНОВСКИЙ С.В. Процедура разрешения конфликта интересов в уголовно-исполнительной системе России как вид административного процесса	38	САУНИНА Г.Н., МАТВЕЕВ А.П. Характеристики физической подготовленности абитуриентов, поступивших в образовательные организации ФСИН России, и психофункционального состояния курсантов в процессе профессиональной подготовки	92
КОРЕПИНА А.В. Делегирование полномочий как метод государственного управления	42	ЧЕРНЫШЕВА О.М. Опыт трудового воспитания и социальной адаптации осужденных в Баварии (ФРГ)	98
ПЕРРОН Ю.В. О перспективах создания нового механизма международного контроля за соблюдением прав осужденных в Российской Федерации.	48	РЕЦЕНЗИИ	104
ТРЕТЬЯКОВА Е.С. Историко-правовой анализ сотрудничества Российской империи с иностранными государствами по вопросам уголовного и уголовно-процессуального права и его влияния на уголовное право России XIX в.	54	КРОЗ М.В. Рецензия на монографию М.А. Черкасовой и В.М. Позднякова «Психологический мониторинг профессионального выгорания сотрудников уголовно-исполнительной системы России»	104
		ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ	105
		СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	106

CONTENT

JURISPRUDENCE	4	KOLMAKOVA N.L., MOGILENKO N.S. A comparative analysis of the imprisonment of minors by court order in Slovenia and Switzerland	60
YUZHANIN V.E. Regime of punishment implementation of imprisonment	4	PSYCHOLOGY	67
DVORYANSKOV I.V. On the issue of criminal responsibility for malicious evasion of compulsory work, correctional labor, limitation of freedom, receiving orders to be sent to a colony-settlement or not arrived to the place of punishment	11	BABURIN S.V. The nature and essence of pathological adaptation of convicts	67
GALAHOV S.S. Criminological knowledge – the basis of management decisions making in the fight against crime	14	ZAUTOUROVA E.V., VIKTOROVA T.V. On the formation of the moral and psychological resistance of personnel of security department in the correctional institution to service in arms	77
KOLOTUSHKIN S.M. On the possibility of human identification by the face elements not covered by the mask	20	LOBANOVA E.S., FEDOSEYEVA I.A. Positive thinking and its relation to occupational stress level of the penal institutions officers	82
SPASENNIKOV B.A., KONDRATOVSKAYA S.N., MUKHTAROVA E.A. Disorganization of institutions work providing isolation from a society (doctrinal interpretation)	26	ZHARKIH A.A., ANKUDINOV N.V., DENISOV D.G. Individually-typological features of universities athletes of the Federal Penal Service of Russia, specializing in various types of martial arts	87
GOLODOV P.V. Means of convicts correction: problems of classification and legal regulation	30	PEDAGOGY	92
DERBIN S.V., DERBINA O.V. Problems of legal regulation of administrative supervision of persons released from prison.	34	SAUNINA G.N., MATVEEV A.P. Features of physical training of students enrolled in educational institutions of the Federal Penal Service of Russia and psycho-functional state of cadets during professional training.	92
KRIZHANOVSKY S.V. The procedure for interests conflict in the penal system of Russia as a kind of administrative process	38	CHERNYSHEVA O.M. Experience of labor education and social adaptation of convicts in Bavaria (Germany).	98
KOREPINA A.V. Delegation of authority as the method of state management.	42	REVIEWS	104
PERRON YU.V. On the prospects of establishing a new mechanism of international control over rights of convicts in the Russian Federation	48	KROZ M.V. Review of the monograph M.V. Cherkasova and V.M. Pozdnyakov «Psychological monitoring of professional burnout of employers penal service of Russia»	104
TRETYAKOVA E.S. Historical and legal analysis of the Russian Empire cooperation with foreign states on the issues of criminal and criminal procedural law and its impact on criminal law of Russia of the XIX century	54	INFORMATION, ADVERTISEMENTS	105
		INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	106

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.82

Режим обеспечения реализации наказания в виде лишения свободы

В.Е. ЮЖАНИН – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

В статье рассматриваются понятие режима отбывания наказания в исправительных учреждениях, его карательная и обеспечивающая функции, предпринимается попытка определить режим в широком смысле как наказание и в узком – как обеспечение реализации наказания, анализируются режимные меры безопасности предупредительного, пресекающего и дисциплинарного свойства.

Ключевые слова: режим в исправительном учреждении; обеспечение отбывания и исполнения лишения свободы; меры предупреждения, пресечения и безопасности; дисциплинарные меры; карательные условия.

Regime of punishment implementation of imprisonment

V.E. YUZHANIN – Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Professor of the Department of Penal Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation

The article discusses the concept of the regime of serving the sentence in prison, its punitive and providing functions, it attempts to determine the regime in a broad sense as a punishment and a narrow - as providing the implementation of punishment, it analyzes regime security warning, disciplinary and preclusive properties.

Keywords: regime in prison; providing serving and execution of imprisonment; measures to prevent, combat and security; disciplinary measures; punitive conditions.

Согласно ч. 2 ст. 56 УК РФ режим вида исправительного учреждения определяется по его широкому толкованию, включающему в себя все принудительные элементы, составляющие наказание и процесс обеспечения его реализации. Вот как пишут об этом А.Е. Наташев и Н.А. Стручков: «По нашему мнению, главное не в том, что режим обеспечивает изоляцию и определенные

ограничения, а в том, что режим лишения свободы предполагает изоляцию и ограничения, соответствующие природе лишения свободы. В этом смысле лишение свободы выражается в конкретном режиме»¹. В современной юридической литературе авторы, говоря о режиме, включают в него все средства воздействия на осужденного, составляющие принуждение при исполнении

наказания². Например, выделяя средства обеспечения режима (охрану, надзор, меры предупреждения, безопасности и пр.), выводя их за его пределы, они одновременно, давая определение режима как порядка отбывания (исполнения) наказания, включают в это определение все принудительные элементы лишения свободы как наказания, в том числе и указанные средства. Предусмотренные в ст. 82 УИК РФ требования режима рассматриваются ими как его содержание³.

Но тогда вполне резонно возникает вопрос: охрана, изоляция осужденных, надзор за ними, личная безопасность осужденных и персонала и другие меры воздействия на осужденных – это средства режима или средства, его обеспечивающие? В последнее время в науке уголовно-исполнительного права они рассматриваются как средства, обеспечивающие режим⁴. Да это и очевидно: охрана осужденных, надзор за ними, меры безопасности выступают как самостоятельные меры, обеспечивающие изоляцию осужденных и правопорядок в исправительном учреждении.

В довольно широком смысле и весьма неудачно, на наш взгляд, режим определен в УИК РФ: как порядок исполнения и отбывания наказания он обеспечивает и карательные средства лишения свободы (изоляцию осужденных, исполнение ими обязанностей, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, изменение условий отбывания наказания) и иные принудительные средства воздействия на осужденных (охрану, надзор, личную безопасность, раздельное содержание различных категорий осужденных и др.). Все, что режим обеспечивает, это требования режима, которые однозначно в литературе рассматриваются как элементы, составляющие его содержание. Но так ли это? Попробуем разобраться.

Обеспечивать – значит гарантировать, делать возможным, создавать условия; содержать, заключать в себе⁵. Скорее всего, в литературе по уголовно-исполнительному праву слово «обеспечивать» употребляется в значении «содержать, заключать в себе», а не гарантировать что-либо. Только в таком смысле оно может включать в себя все перечисленные требования режима.

На наш взгляд, карательные условия отбывания наказания в различных видах исправительных учреждений не могут составлять содержание режима, если его рассматривать как порядок исполнения и отбывания наказания. Условия отбывания

наказания и их изменение выведены законодателем за пределы режима, так как они предопределены в иных главах УИК РФ (13, 16, 17), чем режим (гл. 12). Условия отбывания наказания заключаются в том, что осужденному разрешается расходовать определенную сумму денег, иметь определенное число краткосрочных и длительных свиданий в течение года, получать определенное количество посылок (передач), бандеролей, а также проживать в общежитиях, запираемых помещениях, помещениях камерного типа или запираемых общих камерах и пр. Данные условия варьируются в зависимости от вида режима исправительной колонии, назначенного судом в приговоре, а внутри исправительной, воспитательной колонии, тюрьмы – от поведения осужденного.

Слово «порядок» никак не может включать в себя условия исполнения и отбывания наказания. В буквальном смысле оно означает «систему, налаженность, распорядок, очередность, строй»⁶. В этом смысле режим означает порядок отбывания наказания осужденными и порядок его исполнения администрацией. Если иметь в виду, что слово «режим» иностранного происхождения (от фр. *regime*) и его синонимами в русском языке являются слова «уклад» или «образ жизни», то в этом смысле оно идентифицируется с режимом в армии, в школе, на заводе и т.д. Во втором значении слово «режим» в переводе с латинского понимается как управление (людьми) и имеет отношение к понятию «исполнение наказания».

Режим отбывания наказания – это порядок реализации карательных условий отбывания наказания, распорядок жизни, труда, учебы и отдыха осужденных. В основе лежит система обязательных правил, регулирующих и упорядочивающих поведение осужденных. Режим исполнения наказания – это порядок деятельности администрации исправительного учреждения по организации обеспечения условий отбывания наказания осужденными (распорядка дня, приобретения посылок, предоставления свиданий и пр.). Если отбывание и исполнение наказания определить общим для них термином «реализация», то порядок реализации наказания будет обозначать режим лишения свободы в обоих значениях.

Порядок реализации условий отбывания наказания осужденными регламентируется Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений. В общих положениях указывается, что они регулируют и конкретизируют вопросы деятельности

учреждений в целях создания наиболее благоприятных возможностей для реализации предусмотренных законом порядка и условий исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы, обеспечения изоляции, охраны прав, законных интересов осужденных и исполнения ими своих обязанностей. Так, данные правила устанавливают порядок передвижения осужденных в пределах колонии (гл. 10), изъятия у осужденных запрещенных к использованию в исправительном учреждении вещей (гл. 11), переписки осужденных, получения и отправления денежных переводов (гл. 12) и т.д.

Таким образом, условия отбывания наказания, выражая различную степень изоляции осужденных, представляют собой качество наказания, его уголовно-правовую карательную сущность. Порядок реализации наказания – это уголовно-исполнительное принуждение осужденных следовать условиям и правилам отбывания наказания. Такое принуждение не содержит элементов уголовно-правовой кары, оно полностью регулируется нормами уголовно-исполнительного права. Порядок реализации наказания – это режим в исправительном учреждении, его основное свойство. Так видится узкое, специфическое определение режима, данное законодателем в ст. 82 УИК РФ, как порядка исполнения и отбывания лишения свободы. В этом смысле он выступает в значении «обеспечивать» не как «содержать, заключать в себе», а как «гарантировать, делать возможным, создавать условия» реализации карательных условий наказания, прав и законных интересов осужденных, их раздельное содержание и пр. (ч. 1 ст. 82 УИК РФ).

Следует ответить еще на один вопрос: входят ли в содержание режима элементы принуждения, не составляющие карательную сторону наказания (охрана осужденных, надзор за ними, раздельное содержание осужденных и пр.), которые выполняют функцию предупреждения правонарушений? В литературе они определяются как средства обеспечения режима. Режим как порядок исполнения и отбывания лишения свободы – это система организационно-процедурных правил деятельности администрации по обеспечению отбывания наказания осужденными и соответствующих им процедурных правил соблюдения осужденными правоограничений, исполнения обязанностей, реализации ими прав и законных интересов. В таком значении режим не

может включать в себя охрану, надзор, раздельное содержание различных категорий осужденных, так как данные средства выполняют функцию обеспечения реализации наказания. Режим как система процедурных правил также связан с выполнением функции обеспечения реализации наказания (карательных условий отбывания наказания). Таким образом, режим и иные принудительные меры предупредительного свойства совместно составляют процесс обеспечения реализации лишения свободы, достижение его целей.

Таким образом, режим призван выполнять свою главную функцию – обеспечение реализации лишения свободы. Но все-таки при ином подходе режим можно сконструировать так, что он будет включать в себя и карательные, и иные принудительные элементы наказания. В связи с этим режим следует рассматривать в широком и узком значениях. Попробуем это объяснить с позиций действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

В широком смысле режим определяется исходя из того, что ст. 56 и 58 УК РФ предусматривают разновидности лишения свободы по видам режима исправительных учреждений (общий, строгий, особый, тюремный и др.). Так, ч. 1 ст. 58 УК РФ определяет, что лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение, помещения в воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму. Лишение свободы как бы заключается в разновидностях режима видов исправительных учреждений. Поэтому ст. 82 УИК РФ прямо включает в содержание режима карательную составляющую лишения свободы (изоляцию осужденных и различные условия содержания осужденных в зависимости от вида исправительного учреждения, их изменение, исполнение осужденными возложенных на них обязанностей) и средства некарательного, профилактического свойства (охрану осужденных, надзор за ними, обеспечение личной безопасности, раздельное содержание разных категорий осужденных). Последние выражают собой не карательное наказание, а его принудительное обеспечение. Таким образом, режим определенного вида исправительного учреждения в понимании законодателя – это набор (конгломерат) и карательных, и иных принудительных средств воздействия на осужденных.

В таком понимании режим представляется более широким явлением, чем само наказание в виде лишения свободы. Он раскрывается как бы в двух аспектах: 1) режим – наказание; 2) режим – обеспечение реализации наказания. Объединяясь, эти два аспекта создают новое качество – режим определенного вида исправительного учреждения. Последнее более широкое понятие включает в себя, по сути, все принудительные элементы лишения свободы.

Режим вида исправительного учреждения – это категория уголовного и уголовно-исполнительного права. Как категория уголовного права он определяется общественной опасностью преступления и прошлой судимостью лица. Так, например, отбывание наказания в исправительной колонии общего режима назначается мужчинам, впервые осужденным к лишению свободы за совершение тяжких преступлений. Особенности же режима этой колонии определяются УИК РФ: это его признаки, рассчитанные на все виды исправительных колоний (гл. 12,13), также специфические условия отбывания наказания, рассчитанные только на колонию общего режима (ст. 120, 121). Но это принудительное содержание режима предопределено уголовным законом (ст. 58 УК РФ).

От режима определенного вида исправительного учреждения следует отличать режим обеспечения реализации наказания, который имеет специфику по каждому виду исправительных учреждений. Это узкий смысл данного термина. Обеспечивающий режим исходит не от уголовного права, а является институтом уголовно-исполнительного права. Определяется не только тяжестью преступления и прежней судимостью (ст. 58 УК РФ), но и поведением осужденного во время отбывания наказания и общественной опасностью его личности.

Режим обеспечения отбывания наказания, являясь частью режима наказания определенного вида исправительного учреждения, осуществляется администрацией учреждения. Если режим наказания, связанный с преступлением, вызывает страдания осужденного, определяет правовое состояние отбывания наказания (исполнение обязанностей и правоограничений), то режим обеспечения отбывания наказания основан на реализации администрацией права-требования к правомерному поведению осужденного в рамках уголовно-исполнительных правоотношений. Когда осужденный отбывает наказание, то он претерпевает его карательные условия на

основе права-притязания государства за совершенное им преступление. Администрация же на основе права-требования от имени государства обеспечивает наказывание осужденного путем создания для этого надлежащих условий, а в нашем случае – выполнения различного рода режимных функций: контрольной, надзорной, предупредительной, воспитательной и др.

Право-требование, в отличие от права-притязания, означает подчинение осужденных администрации учреждения по поводу соблюдения правоограничений и исполнения вытекающих из них обязанностей. Все это зафиксировано в ст. 11 УИК РФ в виде разграничения соответственно обязанностей по соблюдению осужденными требований федеральных законов, определяющих порядок и условия отбывания наказания (ч. 2 ст. 11 УИК РФ), и обязанностей выполнять основанные на законах требования администрации учреждения (ч. 3 ст. 11 УИК РФ). Первые реализуются в рамках объективных свойств наказания, закрепленных в законодательстве, вторые – на основе субъективных требований администрации.

Администрация исправительного учреждения обеспечивает отбывание осужденным наказания, действует в рамках права-требования к нему с целью добиться законопослушного поведения и изменения его личности, чтобы обеспечить непреступное поведение после освобождения из мест лишения свободы и правомерное поведение в условиях изоляции. Обеспечение отбывания наказания выражается: а) в создании условий для реализации правоограничений, установленных законом для осужденных (организационная деятельность); б) контроле за порядком соблюдения осужденными этих правоограничений (надзорно-контролирующая функция); в) применении некарательных мер принуждения (предупреждения, пресечения, безопасности и др.) в случае их несоблюдения (охранительно-режимная деятельность).

Принуждение по обеспечению отбывания наказания осужденными выступает в виде внешнего воздействия по отношению к принуждению-ответственности. Оно не карательно, а принудительно обеспечивает соблюдение осужденными правоограничений в наказании и достижение его целей. В общем смысле оно выражает собой властно-категорическое воздействие (психическое или физическое) администрации учреждения на осужденных с целью обеспечения реализации ответственности (наказания).

Режим как порядок отбывания (исполнения) наказания и меры предупреждения правонарушений (охрана, надзор, меры пресечения, безопасности и пр.) и иные принудительные меры объединяются в единые меры (процессы), обеспечивающие реализацию наказания. Так, например, режим, устанавливая порядок проведения свиданий осужденных с родственниками, обеспечивается надзорными мероприятиями, проводимыми младшими инспекторами безопасности, постановка осужденных на профилактический учет сопровождается усиленными мерами охраны, надзора и безопасности и т.д.

Подобные единые меры (процессы) можно классифицировать по основанию их применения:

1) режимно-предупредительные меры, предопределяемые общественной опасностью совершенного осужденным преступления и его прошлой судимостью;

2) режимно-предупредительные меры, установленные на основе общественной опасности личности осужденного и его поведения в исправительном учреждении;

3) режимные меры пресечения, применяемые на основе начавшегося правонарушения;

4) режимно-дисциплинарные меры воздействия на осужденных в связи с совершением ими проступков (нарушениями режима);

5) режимные меры безопасности, определяемые криминологической характеристикой совершенного осужденным преступления и его личности.

Первая группа мер определяется нормами уголовного и уголовно-исполнительного права и применяется к осужденным как к лицам, совершившим преступления и представляющим в связи с этим опасность для общества. Принимается во внимание, что они могут уклониться от отбывания наказания или совершить новые опасные правонарушения, так как по характеристике личности относятся к криминальному типу общественной опасности. К таким мерам, например, относятся изоляция и охрана осужденных, надзор за ними, обеспечение личной безопасности осужденных и персонала, проведение обысков и пр. Данные режимно-предупредительные меры как бы презумируются для осужденных, так как устанавливаются в законе и распространяются на всех осужденных, независимо от характеристики поведения во время отбывания наказания.

Указанные режимно-предупредительные меры создают такие условия содержания

осужденных, которые препятствуют совершению ими новых преступлений. Все эти меры выступают в виде последующего социального контроля за поведением осужденных, так как основания их применения определяются общественной опасностью совершенных ими преступлений и приговором суда. Они регламентируются уголовно-исполнительным законодательством и распространяются на осужденных независимо от характера и направленности посткриминального поведения. Последующие режимные меры предупредительного свойства, предусмотренные нормами уголовно-исполнительного права, служат гарантом мер уголовно-правового предупреждения, так как они направлены на обеспечение наказания и его целей. Если бы этих гарантов не было, то уголовно-правовое предупреждение оказалось бы фикцией.

Вторая режимная группа мер ориентируется на общественную опасность личности осужденного и его поведение в исправительном учреждении. Дело в том, что установленные действующим законодательством карательные и предупредительные режимы (в зависимости от тяжести преступлений и прежних судимостей) не могут гибко реагировать на криминальные проявления осужденных, непосредственно и своевременно обеспечивать правопорядок в местах изоляции и автономно гарантировать безопасность осужденных и персонала. Поэтому в нормах уголовно-исполнительного права предусмотрены режимные меры, ориентированные в первую очередь на общественную опасность личности осужденного, которая проявляется через поведение, и лишь факультативно – на тяжесть совершенного им преступления. Мы бы назвали эти меры криминологическими, потому что применяются они при угрозе совершения осужденными правонарушений – общественно опасном отклоняющемся поведении (злостных нарушениях режима, угрозе побегов, конфликтных ситуациях, употреблении наркотиков, спиртных напитков и т.п.). Осужденные могут быть поставлены на профилактический учет или оперативный контроль, переведены в другие исправительные учреждения, в безопасное место, тюремные условия содержания и т.п.

Важность этой группы режимно-предупредительных мер в настоящее время не вызывает сомнения. Напомним, что Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., касаясь отдельного содержания отрицательно настроенных осужденных, поста-

вила задачи: осуществлять содержание осужденных с учетом не только тяжести совершенных преступлений, но и их криминологической характеристики, криминального опыта, усвоения и распространения элементов поведения криминальной среды; создать социально-психологические условия для самореализации законопослушного поведения осужденных, способных к ресоциализации.

Нормы уголовно-исполнительного права используют криминологическую категорию «общественная опасность личности осужденного». Например, изменение вида режима исправительного учреждения в лучшую сторону допускается в отношении положительно характеризующихся осужденных (ч. 2 ст. 78 УИК РФ), а в худшую сторону – злостных нарушителей порядка отбывания наказания (ч. 4 ст. 78 УИК РФ), административный надзор также может быть установлен в отношении злостных нарушителей режима (ч. 2 ст. 173-1 УИК РФ). Во всех этих случаях осужденный оценивается не только на основе поведения, но и с учетом особенностей личности, проявившихся во время отбывания наказания.

Как нам представляется, это одно из перспективных направлений развития уголовно-исполнительной системы России. Нельзя режимно-предупредительные меры ставить в зависимость только от общественной опасности преступления, наоборот, приоритет должен отдаваться общественной опасности личности осужденного и его поведению в исправительном учреждении. Тогда личность преступника может стать главным критерием определения и изменения видов режима, распределения осужденных по отрядам и пр.

Третью группу режимных мер, обеспечивающих реализацию лишения свободы, образуют так называемые режимно-пресекательные меры. К ним обращаются в исключительных случаях, когда другими средствами прекратить противоправное поведение нельзя. Они, как правило, связаны со средствами физического воздействия на правонарушителей и применяются тогда, когда правонарушение началось, и направлены на то, чтобы прекратить нарушение правопорядка в исправительном учреждении. При определении этих мер следует исходить из смысла слова «пресечение» – прекратить сразу, остановить резким вмешательством⁷. Здесь имеется в виду достижение не любой базовой или перспективной цели, а ближайшей и непосредственной – пресечение неправомерного поведения осужденных и

нарушений общественной безопасности в исправительных учреждениях.

Меры пресечения, применяемые в исправительных учреждениях, разнообразны. В зависимости от особенностей объекта, который они обслуживают, их можно подразделить на две группы: меры пресечения общего и специального назначения.

Меры пресечения общего назначения направлены на обеспечение правопорядка и безопасности и применяются администрацией исправительного учреждения повседневно в виде выполнения обычных функциональных обязанностей. Данную систему мер составляют: замечание осужденному; задержание осужденного и привод его к оперативному дежурному; водворение осужденного в СИЗО; изъятие у осужденного ценностей, денег, запрещенных предметов, изделий, вещей; прекращение свидания осужденного с родственниками и иными лицами; лишение осужденного права передвижения без конвоя или сопровождения; лишение осужденных женщин права проживания с семьей вне колонии; лишение осужденного права проживания с семьей на арендуемой или собственной жилой площади в колонии-поселении; перевод осужденного в одиночную камеру в тюрьме и др.

Меры пресечения специального назначения применяются в исключительных случаях к осужденным, представляющим опасность для окружающих, когда другими путями прекратить их противоправное поведение нельзя. К данной группе мер следует отнести применение наручников, оружия, физической силы, специальных средств и др.

Меры пресечения регламентированы нормами уголовно-исполнительного законодательства и ведомственных нормативных актов, но их можно вывести только путем анализа этих норм. Дело в том, что они тесно смыкаются с режимно-предупредительными мерами (охраной осужденных, надзором за ними и др.), мерами взыскания, раскрытием преступлений, мерами безопасности и пр. В законодательстве нет отдельной главы, где бы последовательно регламентировались эти меры. В учебной литературе они также отдельно не рассматриваются, а излагаются обычно при рассмотрении вопросов режима, средств его обеспечения либо надзора за осужденными. Необходимо выделить их в УИК РФ в отдельную главу, предусмотрев основания и правила применения. Тогда можно было бы реально обеспечить права осужденных, а главное, их бы знали сотрудники исправительных учреждений и

не путали со смежными мерами: предупредительными, дисциплинарными, безопасности.

Четвертую группу режимных мер, обеспечивающих реализацию наказания, составляют дисциплинарные меры воздействия на осужденных, которые реагируют на их отклоняющиеся от норм поведения поступки. К подобным мерам, например, относятся: водворение осужденных в штрафной изолятор, переводы злостных нарушителей режима в помещения камерного типа, тюрьму или строгие условия отбывания наказания. Эти меры усиливают карательные возможности наказания, так как за ними следуют более строгая изоляция нарушителей режима, ограничения их передвижения, а также усиление надзора и контроля за их поведением. Все эти режимы имеют временные параметры, так как определяют ограничительное правовое состояние осужденных на определенное время (от шести месяцев до трех лет).

По происхождению это меры принудительного характера, имеющие дополнительные карательные элементы и усиливающие отбываемое наказание. Как и меры режимно-предупредительного свойства, они реализуются в нормах уголовно-исполнительного права и занимают свою нишу в системе режима отбывания наказания. В целом они выполняют функцию обеспечения реализации наказания и занимают последующее за режимно-пресекательными мерами место, замыкают цепочку режимных мер обеспечения реализации наказания, связанных с отклоняющимся отрицательным поведением осужденных, составляя ее последнее звено.

Пятую группу режимных мер, обеспечивающих реализацию наказания в виде лишения свободы, составляют меры безопасности. Они исходят не от факторов, учитываемых при назначении наказания и не от отклоняющегося отрицательного поведения осужденных во время отбывания наказания, а определяются криминологической характеристикой совершенного ими преступления и личности. Например, согласно ч. 4 ст. 73 УИК РФ осужденные за преступления определенного вида (предусмотренные ст. 126, 205, 206, 208–211 УК РФ и др.), а также осужденные при особо опасном рецидиве преступлений, пожизненно лишены свободы направляются для отбывания наказания в места, определяемые федеральным органом уголовно-исполнительной системы; за некоторыми осужденными устанавливается оперативно-профилактический

контроль в исправительном учреждении по факту совершения ими определенной категории преступлений; осужденным при особо опасном рецидиве преступлений не предоставляются выезды за пределы исправительного учреждения, переводы в колонию-поселение, расконвоирование; судом устанавливается административный надзор за преступлениями против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних и пр.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. предусматривает раздельное содержание осужденных с учетом не только тяжести совершенного преступления, но и криминологической характеристики этого преступления и личности преступника, при этом особое внимание должно отводиться осужденным, прочно усвоившим и распространяющим элементы поведения криминальной среды. Им должны быть определены безопасные места содержания, например, в изолированных участках, функционирующих как тюрьма (ч. 2 ст. 74 УИК РФ).

На наш взгляд, в целом решение задачи обеспечения безопасности осужденных, персонала, иных граждан, поставленной в федеральном законе «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», должно осуществляться за счет определения полноценной системы безопасности, которая должна быть отлажена так, чтобы по прибытии осужденного в исправительное учреждение после его изучения он был определен в классификационную группу по критерию опасности личности. Для этого потребуются не только специалисты определенных профессий, которые бы изучали осужденных в первоначальный период их пребывания в исправительном учреждении, но и отлаженная система сбора, накопления, систематизации и передачи информации о личности правонарушителя от следователя и администрации СИЗО в исправительное учреждение.

Таким образом, для применения режима безопасности достаточно того, что осужденный отбывает наказание за преступление, имеющее опасность по криминологическому основанию (например, за совершение террористического акта, участие в преступном сообществе и т.п.), а также того, что он может оказать отрицательное влияние на других осужденных (например, из-за приверженности к тюремной субкультуре и ее принудительному насаждению в среде

осужденных). Содержание режима безопасности составляют раздельное содержание

разных категорий осужденных, обеспечение их личной безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Натасhev A.E., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. С. 95.

² См.: Уголовно-исполнительное право России: Учеб. / Под ред. В.И. Селиверстова. М., 2001. С. 299; Российский курс уголовно-исполнительного права: Учеб.: В 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 484.

³ См.: Советское исправительно-трудовое право: Учеб. / Под ред. Н.А. Стручкова, Ю.М. Ткачевского. М., 1983. С. 138–142.

⁴ См.: Садреев К.Ш. Режим лишения свободы и средства его обеспечения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1993. С. 7–8.

⁵ См.: Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л.А. Чешко. М., 1986. С. 291.

⁶ Там же. С. 390–391.

⁷ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1978. С. 537.

¹ Natashev A.E., Struchkov N.A. Osnovy teorii ispravitel'no-trudovogo prava. M., 1967. S. 95.

² См.: Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: Ucheb. / Pod red. V.I. Seliverstova. M., 2001. S. 299; Rossijskij kurs ugolovno-ispolnitel'nogo prava: Ucheb.: V 2 t. M., 2012. T. 1. S. 484.

³ См.: Sovetskoe ispravitel'no-trudovoe pravo: Ucheb. / Pod red. N.A. Struchkova, Ju.M. Tkachevskogo. M., 1983. S. 138–142.

⁴ См.: Sadreev K.Sh. Rezhim lisheniya svobody i sredstva ego obespechenija: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Kazan', 1993. S. 7–8.

⁵ См.: Slovar' sinonimov russkogo jazyka / Pod red. L.A. Cheshko. M., 1986. S. 291.

⁶ Там же. С. 390–391.

⁷ См.: Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka. M., 1978. S. 537.

УДК 343.368

К вопросу об уголовной ответственности за злостное уклонение от обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, получения предписания для направления в колонию-поселение или не прибывших к месту отбывания наказания

И.В. ДВОРЯНСКОВ – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения уголовных наказаний без лишения свободы НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, доцент

В статье рассматриваются вопросы уголовной ответственности за злостное уклонение от обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, получения предписания для направления в колонию-поселение или не прибывших к месту отбывания наказания, рассмотрены основания криминализации, формулируются дополнения к уголовному законодательству.

Ключевые слова: злостное уклонение; преступления против правосудия; уголовная ответственность; уголовно-исполнительные инспекции ФСИН России.

On the issue of criminal responsibility for malicious evasion of compulsory work, correctional labor, limitation of freedom, receiving orders to be sent to a colony-settlement or not arrived to the place of punishment

I.V. DVORYANSKOV – Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Chief Researcher at the

Department of methodologies development of execution of criminal penalties without imprisonment SIC-2 of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor

The article deals with questions of criminal responsibility for malicious evasion of compulsory labor, corrective labor, limitation of freedom, receiving orders to be sent to a colony-settlement or not arrived to the place of punishment, there are considered criminalization bases, formulated supplements to the criminal legislation.

Key words: malicious evasion; crimes against justice; criminal responsibility; criminally-executive inspection of the Federal Penal Service of Russia.

Выбор вида правовой ответственности определяется характеристиками материального признака правонарушения – характером и степенью общественной опасности деяния, а также возможностями эффективного предупреждения подобных деяний.

Качественная характеристика общественной опасности злостного уклонения от обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, получения предписания для направления в колонию-поселение или не прибывших к месту отбывания наказания складывается из ряда аспектов: во-первых, осужденные, злоупотребляя оказанным доверием и льготами, предусмотренными законодательством, препятствуют исполнению приговора; во-вторых, нарушается процесс реализации наказания или уголовно-исполнительных мер; в-третьих, совершение данного деяния свидетельствует о том, что превентивные цели не достигнуты; в-четвертых, указанным поведением дискредитируется само существование льгот, используя которые осужденный совершает новое преступление. Разумеется, нельзя исключать, что уклоняющийся от отбывания наказания или иных уголовно-исполнительных мер, как правило, ранее совершил достаточно опасное деяние и при определенных обстоятельствах вновь способен на аналогичное преступление.

Понятие злостного уклонения от указанных наказаний дано в ст. 30, ч. 3 ст. 46, ч. 4 ст. 58 УИК РФ, а определения уклонения осужденных от получения предписания для направления в колонию-поселение или не прибывших к месту отбывания наказания нет¹. Однако к признакам злостности в данном случае можно отнести: сокрытие осужденного, неявку осужденного для получения предписания или неприбытие к месту отбывания наказания в течение более 30 дней после истечения установленного в предписании срока.

Количественные характеристики общественной опасности таких деяний связаны прежде всего с их распространенностью.

Согласно сведениям ФСИН России о деятельности уголовно-исполнительных инспекций, численность осужденных, в отношении которых была произведена замена, в 2015 г. составила 49 861 чел. (в 2014 г. – 61 624 чел.), что является достаточно высоким показателем².

Представляется, что к правонарушениям, заключающимся в злостном уклонении от отбывания наказания в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, получения предписания для направления в колонию-поселение или не прибывших к месту отбывания наказания, средства административной ответственности не применимы. Подобные деяния являются основанием для реализации мер реагирования, предусмотренных уголовно-исполнительным правом: объявление в розыск, задержание на срок до 48 часов (данный срок может быть продлен судом до 30 суток), замена более строгим видом наказания (принудительными работами или лишением свободы). По своей строгости они превосходят административные наказания, предусмотренные в ст. 3.2 КоАП РФ, однако недостаточно эффективны ввиду следующих обстоятельств:

1. В отношении осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания указанных наказаний, уголовно-исполнительная инспекция направляет в суд представление о замене другим видом наказания. Однако УК РФ в отношении некоторых наказаний, в частности исправительных работ (ч. 4 ст. 50 УК РФ) и ограничения свободы (ч. 5 ст. 53 УК РФ), предусматривает факультативное право суда применить замену. Иными словами, суд может не усмотреть такой необходимости, что оставляет указанные выше меры реагирования без какого-либо эффекта.

Лишь в отношении злостного уклонения от обязательных работ замена наказания имеет характер императивного требования – «в случае злостного уклонения осужденного от отбывания обязательных работ они

заменяются принудительными работами или лишением свободы» (п. 3 ст. 49 УК РФ).

Важно отметить и то обстоятельство, что в случае замены указанных наказаний более строгим видом применяется льготный порядок исчисления сроков наказаний. Время наказаний, от которых осужденных уклонялся, засчитывается в сроки лишения свободы, принудительных работ в следующем соотношении: ограничения свободы – один день за два дня, исправительных работ – один день за три дня, а срок обязательных работ – из расчета один день за восемь часов обязательных работ.

2. В отношении уклонения осужденного от получения предписания для направления в колонию-поселение или не прибывших к месту отбывания наказания применяются только обеспечительные средства, а превентивные меры вообще не предусмотрены. Так, согласно разд. III Инструкции по направлению в колонию-поселение осужденных к лишению свободы, в отношении которых судом принято решение, предусматривающее самостоятельное следование к месту отбывания наказания, утвержденной Приказом Минюста РФ от 06.04.2009 г. № 102 (ред. от 01.02.2012), в случае уклонения осужденного от получения предписания для направления в колонию-поселение или неприбытия к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок начальник территориального органа ФСИН России либо лицо, его замещающее, выносит постановление о розыске осужденного. При установлении местонахождения и задержании осужденного территориальный орган ФСИН России, осуществивший задержание, в течение 48 часов доставляет его в суд для принятия решения в соответствии с УПК РФ. В случае принятия судом решения о заключении под стражу и направлении в колонию-поселение под конвоем осужденный направляется к месту отбывания наказания в порядке, предусмотренном ст. 75 и 76 УИК РФ.

Очевидно, что криминализация злостного уклонения от указанных наказаний и уголовно-исполнительных мер обеспечит большую эффективность предупреждения подобных деяний, поскольку, во-первых, вместо замены наказания более строгим (льготной по срокам) злостное уклонение будет образовывать самостоятельный состав преступления, за которое назначается наказание; во-вторых, новое наказание будет присоединяться к назначенному за прежнее преступление по правилам полного или частичного сложения или поглощения

более строгим менее строгого; в-третьих, злостное уклонение будет образовывать повторность преступления, квалифицирующаяся при наличии предыдущего осуждения за умышленное преступление как рецидив со всеми вытекающими негативными последствиями для осужденного (более строгое наказание, определение вида исправительного учреждения строгого режима для мужчин, более строгие правила назначения наказания – не менее 1/3 части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление).

Важным аргументом установления уголовной ответственности за злостное уклонение от отбывания наказания в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, получения предписания для направления в колонию-поселение или не прибывших к месту отбывания наказания является снятие обязанности по розыску осужденных с сотрудников уголовно-исполнительной системы, поскольку оперативно-розыскные меры при совершении преступления относятся к компетенции органов предварительного расследования и подведомственных им оперативно-розыскных подразделений. Предлагается отнести расследование таких преступлений к компетенции МВД России, поскольку дознание по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 314 УК РФ, к которым предполагается отнести рассматриваемые деяния, производится дознавателями органов внутренних дел Российской Федерации (ч. 3 ст. 150, ч. 3 ст. 151 УПК РФ).

В настоящее время ч. 1 ст. 314 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за злостное уклонение лица, осужденного к ограничению свободы, от отбывания наказания. Согласно примечанию 1 к данной статье, уголовная ответственность за злостное уклонение лица, осужденного к ограничению свободы, от отбывания наказания наступает в случае, когда оно назначено в качестве дополнительного наказания.

С учетом сказанного предлагаем изложить ч. 1 ст. 314 УК РФ в следующей редакции: «1. Злостное уклонение лица, осужденного к обязательным работам, исправительным работам, ограничению свободы, от отбывания наказания либо осужденного к лишению свободы от получения предписания для направления в колонию-поселение или неприбытие к месту отбывания наказания, наказывается...».

Примечание 1 к ст. 314 УК РФ исключить.

Важным вопросом является и конструирование санкций за данные преступления. Поскольку рассматриваемые деяния выражаются в уклонении от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, либо в уклонении от отбывания лишения свободы в колонии-поселении, целесообразно предусматривать за них наказание в виде лишения свободы, позволяющее увеличить интенсивность карательного воздействия в качестве реакции на противоправное поведение и обеспечить надлежащий превентивный эффект уголовно-правового запрета. Исходя из общественной опасности подобных деяний, обусловленной повторностью совершения, категория преступления должна быть не ниже средней тяжести. Это, согласно ч. 3 ст. 15 УК РФ, должно влечь максимальное наказание не ниже пяти лет лишения свободы. Также дол-

жен быть определен и нижний порог санкции. Ввиду того что максимальный срок наказания, от которого уклоняется виновный, составляет четыре года (ограничение свободы), а также с учетом правила перерасчета срока (один день лишения свободы за два дня ограничения свободы) предлагается установить минимальный размер наказания в два года лишения свободы. Определение низшего предела будет означать фактическое смягчение ответственности по сравнению с существующей ныне заменой.

Таким образом, в целях обеспечения дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания предлагается также оставить в санкции, предусмотренной ч. 1 ст. 314 УК РФ, наказание в виде принудительных работ с установлением сроков от одного года до пяти лет.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Приказ Минюста России от 06.04.2009 г. № 102 (в ред. от 01.02.2012).

² См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2015 г.): Информ.-аналит. сб. Тверь, 2016. С. 241.

¹ См.: Приказ Минюста России от 06.04.2009 г. № 102 (в ред. от 01.02.2012).

² См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2015 г.): Информ.-аналит. сб. Тверь, 2016. С. 241.

УДК 343.9

Криминологические знания – основа принятия управленческих решений в сфере борьбы с преступностью

■ **С.С. ГАЛАХОВ** – профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации

В статье рассматриваются вопросы криминологического обеспечения деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью в контексте принятия управленческих решений, связанных с противодействием криминальным угрозам общественной безопасности.

Ключевые слова: криминология; управление; организация; управленческие решения; криминологическое обеспечение; правоохранительная и оперативно-розыскная деятельность; борьба с преступностью.

Criminological knowledge – the basis of management decisions making in the fight against crime

■ **S.S. GALAHOV** – Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operative Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the

Federal Penal Service of Russia, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Employee of the internal affairs of the Russian Federation

The article deals with criminological ensure law enforcement in the fight against crime in the context of management decision-making related to reaction on criminal threats of public safety.

Key words: criminology; control; organization; management decisions; criminological security; law enforcement and operatively-search activity; the fight against crime.

В настоящее время, как это ни парадоксально, никто не скрывает того факта, что уровень принятых управленческих решений в любой сфере деятельности оставляет желать лучшего. Опыт прошлой управленческой деятельности в сфере внутренних дел порой предается забвению.

Необходимо признать, что в условиях временного экономического кризиса правоохранительная система, не успев встать на ноги, вновь оказалась в зоне риска.

В декабре 2015 г. В.В. Путин традиционно выступил с посланием Федеральному Собранию, в котором обратил внимание на основные пути и перспективы развития страны на ближайший год. Отчасти он затронул и проблемы государственного управления, являющиеся актуальными в сфере обеспечения общественной безопасности и борьбы с преступностью.

«Россия не имеет права быть уязвимой, – говорил Президент, – нужно быть сильными в профессиональных компетенциях, в полной мере использовать...» их. Принимая управленческие решения, необходимо учитывать мнение профессионалов: как практиков, так и теоретиков. В качестве обратной связи должно быть объяснение сути возникающих проблем и логики принятия управленческих решений. Только изменив свой подход к любой информации, и особенно к криминологической, исключив всякую возможность ее игнорирования, правоохранители смогут решать масштабные задачи в сфере безопасности и обеспечения прав и свобод человека и гражданина, повышения качества управления деятельностью по борьбе с преступностью и уровню защищенности правопокорных граждан от криминальных угроз.

Именно поэтому необходимы дальнейшее укрепление доверия между практикой и наукой, усиление востребованности научных исследований, которые в последнее время, надо признать, перестали отвечать нуждам практики. В этой связи на ученых лежит большой груз ответственности по реабилитации научных знаний в целом и крими-

нологических в частности как предпосылки обоснованности принятия управленческих решений. Многим ученым и практикам не понятно, почему сокращаются или объединяются, реструктурируются, а то и вовсе ликвидируются самостоятельные подразделения, меняются и приоритеты в борьбе с преступностью. Управленческие решения принимаются без криминологической экспертизы или учета криминологической информации. Об их системных недостатках говорится, в частности, в «Основных направлениях совершенствования правового обеспечения организации и деятельности системы МВД России на 2007–2017 годы»¹. Как известно, именно органы внутренних дел являются основным субъектом борьбы с преступностью в России, и поэтому именно они в первую очередь нуждаются в криминологическом обеспечении своей управленческой деятельности.

Любая деятельность, особенно направленная на принятие решений управленческого характера, связана с анализом той информации, которая наиболее полно отвечает ее интересам. В нашем случае это управленческая деятельность в сфере общественной безопасности, главной составляющей которой является борьба с преступностью. Проблема криминологического обеспечения управленческих решений имеет глубокие корни. Многие практики и ученые воспринимают словосочетание «криминологическое обеспечение управленческих решений» как совокупность слов, трудно воспринимаемых в одном смысловом контексте.

Согласно принципам системного анализа стоящая перед обществом, государством и правоохранительными органами проблема улучшения управления борьбой с преступностью должна рассматриваться как логичная система во взаимодействии всех ее компонентов. Для этого необходимо определить, что представляет собой понятие «криминологическое обеспечение управленческого решения».

При принятии решения об управлении любой системой необходимо выявить ее общую цель, цели отдельных подсистем и множество альтернатив для достижения этих целей, которые сопоставляются по научно обоснованным критериям эффективности для выбора наиболее оптимальных. В методологическом плане указанный подход основан на том, что оптимизация любого вида деятельности любого подразделения и ее сотрудников подразумевает правильную постановку цели с возможно более точным знанием объективных законов, определяющих реальность ее достижения. С этим связан выбор конкретных сил, средств и способов достижения поставленной цели. Следует отметить, что цель можно представить как «идеальный образ желаемого, возможного и необходимого состояния управляемой системы»². В процессе реализации управленческой деятельности цели отражают основные ее направления, позволяют уточнить работу той или иной структуры в период ее функционирования. Поэтому они должны обуславливаться, как правило, объективными потребностями государства. В качестве целей следует рассматривать и явления, и состояния, которые могут быть измерены. То есть никакая цель не может быть абстрактной, она может быть достигнута благодаря решению ряда задач.

Учитывая изложенное, главными задачами деятельности правоохранительных органов являются предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений. Указанные задачи реальны и достижимы. А главное, они вытекают из содержания уголовного законодательства и иных нормативных правовых предписаний, регулирующих деятельность по борьбе с преступностью в целом.

В специальной юридической и управленческой литературе задачи и функции любой деятельности рассматриваются в качестве смежных категорий, органически связанных друг с другом, хотя и неравнозначных. Наличие задач порождает соответствующие функции, без которых они не могут быть решены. В то же время задачи определяют содержание функций, воздействуют на формы и методы их осуществления³. Выполнение задач невозможно без информационного обеспечения, но выявление необходимой информации требует уяснения понятия управления и входящих в него функций. Только на этой основе мы сможем определить ту нишу, в которой будет востребована криминологическая информация.

Однако приходится констатировать, что в настоящее время эти вопросы в специальной управленческой литературе исследованы недостаточно. Основной акцент в ней делался на исследование вопросов, имеющих отношение исключительно к организационным аспектам в целом и в меньшей степени применительно к криминологической составляющей управленческой деятельности.

В теории государственного управления преобладает точка зрения, согласно которой управление может быть определено как процесс восприятия, преобразования и передачи информации. Ведущей функцией управления является организация исполнения принятых решений, предполагающая альтернативный подход к выбору их вариантов. Чтобы выработать различные варианты решения, необходимо собрать по различным каналам многочисленные сведения, статистические данные и т.п.⁴

В целом управленческая деятельность начинается и заканчивается с анализа и оценки управленческой ситуации, то есть работой с информацией. То же самое можно сказать про решение правоохранительными органами любой из своих основных задач. В обоих случаях информация первична, она воздействует на все выполняемые функции и решаемые задачи. И чем рациональней организовано информационное обеспечение, тем обоснованнее принимаются управленческие решения, осуществляется реализация целей, задач и функций правоохранительной системы.

Следовательно, любой федеральный орган исполнительной власти выполняет свои функции-задачи силами, средствами и методами, присущими управлению как специфическому виду деятельности, посредством реализации общих функций управления, в том числе и организации⁵.

По своему содержанию управление – информационный процесс, который обычно включает такие операции (функции, мероприятия) органа управления или его субъектов, как «получение необходимой исходной информации об объекте и окружающей его среде (информации состояния), принятие решения (переработка и преобразование информации состояния)»⁶ и постановка задач управляемому объекту (организации, подразделению, оперативному сотруднику). В данном случае речь идет об организационном упорядочении управленческой информации, хотя сказанное может быть соотносено и с общей⁷, и частной информацией, способствующей борьбе с преступностью.

Из всей информации, обеспечивающей принятие управленческого решения, исключительную важность представляют сведения о лицах, замысляющих, подготавливающих, совершающих и совершивших преступления, борьба с которыми отнесена к компетенции оперативных подразделений. И, что особенно важно для научного предвидения, информация об их последующих намерениях и предполагаемых действиях для принятия адекватных мер⁸. Именно такую информацию добыть особенно трудно. Поэтому одним из путей совершенствования принятия управленческого решения является его надлежащее информационное обеспечение, связанное с изучением состояния оперативной обстановки в регионе на основе анализа совокупных данных, полученных из различных, не связанных друг с другом источников⁹.

Большинство исследовательских работ, посвященных проблемам управления борьбой с преступностью, традиционно описывают ее предметные характеристики, создающие исходную методологическую основу для разработки научно обоснованных управленческих решений по совершенствованию организации, методики и тактики борьбы с преступностью в целом и отдельными преступлениями в частности. В этих целях разработаны и успешно используются те характеристики преступности и ее отдельных видов, которые в наибольшей степени удовлетворяют потребностям практики. Однако их множество предполагает определение приоритетности той или иной информации при принятии управленческого решения, причем не тактического, а стратегического характера – на продолжительную перспективу. Не зря в связи с этим В.Н. Кудрявцев отмечал, что изучение преступных проявлений преследует практическую цель, конечным итогом которой является разработка, осуществление научно обоснованных мер, способствующих эффективной борьбе с преступностью, количественному снижению, ликвидации наиболее опасных ее проявлений¹⁰. Преступность – сложное социальное явление, изучаемое рядом юридических наук, каждая из которых использует присущую ей систему понятий.

Так, уголовно-правовая теория наряду с другими институтами разрабатывает понятие преступления, выделяет его состав, структуру, определяет систему преступлений, виды и меру наказания и т.п.¹¹ Уголовно-процессуальная наука в своей основе изучает преступление как предмет рассле-

дования¹². Криминалистика исследует преступления с позиции способов их совершения, а также использование различных приемов и методов по их расследованию¹³. Криминология наряду с другими вопросами изучает преступность, виды преступности, преступления; их причины, иные виды их взаимосвязей с различными явлениями и процессами; результативность применения мер по борьбе с преступностью¹⁴, а также исследует влияние преступности на общество¹⁵. Юридическая психология раскрывает психические механизмы поведения преступника¹⁶. В науке оперативно-розыскной деятельности уже давно сложилось суждение, что она изучает совокупность ряда информационных признаков, упорядоченных и взаимосвязанных, почерпнутых из различных информационных источников (входящих прежде всего в криминалистическую, криминологическую, психологическую, социологическую, экономическую и другие характеристики преступлений). При этом интегративный характер информации, необходимой для правильного управления силами, средствами и методами оперативно-розыскной деятельности, предопределен спектром стратегических или тактических задач, решаемых оперативными подразделениями в борьбе с преступностью, и наиболее результативным их применением¹⁷.

Как видно из сказанного, наиболее приемлемая информация, обеспечивающая принятие управленческих решений в сфере борьбы с преступностью, в качестве своей основы связана с криминологическими знаниями. Следует также сказать, что эти знания более объемны и информативны по своему сущностному содержанию и включают в свою структуру такие устойчивые признаки, которые способствуют разработке комплексных управленческих решений, объединяющих в себе организационные, методические и тактические мероприятия по предупреждению, расследованию и раскрытию отдельных видов или групп преступлений.

И.И. Карпец в свое время подчеркивал, что вторая составная часть науки криминологии – причины преступности и условия, ей способствующие. Проблема причинности – одна из ключевых и трудных в общественных науках и, конечно, в криминологии. Ее решение во многом определяется тем, какие философские взгляды исповедует ученый. В то же время вопрос причинности не только теоретический, но и практический, ибо без изучения причин такого

явления, как преступность, и условий, ему способствующих, нельзя на научной основе вести с ней борьбу. Причем не только силами одних правоохранительных органов и с помощью закона, но и путем экономических и социальных преобразований, которые в силах осуществить общество и государство в целом¹⁸.

Ю.М. Антонян предлагает выделять два уровня криминологических знаний о причинах преступности:

- на уровне всей преступности – сосредоточение внимания на глобальных экономических, социальных, психологических и иных противоречиях, существенных недостатках в деятельности государственных органов и общественных организаций, которые оказывают отрицательное влияние на общество, состояние общественной нравственности, поведение отдельных людей;

- на уровне личности и индивидуального поведения – фокусирование научных усилий на познании психологии человека, прибегая к глубинным психологическим (патопсихологическим) и психиатрическим (психопатологическим), психолого-психиатрическим исследованиям. В конце концов, преступность есть сумма совершенных отдельными людьми преступлений, и чтобы понять причины этой «суммы», нужно знать причины отдельных фактов¹⁹.

Вместе с тем знание причинного комплекса, порождающего преступность, личности преступника и среды его окружения не является самоцелью, а выступает необходимым условием выбора правильных управленческих решений в сфере борьбы с преступностью. Таким образом, содержание и сущность криминологических знаний являются базой для разработки управленческих решений. Их практическое значение определяется тем, что они выступают для руководителей разного уровня правоохранительных органов в качестве информационного обеспечения их деятельности по решению конкретных задач борьбы с преступностью.

С.С. Овчинский вполне обоснованно сделал вывод о том, что, говоря о тенденциях информационного обеспечения борьбы с преступностью, необходимо учитывать те негативные процессы в обществе, которые вызваны обострением криминогенной ситуации, развитием организованной преступности, коррупции, уголовного терроризма, теневой экономики²⁰.

Таким образом, криминологическое обеспечение управленческих решений связано

с обобщением данных о состоянии криминогенной ситуации, преступности, используемых в борьбе с ней сил, средств и методов правоохранительных органов, сведений о причинах преступлений и условиях, способствующих их совершению, а также о принимаемых мерах по противодействию преступности. Как видим, оно охватывает множество вопросов, включая анализ качественных и количественных характеристик преступности, ее причинный комплекс, другие виды информации, имеющей отношение к противодействию преступности²¹.

Учитывая направленность криминологического обеспечения управленческих решений на решение проблем, связанных с противодействием криминальным угрозам и управлением этой деятельностью, ее условно можно разделить на четыре основных блока:

- информация о преступности как социально-правовом явлении, видах преступности и отдельных преступлениях, а также об иных правонарушениях;

- информация о причинах и условиях преступности, ее видах и отдельных преступлениях;

- информация о лицах, совершивших преступления либо систематически нарушающих административно-правовые нормы, их демографических, социально-ролевых, психологических и правовых признаках;

- информация о состоянии и результатах борьбы с преступностью, направлениях повышения ее эффективности.

Таким образом, рассматриваемый вид деятельности заключается в предоставлении сведений о преступности и иных процессах, явлениях, с ней связанных, детерминантах преступности, личности преступника и состоянии предупредительной деятельности.

Анализ и оценка криминогенной обстановки – это постоянный аналитический процесс, осуществляемый в рамках повседневной деятельности правоохранительных и иных органов, выражающийся в сборе, систематизации и осмыслении разнообразных данных о преступности, обеспечивающих должную эффективность борьбы с нею²².

От того, как организовано криминологическое обеспечение деятельности правоохранительных органов, во многом зависит и вся управленческая деятельность. Актуальным ее направлением является устранение бессистемности в сборе криминологической информации, рассогласованности между различными субъектами в ее анали-

зе и разработке управленческих решений, что позволяет повысить уровень их реализации.

Говоря о повышении эффективности использования криминологических знаний при разработке управленческих решений, нельзя забывать о принципе плановости. В целом планирование управленческой деятельности должно основываться на анализе оперативной обстановки на участке оперативного обслуживания, информации о криминогенной и криминальной обстановке и возможных прогнозных вариантах ее изменения в ближайшей и отдаленной перспективе. Игнорирование этого принципа в последние десятилетия привело к повсеместному механическому установлению усредненных нормативов отчетных показателей, послуживших выхолащиванию содержания и эффективности принимаемых управленческих решений.

В современных подходах к оценке качества криминологических знаний, используемых при разработке управленческих

решений, утрачен их реальный смысл – помогать принимать правильные управленческие решения по маневрированию силами и средствами правоохранительных органов, определять оптимальный набор проводимых мероприятий в целях эффективной, а не показательной борьбы с преступностью.

В целом, конечно, трудно уйти от привычных алгоритмов и шаблонных подходов к разработке и принятию управленческих решений на основе криминологических знаний, их обеспечивающих. Однако надо всегда помнить, что набор криминологических знаний, востребованных применительно к различным управленческим уровням системы правоохранительных органов, имеет свои различия. Поэтому расширение познаний сотрудников правоохранительных органов, а зачастую и получение ими первичных сведений из теории управления – дополнительная, но не второстепенная задача научно-педагогического корпуса всех субъектов правоохранительной деятельности в Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Приказ МВД России от 05.01.2007 г. № 5 «Об утверждении Основных направлений совершенствования правового обеспечения организации и деятельности системы Министерства внутренних дел Российской Федерации на 2007–2017 годы».

² Коротков Э.М. Концепция менеджмента: Учеб. пособие. М., 1998. С. 61.

³ См., напр.: Бугель Н.В. Организационно-правовой механизм управления органами внутренних дел (системно-правовой и методологический анализ): Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001. С. 123.

⁴ См.: Общая теория управления: Материалы к лекциям / Под общ. ред. Н.П. Пищулина. М., 1993. С. 61–62.

⁵ Об этом также см.: Малков В.Д. Планирование в управлении органами внутренних дел. М., 1976. С. 17.

⁶ Иванов В.А., Савельев В.П., Шеманский П.В. Основы управления войсками. М., 1971. С. 11.

⁷ См.: Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: Курс лекций. М., 1997. С. 249.

⁸ См.: Ратинов А.Р. Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике // Правовая кибернетика. М., 1980. С. 185–197.

⁹ См.: Лукашов В.А. Организация и методика информационно-аналитической работы в сфере оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: Лекция. Омск, 1983. С. 3.

¹⁰ См.: Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 8; Он же. Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения): Моногр. М., 2007. С. 3–10.

¹¹ См.: Уголовное право: Общая часть: Учеб. для вузов. М., 1999. С. 8–15.

¹² См.: Уголовный процесс: Учеб. для вузов. М., 1999.

¹³ См.: Аверьянова Т.В. и др. Криминалистика: Учеб. для вузов / Под ред. Р.С. Белкина. М., 2000. С. 12–17.

¹⁴ См.: Криминология: Учеб. для юрид. вузов. М., 1997. С. 5.

¹⁵ См.: Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация / Под ред. А.С. Овчинского и В.С. Овчинского. М., 2000. С. 335.

¹⁶ См.: Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. М., 1999.

¹⁷ См.: Гребельский Д.В. О соотношении криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений

¹ См.: Приказ МВД России от 05.01.2007 г. № 5 «Об утверждении Основных направлений совершенствования правового обеспечения организации и деятельности системы Министерства внутренних дел Российской Федерации на 2007–2017 годы».

² Коротков Э.М. Концепция менеджмента: Учеб. пособие. М., 1998. С. 61.

³ См., напр.: Бугель Н.В. Организационно-правовой механизм управления органами внутренних дел (системно-правовой и методологический анализ): Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001. С. 123.

⁴ См.: Обshhaja teorija upravlenija: Materialy k lekcijam / Pod obshh. red. N.P. Pishhulina. M., 1993. S. 61–62.

⁵ Ob jetom takzhe sm.: Malkov V.D. Planirovanie v upravlenii organami vnutrennih del. M., 1976. S. 17.

⁶ Ivanov V.A., Savel'ev V.P., Shemanskij P.V. Osnovy upravlenija vojskami. M., 1971. S. 11.

⁷ См.: Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: Курс лекций. М., 1997. С. 249.

⁸ См.: Ратинов А.Р. Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике // Правовая кибернетика. М., 1980. С. 185–197.

⁹ См.: Lukashov V.A. Organizacija i metodika informacionno-analiticheskoj raboty v sfere operativno-rozysknoj dejatel'nosti organov vnutrennih del: Lekcija. Omsk, 1983. S. 3.

¹⁰ См.: Kudrjavcev V.N. Prichiny pravonarushenij. M., 1976. S. 8; On zhe. Prichinnost' v krimonologii (o strukture individual'nogo prestupnogo povedenija): Monogr. M., 2007. S. 3–10.

¹¹ См.: Ugolovnoe pravo: Obshhaja chast': Ucheb. dlja vuzov. M., 1999. S. 8–15.

¹² См.: Ugolovnyj process: Ucheb. dlja vuzov. M., 1999.

¹³ См.: Aver'janova T.V. i dr. Kriminalistika: Ucheb. dlja vuzov / Pod red. R.S. Belkina. M., 2000. S. 12–17.

¹⁴ См.: Krimonologija: Ucheb. dlja jurid. vuzov. M., 1997. S. 5.

¹⁵ См.: Ovchinskij S.S. Operativno-rozysknaja informacija / Pod red. A.S. Ovchinskogo i V.S. Ovchinskogo. M., 2000. S. 335.

¹⁶ См.: Chufarovskij Ju.V. Juridicheskaja psihologija. M., 1999.

¹⁷ См.: Grebel'skij D.V. O sootnoshenii kriminalisticheskikh i operativno-rozysknykh harakteristik prestuplenij // Kriminalisticheskaja harakteristika prestuplenij. M., 1984. S. 72–73.

¹⁸ См.: Krimonologija: Ucheb. / Pod red. V.N. Kudrjavceva, prof. V.E. Jeminova. M., 1995. S. 22–23.

// Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984. С. 72–73.

¹⁸ См.: Криминология: Учеб. / Под ред. В.Н. Кудрявцева, проф. В.Е. Эминова. М., 1995. С. 22–23.

¹⁹ См.: Антонян Ю.М. Концепция причин преступности и причин преступности в современной России // Преступность и общество: Сб. науч. тр. М., 2001. С. 3–4.

²⁰ См.: Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация. С. 310.

²¹ Это может быть: политическая информация – основа для определения целей и задач противодействия преступности, выявления проблем, разработки и принятия решений в данной сфере деятельности; экономическая информация – сведения об экономической структуре и условиях развития региона, ресурсном обеспечении деятельности правоохранительных органов; правовая информация – совокупность законодательных и иных нормативных правовых актов, регулирующих деятельность субъектов противодействия, определяющих противоправные деяния и условия их криминализации и т.д.; социальная информация – криминологические значимые сведения об отклоняющемся поведении в формальных и неформальных группах, его видах, влиянии на окружение; психологическая информация – сведения об интересах и потребностях лиц, склонных к девиантному поведению, методах реализации криминогенного мышления; демографическая информация – данные о состоянии, структуре и движении населения, его половозрастном, национальном и социальном составе, демографических процессах (урбанизации, миграции) и т.п.; техническая и технологическая информация – данные о состоянии технических приспособлений, технического обеспечения и технологических приемах, используемых в целях противодействия преступности, информационного и оперативно-технического обеспечения правоохранительной деятельности.

²² См.: Зубов И.Н. и др. Организация прогнозирования преступности в регионе и использование данных прогноза в подготовке управленческих решений. М., 1998. С. 5.

¹⁹ См.: Антонян Ю.М. Концепция причин преступности и причин преступности в современной России // Преступность и общество: Сб. науч. тр. М., 2001. С. 3–4.

²⁰ См.: Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация. С. 310.

²¹ Это может быть: политическая информация – основа для определения целей и задач противодействия преступности, выявления проблем, разработки и принятия решений в данной сфере деятельности; экономическая информация – сведения об экономической структуре и условиях развития региона, ресурсном обеспечении деятельности правоохранительных органов; правовая информация – совокупность законодательных и иных нормативных правовых актов, регулирующих деятельность субъектов противодействия, определяющих противоправные деяния и условия их криминализации и т.д.; социальная информация – криминологические значимые сведения об отклоняющемся поведении в формальных и неформальных группах, его видах, влиянии на окружение; психологическая информация – сведения об интересах и потребностях лиц, склонных к девиантному поведению, методах реализации криминогенного мышления; демографическая информация – данные о состоянии, структуре и движении населения, его половозрастном, национальном и социальном составе, демографических процессах (урбанизации, миграции) и т.п.; техническая и технологическая информация – данные о состоянии технических приспособлений, технического обеспечения и технологических приемах, используемых в целях противодействия преступности, информационного и оперативно-технического обеспечения правоохранительной деятельности.

²² См.: Зубов И.Н. и др. Организация прогнозирования преступности в регионе и использование данных прогноза в подготовке управленческих решений. М., 1998. С. 5.

УДК 343.982.323

К вопросу о возможности идентификации человека по изображению элементов лица, не закрытых маской

С.М. КОЛОТУШКИН – профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

В статье проводится анализ технико-криминалистических возможностей идентификации человека по изображению отдельных элементов его лица, которые не закрыты маской, в материалах видеозаписи: мимических зон вокруг глаз, у рта, а также зубного аппарата человека.

К л ю ч е в ы е с л о в а : габитоскопия; маска лица; идентификация человека; элементы лица; зубы; видеонаблюдение; изображение.

On the possibility of human identification by the face elements not covered by the mask

S.M. KOLOTUSHKIN – Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operative Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dcs. in Law, Professor

The article analyzes the technical and forensic human identification capabilities by individual elements of the face, which are not covered by the mask, in the materials of the video: facial areas around the eyes, mouth and dental device of the person.

Key words: gaitography; face mask; human identification; elements of the face; teeth; vide-surveillance; picture.

При совершении преступлений, чтобы скрыть свое лицо от систем видеонаблюдения, преступники используют маски, парики, широкие темные очки, низко опущенный козырек головного убора либо капюшон. В последнее время в преступной среде, а также среди участников разного рода экстремистских организаций стало популярным использование балаклав. Балаклава – головной убор (вязанный шлем), закрывающий голову и лицо, оставляя небольшие прорезы для глаз и рта, обычно они изготавливаются из шерсти, полиэстера или флиса.

В отдельных случаях балаклаву заменяют маской для лица. Это связано с тем, что балаклава, особенно темного цвета, заметна и выделяет человека из толпы, например на стадионе или во время уличных демонстраций. Правоохранительные органы, как правило, в целях профилактики и предотвращения противоправных действий активнее реагируют на людей в балаклавах. Маска создает видимость лица человека, и заметить эту имитацию можно только с близкого расстояния. В маске, как и в балаклаве, делаются прорезы для глаз и рта (рис. 1).

Рис. 1. Балаклава и маска для лица с прорезями для глаз и рта

Как известно, с помощью портретной экспертизы устанавливается личность преступника, погибшего человека, потерпевшего и очевидцев. В случае использования масок для лица применение существующих методик, основанных на сопоставлении константных точек, наложении разноименных половин лица, симметрии элементов внешности и др., невозможно или существенно затруднено. Необходима разработка таких методов, которые обеспечивали бы идентификацию человека по изображению его отдельных элементов лица. На рис. 2 видно, как с использованием системы видеонаблюдения фиксируются изменения складок лица около левого глаза в момент моргания. При стандартной скорости видеозаписи 25 кадров в секунду процесс моргания глазами отображается на 6–9 кадрах. В отличие от фотографии, на покadroвом просмотре материалов видеозаписи видна динамика изменения топографии и формы морщин и складок лица. Другими словами, видеозапись фиксирует динамику мимических изменений отдельных (частных) признаков на лице человека.

В наших исследованиях мы предприняли попытку выделения и анализа отдельных элементов лица на примере близнецов. Интерес к исследованию портретов близнецов был связан с тем, что их внешняя схожесть затрудняла задачу идентификации по изображению как портрета в целом, так и отдельных элементов лица. Для проверки возможности идентификации человека по изображению отдельных элементов лица, а также зубного аппарата нами был проведен ряд экспериментов с использованием изображений близнецов юношей и девушек, имеющих высокую степень сходства и еще не испытывающих возрастных изменений в комплексе признаков их внешности. Экспериментальные исследования включали видеозапись 12 пар близнецов в разных ракурсах при смене мимики: улыбка, смех, хмурость, удивление, произнесение отдельных слов и фраз с разной силой голоса (от шепота до крика). На рис. 3 изображена пара близнецов – мужчин в возрасте 20 лет, с которыми исследовалась возможность идентификации по изображениям мимических складок в районе глаз и изображению

зубов. Видеозапись проводилась с расстояния 1,5–3 м, что соответствует условиям работы стационарных систем видеонаблю-

дения банкоматов, кассовых аппаратов, а также рубежного контроля на входах в помещения или на территории.

Рис. 2. Видеоряд отдельных кадров видеозаписи изображения человека в маске в момент моргания глазами

Рис. 3. Пара близнецов, участвующих в экспериментах по оценке возможности идентификации человека по изображениям мимических складок в районе глаз и изображению зубов: а – близнец № 1; б – близнец № 2

Проведенные исследования были ориентированы на изучение изображений тех участков лица, которые открыты при использовании маски (балаклавы) – линии глаз, рта и зубов. Прослеживалась устойчивость мимических деталей лица. Постоянная повторяемость и последовательность появления и исчезновения отдельных морщин и складок образуют комплекс индивидуальных признаков, достаточный для идентификации человека. Наибольшие трудности возникают при выборе той или иной мимики человека и степени ее выраженности. Так, улыбка зависит от множества факторов – эмоционального состояния человека, настроения, этикета и т.п. По-разному человек

моргает и жмурится – от яркого света, сильного внезапного звука (выстрела), чихания.

Результативность работы по отождествлению человека по материалам видеозаписи в условиях, когда на лице находилась маска, зависит от качественного подбора сравнительных образцов. Поэтому производить видеозапись подозреваемого (обвиняемого) необходимо с соблюдением целого ряда условий, которые должны соответствовать характеристикам представленных для исследования материалов. К таким условиям относятся: направление и уровень освещения, ракурс участка лица, конкретная мимика и ее выраженность, скорость видеозаписи и др.

Важно отметить, что динамические признаки человека отобразить с помощью фотосъемки практически невозможно, так как время проявления, изменения и угасания этих признаков измеряется миллисекундами. При получении сравнительных образцов необходимо использовать только видеозапись, а при последующем покадровом просмотре выбирать те изображения, которые подходят для сравнительного исследования. В отдельных случаях в качестве сравнительных образцов могут выступать свободные образцы видеозаписи идентифицируемого челове-

ка. Как правило, это любительские видеофильмы.

На рис. 4 показана раскадровка видеозаписи двух близнецов, сделанная с расстояния 1,5 м при скорости видеозаписи 25 кадров в секунду, при обычном дневном освещении и освещении комнатными лампами накаливания. В качестве мимического проявления было выбрано зажмуривание при резком хлопке ладонями перед лицом испытуемого.

Проведенное исследование показало, что рисунки морщин у наружного угла глаза и на переносице наиболее выражены и динамически активны.

Рис. 4. Видеоряд изображений морщин и складок у наружного угла глаза и на переносице при зажмуривании: а, б, в, г – видеоряд изображений близнеца № 1; д, е, ж, з – видеоряд изображений близнеца № 2

Покадровый анализ позволяет четко фиксировать количество, направление, размеры и взаиморасположение морщин и складок. Наибольшую выраженность они имеют при сильном зажмуривании глаз, при открытии глаза топография и степень выраженности их меняются.

Возможности отождествления человека по строению его зубного аппарата дав-

но изучены в криминалистике, достаточно подробно раскрыты методические основы подобной идентификации в трасологии (в последнем случае учитывается объемность следа, его характер в динамике отображения на различных объектах).

В данной статье мы попытаемся обосновать возможность идентификации человека по изображению зубов, зафиксированных

на фотоснимках и в материалах видеозаписи.

Наблюдение и фиксация строения зубного аппарата возможны, например, при употреблении человеком пищи, разговоре, смехе, курении, преодолении физических нагрузок, боли и в других ситуациях. Отдельные физиологические особенности человека позволяют наблюдать строение его зубного аппарата, когда человек находится в статическом положении, например приоткрытый рот во время сна и т.п.

Известно, что зубы человека имеют сложное строение. Зубной аппарат представлен резцами, клыками, молярами и премолярами, их взаиморасположение, очередность и конфигурация индивидуальны. Ярко выраженные особенности зубного аппарата, а также отклонения от нормы в строении и форме зубных рядов, нарушения прикуса могут выступать индивидуализирующими признаками конкретного человека. К таким признакам относятся скученность и редкость зубов, формы и места соприкосновения зубов между собой. Форма зубных рядов может быть разнообразной: уплощенной, вытянутой, седловидной или гитарообраз-

ной, треугольной, трапециевидной. Иногда зубной ряд имеет асимметричную форму. Формы зубных рядов многообразны: скученность зубов в одном участке может сочетаться с их редкостью в другом, при этом формы верхнего и нижнего зубных рядов могут быть не связаны между собой. Кроме того, к индивидуализирующим признакам можно отнести отсутствие одного или нескольких передних зубов, сильно выступающие клыки, а также коронки и т.п.

Применительно к судебной-следственной практике фиксация зубного аппарата человека особенно важна тогда, когда другие признаки головы и лица человека не видны или закрыты, например, при надетой на голову маске, парике и темных очках; низко опущенном козырьке головного убора; фиксацией только нижней части лица человека (запись видеокамеры банкомата) и др.

При проведении экспериментов близнецы выполняли одинаковые действия, связанные с открытием рта и наблюдением их зубов: широкая улыбка; громкий смех с запрокидыванием головы; громкое произношение слов с сильно выраженной артикуляцией шипящих звуков (рис. 5).

а

б

Рис. 5. Изображение зубов при громком произношении слов с сильно выраженной артикуляцией шипящих звуков: а – близнец № 1; б – близнец № 2

Проведенные исследования показали, что при решении задач идентификации необходимо анализировать такие параметры, как масштаб изображения и ракурс, под которым наблюдается зубной аппарат человека. При выборе единого масштаба можно любой элемент зубного аппарата, например передний зуб, привести увеличением или уменьшением к одинаковому размеру на исследуемых изображениях (рис. 6).

Материалом для исследования могут быть фотографии или отдельные кадры видеозаписи.

В дальнейшем был использован метод сравнения, традиционный в трасологии, когда сопоставляют форму статического поверхностного следа – взаиморасположение его отдельных элементов, выделяют общие

и частные признаки. Например, в качестве сравнения общих признаков может выступать конфигурация рабочей кромки зубов. Используя метод наложения, при едином масштабе изображения можно наблюдать, что конфигурация кромки зубов разных лиц различна. В качестве частных признаков выступают формы зубов, места и точки их касания, признаки деформаций и болезни.

Проведенные исследования показали реальную возможность идентификации человека по изображению его зубного аппарата на фотоснимках, сделанных на расстоянии до 3 м, и в материалах видеозаписи, произведенной с расстояния до 1,5 м. Чаще всего с такого расстояния производится видеозапись банкоматов, систем рубежного

контроля (входы – выходы, зоны кассовых аппаратов, пассажирские эскалаторы, об-

щественный транспорт, периметры охраны и др.).

Рис. 6. Сравнение наблюдаемого зубного аппарата двух близнецов: а, б, в – зубной аппарат близнеца № 1; г, д, е – зубной аппарат близнеца № 2; в, е – контуры верхних зубных рядов двух близнецов; ж – наложение изображений передних рядов зубов двух близнецов

В настоящее время активно применяются основанные на использовании современной компьютерной техники и программного обеспечения автоматические банки данных (АБД) и автоматические информационно-поисковые системы (АИПС), которые решают свои задачи в том числе и по внешнему облику человека. В то же время современная АИПС «Портрет», а также различные программы, применяемые в правоохранительных органах, по составлению субъективных портретов разыскиваемых лиц не имеют функций, позволяющих индивидуа-

лизовать зубной аппарат человека. К сказанному следует добавить, что особенности строения зубного аппарата необходимо использовать и при составлении словесного портрета, особенно в тех случаях, когда присутствуют аномалии и ярко выраженные признаки.

Таким образом, развитие современной техники, в частности систем видеонаблюдения, позволяет расширять возможности по идентификации личности, в том числе по изображению элементов лица, не закрытых маской.

Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (доктринальное толкование)

Б.А. СПАСЕННИКОВ – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

С.Н. КОНДРАТОВСКАЯ – начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Е.А. МУХТАРОВА – заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

В статье дается доктринальное толкование ст. 321 УК РФ и утверждается, что уголовная ответственность за преступление, предусмотренное статьей, должна возникать с 14 лет, так как осужденным в этом возрасте, находящимся в местах лишения свободы, а также подозреваемым (обвиняемым), содержащимся под стражей, противоправность и наказуемость дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, заведомо известна и понятна.

Ключевые слова: уголовное право; дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества; возраст уголовной ответственности.

Disorganization of institutions work providing isolation from a society (doctrinal interpretation)

B.A. SPASENNIKOV – Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor;

S.N. KONDRATOVSKAYA – Head of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

E.A. MUKHTAROVA – Deputy Head of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article gives the doctrinal interpretation of Art. 321 of the Criminal Code, and states that criminal responsibility for the crime under article should occur from 14 years as for prisoners of this age who are in prison, as well as the for accused in custody, is the illegality and penalty of disorganization of institutions work providing isolation from society, obviously known and understood.

Key words: criminal law; disorganization of institution work providing isolation from society; age of criminal responsibility.

Уголовная ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, предусмотрена ст. 321 УК РФ.

При исполнении должностными лицами своих служебных обязанностей они обеспечиваются усиленной защитой, в том числе и привлечением лиц, препятствующих такой деятельности, к уголовной ответственности. Статья 321 «Дезорганизация деятельности

учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» включена в гл. 32 «Преступления против порядка управления» (здесь и далее говорится о нормах Уголовного кодекса Российской Федерации). Она логично представлена после ст. 317 «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов», ст. 318 «Применение насилия в отношении представителя власти», ст. 319 «Оскорбление представителя власти».

Диспозиция статьи – бланкетная.

Статья 321 в части применения физического или психического насилия к сотруднику места лишения свободы или места содержания под стражей или его близких является специальной по отношению к сходной норме, содержащейся в ст. 318, поэтому в случае конкуренции норм ответственность должна наступать по ст. 321, наиболее полно описывающей соответствующее преступление.

К учреждениям, обеспечивающим изоляцию от общества, относятся места лишения свободы и места содержания под стражей.

Согласно ст. 56 «Лишение свободы на определенный срок» лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение, помещения в воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму. Следовательно, под местами лишения свободы в отечественном уголовном праве понимаются колония-поселение, воспитательная колония, лечебное исправительное учреждение, исправительная колония общего, строгого или особого режима либо тюрьма, а также следственные изоляторы (в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию).

К местам содержания под стражей относятся следственные изоляторы ФСИН России, следственные изоляторы ФСБ России, изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых погранвойск ФСБ России, а также специальные помещения исправительных учреждений ФСИН России, исполняющих наказание в виде лишения свободы¹.

Родовой объект преступления – общественные отношения, обеспечивающие функционирование государственной власти, находящиеся под уголовно-правовой охраной².

Видовой объект преступления – общественные отношения, складывающиеся между органами управления и гражданами по поводу осуществления первыми распорядительных, административных функций и подчиненности, обязательности исполнения вторыми, находящиеся под уголовно-правовой охраной. Преступные посягательства на порядок управления не только нарушают, дезорганизуют нормальную деятельность органов власти и управления, но и подрыва-

ют их авторитет в глазах населения. Кроме того, такие преступления подчас ставят под угрозу причинения вреда жизни и здоровью представителя власти и его близких, что определяет общественную опасность такого деяния.

Непосредственный объект преступления – общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность места лишения свободы или места содержания под стражей, находящиеся под уголовно-правовой охраной.

Под нормальной деятельностью этих учреждений понимается установленный порядок исполнения и отбывания наказания, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, обеспечение порядка и законности в учреждениях, личную безопасность осужденных и сотрудников.

Дополнительный объект преступления – общественные отношения, обеспечивающие право на жизнь и здоровье, находящиеся под уголовно-правовой охраной.

Статья 321 содержит три самостоятельных состава преступления, которые осуществляются путем осознанно-волевого действия. Объективная сторона, предусмотренная ч. 1, включает в себя применение насилия, не опасного для жизни или здоровья осужденного, либо угрозу применения насилия в отношении его. К насилию, не опасному для жизни или здоровья, относится применение физического насилия, причиняющего легкий вред здоровью, не повлекший утраты трудоспособности, а также побои и иные насильственные действия, связанные с причинением потерпевшему физической и психической боли. Насилие, не опасное для жизни или здоровья осужденного, может быть связано и с ограничением его свободы (удержанием). Оно может повлечь появление поверхностных повреждений в виде кровоподтеков, ссадин, небольших ран, слабого недомогания. Это незначительные, скоро проходящие последствия.

Угроза применения насилия, как правило, выражается в крайних формах устрашения. Угроза должна быть существенной и реальной, когда у осужденного имеются объективные основания опасаться ее осуществления.

Место совершения преступления – места лишения свободы или места содержания под стражей.

Насилие в отношении одного осужденного вызывает устрашение иных осужденных, создает противодействие администрации учреждения при осуществлении исправительного процесса, достижении целей наказания, то есть дезорганизует деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Субъективная сторона преступления – прямой умысел, то есть виновный осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления.

Обязательным признаком субъективной стороны является цель воспрепятствовать исправлению осужденного либо мотив мести за оказанное осужденным содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы. Действия виновного направлены на прекращение социально значимой деятельности осужденного либо являются мсткой за такую деятельность.

Воспрепятствование исправлению осужденного – это противодействие формированию у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулированию правопослушного поведения; противодействие управлению уголовно-исполнительной системой исполнительной ветви государственной власти, поэтому этот состав преступления включен в гл. 32.

Под администрацией учреждения или органа уголовно-исполнительной системы следует понимать сотрудников учреждения места лишения свободы или места содержания под стражей, а также сотрудников вышестоящих учреждений соответствующего ведомства. Содействие администрации учреждения или органу уголовно-исполнительной системы может заключаться в сообщении о совершенных или готовящихся правонарушениях, участии в самостоятельных организациях осужденных и др.

Потерпевший – осужденный, в отношении которого вступил в силу обвинительный приговор суда, предусматривающий наказание в виде лишения свободы на определенный срок либо пожизненно. При этом одна из целей наказания – исправление осужденного.

Субъект преступления – осужденный, способный к осознанно-волевому поведению во время совершения деяния, достигший возраста 16 лет³. Субъектом преступления может быть вменяемое лицо,

содержащееся под стражей (подозреваемый, обвиняемый), достигшее возраста 16 лет, если потерпевший – осужденный, отбывающий наказание в следственном изоляторе.

На наш взгляд, уголовная ответственность за это преступление должна возникать с 14 лет, так в этом возрасте осужденные, а также подозреваемые (обвиняемые), находящиеся в местах содержания под стражей, в полной мере осознают цель и мотив своих действий, противоправность и наказуемость такого деяния.

Преступление окончено в момент применения насилия либо высказывания угрозы его применения.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 321, содержит применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозу применения насилия, совершенные в отношении сотрудника учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, а также его близких. Преступление может быть совершено как в месте лишения свободы или месте содержания под стражей, так и за их пределами. Необходимый признак объективной стороны такого состава преступления – причинно-следственная связь между совершенным преступлением и служебной деятельностью сотрудника. Под осуществлением служебной деятельности понимаются любые правомерные действия потерпевшего, которые входили в круг его служебных обязанностей в учреждении, обеспечивающем изоляцию от общества.

Потерпевший – сотрудник места лишения свободы или содержания под стражей либо его близкие.

При совершении преступления против работника или служащего места лишения свободы или содержания под стражей либо его близких преступление квалифицируется согласно нормам гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья».

Сотрудник места лишения свободы – лицо, имеющее специальное звание сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Сотрудник места содержания под стражей – лицо, имеющее специальное звание сотрудника уголовно-исполнительной системы или внутренних дел, либо военнослужащий ФСБ или погранвойск ФСБ России.

К близким лицам относятся родственники, а также иные лица, жизнь, здоровье, благополучие которых дороги сотруднику места лишения свободы или содержания под стражей в силу родственных или иных личных отношений.

Субъективная сторона преступления – прямой умысел. Обязательным ее признаком является цель воспрепятствовать служебной деятельности потерпевшего или мотив мести за такую деятельность.

Субъект преступления – общий. Чаще это осужденный или лицо, содержащиеся под стражей (подозреваемый, обвиняемый), достигший возраста 16 лет, вменяемый. Насилие в отношении близких сотрудника по мотивам, предусмотренным ст. 321, может совершить любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. В последнем случае место преступления находится вне учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

На наш взгляд, уголовная ответственность также должна возникать с 14 лет, так как в этом возрасте противоправность и наказуемость подобного деяния заведомо известна и понятна.

Объективная сторона, предусмотренная ч. 3 ст. 321, включает два отдельных состава: 1) применение насилия, не опасного для жизни или здоровья осужденного, сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей либо его близких, совершенное организованной группой; 2) применение насилия, опасного для жизни или здоровья осужденного либо сотрудника учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, либо его близких. Место преступления описано выше.

Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для дезорганизации деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, или совершения нескольких преступлений. О признаке ее устойчивости следует говорить, когда группа заранее, заблаговременно образовалась с целью подготовки преступления, преодоления сопротивления к его совершению. Лица, входящие в организованную группу, должны быть соисполнителями дезорганизации деятельности учреждения.

Насилие является опасным для жизни или здоровья в тех случаях, когда оно сопряжено с реальным причинением легкого, среднего или тяжелого вреда здоровью либо не повлекло причинение вреда здоровью потер-

певшего, но ставило его жизнь или здоровье под угрозу опасности причинения такого вреда. Результат такого насилия – дезорганизация нормальной работы учреждения.

Прямой умысел определяет субъективную сторону такого преступления. Цель и мотив преступления описаны выше.

Субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Однако при всем разнообразии темпов и характера интеллектуального развития несовершеннолетних к 14 годам формируется устойчивая способность к осознанно-волевой регуляции поведения; интеллектуальный потенциал субъекта в этом возрасте позволяет воспринимать, осмысливать информацию, необходимую для осознанных действий; формируется волевой контроль (например, способность сдерживать проявления агрессии по отношению к другому осужденному или сотруднику учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества), который связан со способностью субъекта осознавать и оценивать цель и мотив своих действий, что определяет возможность и необходимость снижения возраста уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 321. Чем более высокий уровень ответственности предъявляют общество и государство к несовершеннолетнему, тем большую ответственность он демонстрирует своим поведением. Правильно сформировавшееся в несовершеннолетнем возрасте чувство ответственности за свои действия сохраняется практически до конца жизни.

Преступления, предусмотренные ст. 321, относятся к числу формальных составов преступления. Преступление окончено в момент применения насилия либо высказывания угрозы его применения.

Санкция статьи включает только лишение свободы на определенный срок, что обоснованно.

Итак, уголовная ответственность за преступление, предусмотренное ст. 321, должна возникать с 14 лет, так как в этом возрасте противоправность и наказуемость дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, заведомо известна и понятна несовершеннолетнему.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Голодов П.В., Швырев Б.А., Кудряшов О.В. Уголовно-исполнительное законодательство: проблемы совершенствования // Вестник Кузбасского института. 2015. № 3 (24). С. 57–66.

¹ Sm.: Golodov P.V., Shvyrev B.A., Kudryashov O.V. Uголовно-исполнительное законодательство: problemy sovershenstvovaniya // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2015. № 3 (24). S. 57–66.

² См.: Костик Е.В. Понятие и цели наказания // Вестник международного «Института управления». 2014. № 3–4 (127–128). С. 56–58.

³ См.: Дивитаева О.А. О научной школе уголовного права в НОУ ВПО «Институт управления» // Там же. 2015. № 1–2 (131–132). С. 57–62.

² Sm.: Kostik E.V. Ponjatie i celi nakazanija // Vestnik mezhdunarodnogo «Institut upravlenija». 2014. № 3–4 (127–128). S. 56–58.

³ Sm.: Divitaeva O.A. O nauchnoj shkole ugovolnogo prava v NOU VPO «Institut upravlenija» // Tam zhe. 2015. № 1–2 (131–132). S. 57–62.

УДК 343.01

Средства исправления осужденных: проблемы классификации и правовой регламентации

П.В. ГОЛОДОВ – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются вопросы правовой регламентации и классификации средств исправления осужденных; анализируются существующие в научной литературе точки зрения относительно законодательно установленного перечня основных средств исправления осужденных и предложения по его расширению; дается авторский подход к классификации средств исправления осужденных в зависимости от типа мотивирования осужденного как субъекта исправительного процесса, а также от их функциональной роли в исправительном процессе.

Ключевые слова: исправление осужденных; средства исправления; воспитательная работа; психологическая работа; социальная работа.

Means of convicts correction: problems of classification and legal regulation

P.V. GOLODOV – Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia for Research, PhD. in Law, Associate Professor

The article deals with the legal regulation and classification of convicts correction means; it analyzes the existing in the scientific literature point of view regarding the statutory list of the main means of convicts correction and proposals for its expansion; there are given the author's approach to the classification of convicts correction means depending on the motivation of the convicted person as a subject of the correctional process, as well as their functional role in the correctional process.

Key words: correction of convicts; correction means; educational work; psychological work; social work.

Уголовное и уголовно-исполнительное законодательство определяет исправление осужденного в качестве одной из целей наказания, достижение которой является важным условием успешной социализации лиц, отбывших наказание, их возвращения в общество в качестве законопослушных граждан.

Согласно ч. 1 ст. 9 УИК РФ «исправление осужденных – это формирование у них ува-

жительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения». К основным средствам исправления осужденных законодатель относит установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательную работу, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и обще-

ственное воздействие (ч. 2 ст. 9 УИК РФ). Указанные средства тесно взаимосвязаны между собой, их комплексное применение призвано оказывать целенаправленное воздействие на ценностно-смысловые ориентации и мотивационную структуру личности осужденного, способствовать формированию у него устойчивых социально одобряемых интересов¹. В полном объеме средства исправления применяются только при исполнении наказания в виде лишения свободы, но набор и содержательная сторона этих средств различны и определяются характером и степенью общественной опасности совершенного преступления, а также личностными характеристиками осужденных и их поведением².

Анализ научной и учебной литературы позволяет прийти к выводу, что в науке уголовно-исполнительного права достаточно широко представлен содержательный анализ закрепленных в законодательстве основных средств исправления осужденных³, исследованы вопросы их практического применения в пенитенциарной практике⁴, вносятся отдельные предложения по расширению законодательно установленного перечня основных средств исправления⁵. Вместе с тем не получили достаточного теоретического обоснования подходы и критерии классификации средств исправления осужденных, их системного юридического закрепления в исходных, общих и специальных нормах уголовно-исполнительного законодательства.

Часть 2 ст. 9 УИК РФ не позволяет, на наш взгляд, однозначно уяснить использованный подход к классификации основных средств исправления осужденных, выделить единый критерий, положенный в ее основу. Например, содержательное отграничение такого средства, как общественное воздействие, от остальных средств исправления осуществляется на основе субъектного признака, то есть в зависимости от субъекта, оказывающего исправительное воздействие на осужденных. А.В. Бриллиантов и С.И. Курганов также отмечают, что об общественном воздействии в ст. 23 УИК РФ «сказано лишь в общих чертах – общественные объединения оказывают содействие в работе учреждений и органов, исполняющих наказания, принимают участие в исправлении осужденных»⁶. В связи с этим, на наш взгляд, общественное воздействие не имеет достаточно определенного самостоятельного содержания, а представляет собой комплекс средств исправления, объединяющий в себе такие средства, как воспита-

тельная работа, содействие администрации исправительного учреждения в организации общественно полезного труда, общего образования и профессиональной подготовки осужденных, укреплении материально-технической базы учреждения, решении социальных, медицинских, правовых и иных проблем осужденных⁷. Данное обстоятельство не способствует полному и однозначному пониманию содержания рассматриваемого средства, создает трудности при его нормативном закреплении в уголовно-исполнительном законодательстве. К тому же следует учитывать, что в расширительном понимании субъектами общественного воздействия на осужденных могут быть и коллективы самих осужденных.

В настоящее время в научной среде активно прорабатывается вопрос о возможности законодательного закрепления социальной и психологической работы в качестве основных средств исправления осужденных. Так, авторы научно-теоретической модели Общей части УИК РФ предлагают включить в перечень основных средств исправления осужденных социальную работу с осужденными, психологическую работу с осужденными, оказание помощи при освобождении от отбывания наказания, поддержание социально полезных связей осужденного и др.⁸ Здесь стоит заметить, что, на наш взгляд, последние два из перечисленных не могут быть признаны самостоятельными средствами исправления осужденных, поскольку реализуются в рамках социальной и воспитательной работы с осужденными в качестве частных направлений.

В целом можно согласиться с тем, что пенитенциарная социальная и психологическая работа в настоящее время приобретает все большее значение в процессе исправления осужденных, оказывая значительное влияние на социализацию личности, а также создавая необходимые условия и стимулы для успешной адаптации в обществе после освобождения из мест лишения свободы. Вместе с тем, как следует из анализа содержания норм УИК РФ (ч. 2 ст. 2, ч. 3 ст. 9 и др.), основные средства исправления осужденных предоставлены правоприменителю в качестве средств достижения целей и задач уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, связанных с исправлением осужденных, и реализуются в рамках правоприменения, то есть особой властной деятельности, обеспеченной возможностью государственного принуждения. Уголовно-исполнительным законода-

тельством предусмотрен ряд ограничений в применении средств исправления осужденных (привлечение к труду осужденных престарелого возраста и инвалидов (ч. 2 ст. 103 УИК РФ), общее образование осужденных старше 30 лет (ч. 1 ст. 112 УИК РФ) и др.).

В то же время психологическая работа с осужденными, а также значительный объем пенитенциарной социальной работы, непосредственно связанной с исправлением осужденных, осуществляются в исправительных учреждениях исключительно на добровольной основе, то есть с согласия осужденных либо при их личном обращении за соответствующей помощью. В частности, в ч. 6.1 ст. 12 УИК РФ указано, что участие осужденных в мероприятиях, связанных с оказанием психологической помощи, осуществляется только с их согласия. В связи с этим законодательное закрепление социальной и психологической работы в качестве основных средств исправления может стать проблематичным. Данные направления работы имеют самостоятельные задачи и являются в значительной степени дополнительными (факультативными) по отношению к основным средствам исправления, закрепленным в действующем законодательстве, поскольку в большей мере способствуют эффективному применению других средств исправления, прежде всего воспитательной работы.

Кроме того, в настоящее время отсутствуют какие-либо стандарты и правила оказания психологической помощи в пенитенциарной сфере, утвержденные перечни сертифицированных психокоррекционных методик, адаптированных и разрешенных к использованию в уголовно-исполнительной системе (за исключением базовых типовых программ работы с различными категориями осужденных). В связи с этим считаем, что вести речь о законодательном закреплении психологической работы в качестве средства исправления преждевременно. Кроме того, учитывая активное развитие психотерапевтического (клинического) направления психологической работы в уголовно-исполнительной сфере, можно поддержать предложения ряда авторов о введении института обязательной сертификации деятельности пенитенциарных психологов, что позволит повысить качество оказываемой осужденным психологической помощи⁹.

Проблематичной видится и реализация мероприятия Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., предусматриваю-

щего проработку вопроса об исключении обязательности труда осужденных к лишению свободы¹⁰. Учитывая значительную, а порой ведущую, роль труда осужденных в их исправлении и социализации, можно заключить, что принятие данного решения на законодательном уровне приведет к утрате общественно полезным трудом статуса основного средства исправления и переводу его в разряд вспомогательных. Целесообразным представляется дальнейшее совершенствование законодательства, регламентирующего вопросы привлечения осужденных к труду, особенно в части разграничения сфер применения уголовно-исполнительного и трудового законодательства.

Отдельные авторы к средствам исправления осужденных также относят рациональное использование мер поощрения и взыскания, дифференциацию и индивидуализацию исправительного воздействия¹¹. Вместе с тем представляется, что меры поощрения и взыскания представляют собой не что иное, как подкрепляющие стимулы правоупослушного поведения и применяются в рамках воспитательной работы, хотя и представлены обособленно в гл. 15 УИК РФ. Дифференциация и индивидуализация исправительного воздействия, на наш взгляд, составляют принцип применения средств исправления осужденных, закрепленный в ст. 8 и ч. 3 ст. 9 УИК РФ, а не самостоятельное средство исправления.

Решение вопроса классификации средств исправления и выделения среди них основных средств представляется возможным только на основе содержательного анализа норм уголовно-исполнительного законодательства. Так, согласно ч. 1 ст. 9 УИК РФ понятие исправления осужденных определено как процесс формирования у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирования правоупослушного поведения. Таким образом, содержательно процесс исправления осужденных законодателем представлен двумя взаимосвязанными процессами – процессом формирования у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, а также процессом стимулирования правоупослушного поведения осужденных, что, как нам представляется, соответствует двум основным типам мотивирования человеческого поведения – внутреннему и внешнему.

Необходимый исправительный эффект может быть получен только при сочетании рассмотренных типов мотивирования.

Внутренний тип мотивирования своей основной задачей ставит формирование определенной мотивационной структуры человека или устойчивых интересов личности. В этом случае основное внимание обращается на то, чтобы «развить и усилить желательные для субъекта мотивирования мотивы действий человека и, наоборот, ослабить те мотивы, которые мешают эффективному управлению человеком»¹². Данная задача решается средствами воспитательной и психологической работы, позволяющими влиять на ценностно-смысловые ориентации осужденных, осуществлять коррекцию их личности и поведения в необходимом направлении.

Внешний тип мотивирования состоит в том, что «путем внешних воздействий на человека вызываются к действию определенные мотивы, которые побуждают человека осуществлять определенные действия, приводящие к желательному для мотивирующего субъекта результату»¹³. Например, средствами пенитенциарной социальной работы выявляются и решаются социальные проблемы осужденного, формируются его различные социально значимые роли, прививается многообразный успешный социальный опыт, опыт самостоятельного преодоления проблем и самосовершенствования, восстанавливаются социально полезные связи, что в свою очередь создает объективные стимулы к законопослушному поведению после освобождения из исправительного учреждения. Следовательно, социальная работа, например решение вопросов трудового и бытового устройства, также может быть отнесена к средствам исправления, поскольку представляет собой средство внешнего типа мотивирования поведения осужденного. Тем не менее, как нам представляется, отнесение ее к основному средству исправления осужденных вряд ли целесообразно по основаниям, приве-

денным выше. Профессиональное образование, профессиональное обучение и труд также являются средствами внешнего типа мотивирования, поскольку дают возможность осужденному найти работу, приносящую стабильный заработок, повысить свой социальный статус¹⁴. К средствам внешнего типа мотивирования, на наш взгляд, можно отнести и такой институт уголовно-исполнительного права, как условия отбывания наказания в исправительных учреждениях, а также другие поощрительные институты (перевод в колонию-поселение и др.).

С определенной долей условности к средствам исправления можно отнести и такие направления деятельности исправительных учреждений, как медико-санитарное обеспечение осужденных, оказание юридической помощи и ряд других. Однако, являясь внешними стимулами и условиями реализации исправительного процесса, данные средства носят лишь вспомогательный (факультативный) характер.

В связи с вышеизложенным считаем возможным в теоретическом плане осуществить классификацию средств исправления осужденных в зависимости от типа мотивирования осужденного как субъекта исправительного процесса: средства воздействия на мотивационную структуру человека и средства, создающие внешние стимулы правопослушного поведения. В прикладном же аспекте целесообразной видится традиционная классификация средств исправления осужденных в зависимости от их функциональной роли в исправительном процессе с учетом возможности их применения к осужденным: основные и факультативные. При этом к основным следует, на наш взгляд, отнести средства исправления, представленные в ч. 2 ст. 9 УИК РФ, за исключением общественного воздействия, к факультативным – средства исправления, имеющие дополнительный или вспомогательный характер (психологическая работа, социальная работа, юридическая помощь, медицинская помощь и др.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подр.: Голодов П.В. Проблемы применения системы «социального лифта» в условиях исправительного учреждения для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 2 (18). С. 26–33.

² См.: Потапов А.М. и др. Уголовно-исполнительное право. Общая часть: Учеб. пособие. Вологда, 2014. С. 101–102.

³ См.: Храброва Е.В. Организация воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными в социальной среде воспитательной колонии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 4 (32). С. 97–101.

¹ См. подр.: Golodov P.V. Problemy primeneniya sistemy «social'nogo lifta» v uslovijah ispravitel'nogo uchrezhdenija dlja lic, sovershivshih prestuplenija v nesovershennoletnem vozraste // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2012. № 2 (18). S. 26–33.

² См.: Potapov A.M. i dr. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. Obshhaja chast': Ucheb. posobie. Vologda, 2014. S. 101–102.

³ См.: Hrabrova E.V. Organizacija vospitatel'noj raboty s nesovershennoletnimi osuzhdennymi v social'noj srede vospitatel'noj kolonii // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2015. № 4 (32). S. 97–101.

⁴ См.: Янчук И.А. Об использовании оценки степени исправления осужденных к лишению свободы в процессе дифференциации и индивидуализации исполнения наказания // Там же. 2016. № 1 (33). С. 50–53.

⁵ См.: Селиверстов В.И. О разработке научно-теоретической модели Общей части УИК РФ // Там же. С. 97.

⁶ Бриллиантов А.В., Курганов С.И. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации: Учеб. / Под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2014. С. 116.

⁷ См. подр.: Голодов П.В. и др. Организация воспитательной работы с осужденными в воспитательных колониях: Практик. рекомендации. Вологда, 2014. С. 66.

⁸ См.: Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: результаты теоретического моделирования / Под ред. В.И. Селиверстова. М., 2016. С. 41.

⁹ См.: Бабуринов С.В. Совершенствование воспитательной, социальной и психологической работы в УИС: интеграция теории и практики // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 4 (32). С. 67–72.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

¹¹ См.: Потапов А.М. и др. Уголовно-исполнительное право. Общая часть. С. 106.

¹² Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент: Учеб. М., 2003. С. 135.

¹³ Там же.

¹⁴ См. подр.: Голодов П.В. Проблемы применения системы «социального лифта» в условиях исправительного учреждения для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте. С. 26–33.

⁴ См.: Janchuk I.A. Ob ispol'zovanii ocenki stepeni ispravlenija osuzhdennyh k lisheniju svobody v processe differenciacii i individualizacii ispolnenija nakazaniya // Tam zhe. 2016. № 1 (33). S. 50–53.

⁵ См.: Seliverstov V.I. O razrabotke nauchno-teoreticheskoj modeli Obshhej chasti UIK RF // Tam zhe. S. 97.

⁶ Brilliantov A.V., Kurganov S.I. Uголовно-исполнительное право Rossijskoj Federacii: Ucheb. / Pod red. A.V. Brilliantova. M., 2014. S. 116.

⁷ См. подр.: Golodov P.V. i dr. Organizacija vospitatel'noj raboty s osuzhdennyimi v vospitatel'nyh kolonijah: Prakt. rekomendacii. Vologda, 2014. S. 66.

⁸ См.: Obshhaja chast' novogo Uголовно-исполнительного kodeksa Rossijskoj Federacii: rezul'taty teoreticheskogo modelirovanija / Pod red. V.I. Seliverstova. M., 2016. S. 41.

⁹ См.: Baburin S.V. Sovershenstvovanie vospitatel'noj, social'noj i psihologicheskoj raboty v UIS: integracija teorii i praktiki // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2015. № 4 (32). S. 67–72.

¹⁰ См.: SZ RF. 2010. № 43. St. 5544.

¹¹ См.: Potapov A.M. i dr. Uголовно-исполнительное право. Obshhaja chast'. S. 106.

¹² Vihanskij O.S., Naumov A.I. Menedzhment: Ucheb. M., 2003. S. 135.

¹³ Там же.

¹⁴ См. подр.: Golodov P.V. Problemy primeneniya sistemy «social'nogo lifta» v uslovijah ispravitel'nogo uchrezhdenija dlja lic, sovershivshih prestuplenija v nesovershennoletnem vozraste. S. 26–33.

УДК 342.9:343.85

Проблемы правового регулирования административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы

С.В. ДЕРБИН – преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России;

О.В. ДЕРБИНА – доцент кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье анализируются дискуссионные и проблемные вопросы, связанные с правовым регулированием административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в частности о правовой природе данного института, необходимости индивидуализации административного надзора, его отграничении от других мер принудительного воздействия.

Ключевые слова: административный надзор; лица, освобожденные из мест лишения свободы; уголовно-исполнительная инспекция; индивидуализация; правовое регулирование.

Problems of legal regulation of administrative supervision of persons released from prison

S.V. DERBIN – Lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia;

O.V. DERBINA – Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

The article analyzes the controversial and problematic issues related to the legal regulation of administrative supervision of persons released from prison, particularly on the legal nature of this institution, the necessity of individualization of administrative supervision, its delimitation from other compulsory measures.

Key words: administrative supervision; persons released from prison; criminal executive inspection; individualization; legal regulation.

В 2011 г. после вступления в силу Федерального закона от 06.04.2011 г. № 64-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»¹ (далее – федеральный закон об административном надзоре) в российском праве был возрожден административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. В 1990-х гг. данный институт был признан недемократичным и не соответствующим уровню развития защиты прав и свобод человека. Но реальная оперативная обстановка, особенно высокий уровень рецидивной преступности, обусловили восстановление указанной профилактической меры.

В настоящее время административный надзор – это необходимая часть системы предупреждения правонарушений. В 2014 г. административный надзор судебными решениями установлен в отношении 42 тыс. лиц (+12,5%), в том числе 12 тыс. лиц, совершивших преступления, признанные опасным и особо опасным рецидивом, 2 тыс. лиц – против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего. Всего под административным надзором состояло 73,6 тыс. чел.²

Восстановление административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, вызвало дискуссии и породило ряд проблем вокруг исследуемого вопроса.

Одним из спорных вопросов является правовая природа данного института. Анализ нормативно-правовых актов и научной литературы позволяет выделить две основные точки зрения об отраслевой принадлежности исследуемого института: административно-правовую и уголовно-правовую.

Ряд исследователей³ считает, что административный надзор является административно-правовой мерой. Он заключается в наблюдении за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом временных ограниче-

ний его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей (ст. 1 федерального закона об административном надзоре). Административные ограничения и обязанности являются формами административного принуждения, поскольку последствия их несоблюдения влекут прежде всего административную ответственность (ст. 19.24 КоАП РФ⁴).

По мнению С.В. Иванцова, административный надзор имеет уголовно-правовую природу⁵. Как считает исследователь, этот вывод вытекает из характера уголовно-правовых оснований его установления, определенных в ст. 3 федерального закона об административном надзоре, а также из перечня задач административного надзора – предупреждение совершения преступлений и других правонарушений, оказание индивидуального профилактического воздействия в целях защиты государственных и общественных интересов (ст. 2).

Сторонником этой же точки зрения является Д.Н. Сергеев. Он отмечает, что административный надзор, как и другие меры уголовно-правового воздействия, имеет индивидуальный характер, применяется персонально, в отличие от административно-предупредительных мер, распространяющихся на неопределенный круг лиц⁶.

По мнению Д.Н. Сергеева, уголовно-правовая природа административного надзора может также быть подтверждена следующими обстоятельствами:

1) административный надзор может быть установлен только в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы;

2) возможность введения надзора в отношении определенного лица ставится в зависимость от категории и вида совершенного деяния, наличия рецидива, поведения в период отбывания наказания и на постпенитенциарном этапе;

3) цель административного надзора – противодействие преступности;

4) срок административного надзора так или иначе ограничен сроком судимости;

5) административный надзор устанавливается только судом⁷.

На наш взгляд, высказанные аргументы при всей их правильности не приводят к однозначному выводу об уголовно-правовом характере рассматриваемого института, поскольку механизм его реализации носит административно-правовой характер. В целом следует согласиться с позицией, что административный надзор является комплексным правовым институтом, в котором административно-правовая основа в значительной части дополняется уголовно-правовыми нормами.

Следующим вопросом, обсуждаемым в теории и на практике, является необходимость дальнейшей индивидуализации института административного надзора. Так, в настоящее время правовые основания назначения административного надзора не учитывают поведение осужденного в период отбывания наказания (за исключением случаев, когда осужденный признавался злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания). По действующему законодательству не учитывается, например, факт перевода осужденного на момент освобождения в порядке поощрения из исправительных колоний общего и строгого режимов в колонии-поселения; нахождение осужденного в облегченных условиях отбывания наказания. Напротив, в случае если осужденный имеет отрицательную характеристику в местах лишения свободы, однако не подпадает под формальные основания назначения надзора, то постпенитенциарный контроль не будет установлен.

А.Л. Ременсон еще в 1976 г. предлагал устанавливать административный надзор в отношении всех категорий осужденных, злостно уклоняющихся от исправления⁸. П.В. Тепляшин обоснованно рекомендует применять к поднадзорным ограничения в зависимости от того, из каких условий отбывания наказания освобожден осужденный⁹.

С нашей точки зрения, основания для назначения административного надзора необходимо подразделить на две категории: случаи безусловного назначения административного надзора; основания, предполагающие возможность введения надзора в отношении отдельных категорий осужденных (например, отрицательно характеризующихся в период отбывания наказания).

Исследование, проведенное Д.Н. Сергеевым, показывает, что многие поднадзорные рассматривают административный надзор как карательную меру¹⁰. Такое мнени-

е основывается на вмешательстве надзора в частную жизнь поднадзорных лиц. В целях индивидуализации мер в науке предлагается разделить постпенитенциарный контроль на строгий и профилактический, при этом осуществление строгого надзора возложить на уголовно-исполнительные инспекции, профилактического – на органы полиции¹¹.

Считаем, что идею о классификации административного надзора можно оценить положительно. Однако не следует разделять его реализацию по различным субъектам. Во-первых, у уголовно-исполнительных инспекций отсутствуют необходимые ресурсы для эффективного выполнения данной функции. Достаточно ознакомиться с гендерной характеристикой личного состава указанных подразделений (70,8% работающих в уголовно-исполнительных инспекциях составляют женщины¹²). Во-вторых, при реализации исследуемой функции возникнет проблема взаимодействия между службами и подразделениями ФСИН и МВД России.

Кроме того, воздействие в рамках административного надзора должно быть продолжением воспитательно-профилактической работы, осуществляемой исправительным учреждением. Но законодательство не содержит правовых норм, направленных на обеспечение непрерывности и согласованности профилактической работы. Решить эту проблему можно было бы, предусмотрев в законе необходимость направления из исправительного учреждения информации о работе с конкретным осужденным по месту осуществления административного надзора.

Еще одной обсуждаемой в теории проблемой является соотношение административного надзора и других мер принудительного воздействия, в частности условно-досрочного освобождения и наказания в виде ограничения свободы.

Исходя из анализа законодательства и сложившейся практики возможны случаи введения административного надзора в отношении условно-досрочно освобожденных (например, при условно-досрочном освобождении осужденного с опасным рецидивом или осужденных за половые преступления против несовершеннолетних). Однако условно-досрочное освобождение – поощрительная по содержанию мера, которая свидетельствует об уверенности правоприменителя в эффективности примененного к освобожденному лицу наказания, в то время как установление административного над-

зора говорит о том, что за лицом, отбывшим наказание, требуется продолжение контролирующей деятельности. Таким образом, предлагаем исключить дублирование контроля, предусмотрев, что в отношении условно-досрочно освобожденных административный надзор не применяется, однако может быть установлен только после истечения срока оставшейся неотбытой части наказания.

Административный надзор и наказание в виде ограничения свободы практически идентичны по содержанию ограничений. В федеральном законе об административном надзоре установлено, что при назначении административного надзора в отношении осужденного, отбывшего основное наказание в виде лишения свободы и отбывающе-

го дополнительное в виде ограничения свободы, надзор начинается с момента окончания отбывания ограничения свободы. Однако дублирование контроля в этом случае, на наш взгляд, не является необходимым, поскольку психологически воспринимается лицом как еще одно наказание (после отбытых последовательно основного наказания в виде лишения свободы на определенный срок и дополнительного в виде ограничения свободы).

Таким образом, наличие ряда организационных и правовых проблем в реализации функции административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования данного института.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2037.

² См.: Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2014 год [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru> (дата обращения: 30.03.2015).

³ См., напр.: Понятовская Т.Г. Предупреждение преступлений: меры безопасности, административный надзор // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 103.

⁴ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 09.03.2016) // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.

⁵ См.: Иванцов С.В. Юридическая природа и содержание административного надзора // Вестник Международного юридического института. 2015. № 1 (52). С. 68.

⁶ См.: Сергеев Д.Н. Правовая природа постпенитенциарного административного надзора // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. С. 1709–1715.

⁷ См.: Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Постпенитенциарный контроль и борьба с рецидивной преступностью // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 2 (24). С. 77–78.

⁸ См.: Ременсон А.Л. Пути дальнейшего сокращения применения лишения свободы // Доклады итоговой научной конференции юридического факультета Томского университета. Томск, 1976. С. 189.

⁹ См.: Тепляшин П.В. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Законность. 2011. № 10. С. 16–19.

¹⁰ См.: Сергеев Д.Н. Правовая природа постпенитенциарного административного надзора. С. 77.

¹¹ См.: Там же. С. 78.

¹² См.: Некрасов А.П. Особенности контроля за условно осужденными со стороны работников уголовно-исполнительных инспекций // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2014. № 1 (80). С. 30.

¹ См.: СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2037.

² См.: Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2014 год [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru> (дата обращения: 30.03.2015).

³ См., напр.: Понятовская Т.Г. Предупреждение преступлений: меры безопасности, административный надзор // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 103.

⁴ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 09.03.2016) // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.

⁵ См.: Иванцов С.В. Юридическая природа и содержание административного надзора // Вестник Международного юридического института. 2015. № 1 (52). С. 68.

⁶ См.: Сергеев Д.Н. Правовая природа постпенитенциарного административного надзора // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. С. 1709–1715.

⁷ См.: Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Постпенитенциарный контроль и борьба с рецидивной преступностью // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 2 (24). С. 77–78.

⁸ См.: Ременсон А.Л. Пути дальнейшего сокращения применения лишения свободы // Доклады итоговой научной конференции юридического факультета Томского университета. Томск, 1976. С. 189.

⁹ См.: Тепляшин П.В. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Законность. 2011. № 10. С. 16–19.

¹⁰ См.: Сергеев Д.Н. Правовая природа постпенитенциарного административного надзора. С. 77.

¹¹ См.: Там же. С. 78.

¹² См.: Некрасов А.П. Особенности контроля за условно осужденными со стороны работников уголовно-исполнительных инспекций // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2014. № 1 (80). С. 30.

Процедура разрешения конфликта интересов в уголовно-исполнительной системе России как вид административного процесса

С.В. КРИЖАНОВСКИЙ – адъюнкт кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматривается процедура разрешения конфликта интересов в уголовно-исполнительной системе России как вид административного процесса, а также проблемы, возникающие при ее проведении, предлагаются пути совершенствования данной деятельности.

Ключевые слова: административный процесс; процедура разрешения конфликта интересов; стадии административного процесса; аттестационная комиссия; конфликт интересов.

The procedure for interests conflict in the penal system of Russia as a kind of administrative process

S.V. KRIZHANOVSKY – Post Graduate of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article deals with a procedure for resolution interests conflict in the penal system of Russia as a kind of administrative process, as well as problems arising from its conduct, the author suggests ways of improving this activity.

Key words: the administrative process; procedure for resolution interests conflict; the stage of the administrative process; certification commission; interests conflict.

Одной из задач, стоящих перед органами государственной власти, является противодействие коррупции. Важным условием эффективности данной работы выступает повышение качества управления¹.

Управление во всех сферах деятельности государства, включая правоохранительные органы, призвано обеспечивать организованность, упорядоченность и согласованность функционирования всех элементов системы².

Рассмотрим процедуру урегулирования конфликта интересов как вид административного процесса. Урегулирование конфликта интересов заключается в административной деятельности уполномоченных на то должностных лиц и специально созданных органов (комиссий), результатом которой является разрешение данного конфликта и привлечение служащих к дисциплинарной либо административной ответственности.

Как отмечает С.Ю. Щеколдин, урегулирование конфликта интересов в системе

государственной службы следует рассматривать не как отдельные процедуры, а как новый вид административного производства в современном российском административном праве³.

Действительно, рассматриваемая деятельность содержит в себе все признаки административного процесса. Это содержание правил для легального применения материальных норм, регулирующих конфликт интересов, совокупность последовательных процедур, распределенных по конкретным стадиям, специфический субъективный состав с определенной компетенцией, а также наличие временных характеристик (сроки, периодичность)⁴.

Само понятие процесса является универсальным и предполагает совокупность последовательных действий для достижения какого-либо результата⁵.

Вместе с тем административный процесс, содержащий в себе различные виды производств, разворачивается во времени через определенную процедуру, которая имеет

свое начало, продолжение и завершение и складывается из предусмотренных законом и осуществляемых в логической последовательности действий участников процесса.

На основании этого в административном процессе выделяются определенные стадии (в рамках стадии – этапы), в пределах которых его участники обязаны либо правомочны совершать определенные, имеющие юридическое значение действия. В полной мере это относится и к деятельности по разрешению конфликта интересов. Поскольку процедура разрешения конфликта интересов в уголовно-исполнительной системе представляет собой отдельный вид производства в рамках административного процесса, то его стадию можно определить как часть процесса, в пределах которой участники данной процедуры обязаны либо правомочны выполнять обязательные либо возможные действия, предусмотренные для этой стадии, которые оформляются соответствующим образом (например, предоставление документов, объяснений, рапортов и т.д.). Заметим, что невыполнение обязательных действий на определенной стадии работником уголовно-исполнительной системы не является основанием для невозможности перехода к следующей стадии. В таком случае составляются соответствующие документы и следует переход к новой стадии. Выделим стадии деятельности по разрешению конфликта интересов в уголовно-исполнительной системе по аналогии со ст. 6.29 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за нарушение законодательства о разрешении конфликта интересов медицинским работником:

1. Инициация разрешения конфликта интересов осуществляется:

– путем подачи уведомления установленного образца работником уголовно-исполнительной системы представителю нанимателя о наличии ситуации или возможности возникновения ситуации конфликта интересов;

– представления начальника УФСИН или любого члена комиссии, касающегося обеспечения соблюдения сотрудниками требований к служебному поведению или требований об урегулировании конфликта интересов либо осуществления в территориальном органе мер по предупреждению коррупции;

– поступление материалов от отделов по противодействию коррупции территориального органа, собственной безопасности, прокуратуры и иных правомочных органов.

2. Осуществление проверки компетентными органами (отделами по противодействию коррупции) по поступившим материалам. Данная стадия включает следующие этапы:

1) Проверка поступивших сведений.

2) Сбор дополнительных материалов, в необходимых случаях (согласно регламенту взаимодействия между кадровыми подразделениями, подразделениями по противодействию коррупции и отделами собственной безопасности территориальных органов) направление запросов в финансовые учреждения, налоговые органы, проведение оперативно-розыскных мероприятий и др.

Существуют определенные сложности в реализации данного этапа производства. Так, в Федеральном законе от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 21.12.2003) «Об оперативно-розыскной деятельности»⁶ одним из оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий предусмотрено наличие запроса, направленного в соответствии с данным законом (ст. 7), а также установлено, что органы проводят оперативно-розыскные мероприятия в целях добывания информации, необходимой для принятия решений о достоверности и полноте сведений, представляемых в соответствии с законодательством о соблюдении лицами, замещающими должности государственной службы, ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и об исполнении ими обязанностей, установленных федеральными конституционными законами, федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

Вышеуказанные положения касаются непосредственно органов уголовно-исполнительной системы, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в частности отделов собственной безопасности ФСИН России и ее территориальных органов. Для обеспечения взаимодействия между органами, осуществляющими противодействие коррупции, был принят «Регламент взаимодействия управления кадров ФСИН России, кадровых подразделений и инспекций по личному составу территориальных органов ФСИН России с подразделениями собственной безопасности уголовно-исполнительной системы»⁷.

Данный регламент определяет перечень подразделений по борьбе с коррупцией (отдел организации работы по противодействию коррупции и инспекции по личному

составу управления кадров ФСИН России; кадровые подразделения и инспекции по личному составу территориальных органов ФСИН России и учреждений, непосредственно подчиненных ФСИН России; подразделения собственной безопасности уголовно-исполнительной системы в составе: управления собственной безопасности ФСИН России, подразделений собственной безопасности территориальных органов), а также их функции и порядок работы.

В случае недостаточной для назначения проверки информации подразделениями по противодействию коррупции направляются запросы в соответствующие подразделения собственной безопасности ФСИН России для получения дополнительных сведений. Срок рассмотрения таких запросов составляет 30 дней. Согласно федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» при получении запроса сотрудниками отделов собственной безопасности, как правило, проводятся следующие мероприятия: наведение справок, опрос, наблюдение, исследование документов. Следует отметить, что осуществлять оперативно-розыскную деятельность могут только подразделения ФСИН России (ст. 13), что на практике приводит к затруднениям в получении ответов на запросы.

Анализ практики правоприменения, совершенствования деятельности в данном направлении, в том числе и органов, осуществляющих антикоррупционную и оперативно-розыскную деятельность во ФСИН России, свидетельствует о необходимости принятия нормативно-правового акта, регламентирующего прохождение службы во ФСИН России, по аналогии с федеральным законом «О полиции». Также считаем целесообразным обозначить перечень возможных оперативно-розыскных мероприятий в рамках проверки вышеуказанных сведений, включить в перечень, установленный федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», подразделения собственной безопасности территориальных органов ФСИН России.

3) Проведение проверки по собранным материалам.

4) Представление решения по итогам проверки представителю нанимателя (начальнику территориального органа ФСИН России).

5) Представление в аттестационную комиссию начальником территориального органа материалов проверки, свидетельствующих о несоблюдении сотрудником

требований к служебному поведению или требований об урегулировании конфликта интересов.

3. Рассмотрение поступивших материалов на заседании специально уполномоченного коллегиального органа (аттестационной комиссии территориального органа ФСИН России).

Данная стадия включает следующие этапы:

1) Подготовка к проведению заседания.

Председатель комиссии при поступлении к нему информации, содержащей основания для проведения заседания, в трехдневный срок назначает дату заседания комиссии, организует ознакомление сотрудника, в отношении которого комиссией рассматривается вопрос о соблюдении требований об урегулировании конфликта интересов, его представителя, членов комиссии и других лиц, участвующих в заседании, с информацией, поступившей в территориальный орган, и с результатами ее проверки; рассматривает ходатайства о приглашении на заседание аттестационной комиссии привлеченных лиц (членов комиссии, не проходящих службу в данном территориальном органе), принимает решение об их удовлетворении (об отказе в удовлетворении) и рассмотрении (отказе в рассмотрении) в ходе заседания комиссии дополнительных материалов.

2) Проведение заседания.

Заседание комиссии проводится в присутствии сотрудника, в отношении которого рассматривается вопрос о соблюдении требований об урегулировании конфликта интересов. При наличии письменной просьбы сотрудника о рассмотрении указанного вопроса без его участия заседание комиссии проводится в его отсутствие. В случае неявки сотрудника или его представителя на заседание комиссии при отсутствии письменной просьбы рассмотрение вопроса откладывается. В случае вторичной неявки сотрудника или его представителя без уважительных причин комиссия может принять решение о рассмотрении указанного вопроса в отсутствие сотрудника. На заседании комиссии заслушиваются пояснения сотрудника (с его согласия) и иных лиц, рассматриваются материалы по существу предъявляемых сотруднику претензий, а также дополнительные материалы. Члены комиссии и лица, участвовавшие в заседании, не вправе разглашать сведения, ставшие им известными в ходе работы комиссии.

3) Вынесение решения.

Решения принимаются тайным голосованием (если комиссия не примет иное решение) простым большинством голосов присутствующих на заседании членов комиссии.

По итогам рассмотрения вопроса о несоблюдении сотрудником требований к служебному поведению или требований об урегулировании конфликта интересов комиссия принимает одно из следующих решений:

– установить, что работник или сотрудник соблюдал требования к служебному поведению или требования об урегулировании конфликта интересов;

– установить, что работник или сотрудник не соблюдал требования к служебному поведению или требования об урегулировании конфликта интересов. В этом случае комиссия рекомендует начальнику территориального органа указать работнику или сотруднику на недопустимость нарушения требований к служебному поведению или требований об урегулировании конфликта интересов либо применить к нему конкретный вид дисциплинарной ответственности.

4) Исполнение решения комиссии по рассматриваемому делу.

Решения комиссии оформляются протоколами, которые подписываются членами комиссии, принимавшими участие в заседании.

Для исполнения решений могут быть подготовлены проекты приказов, распоряжений, решений или указаний, которые представляются на рассмотрение начальнику территориального органа. Отметим, что в случае рассмотрения вопроса о соблюдении требований об урегулировании конфликта интересов решения комиссии для начальника носят рекомендательный характер. Член комиссии, не согласный с ее решением, вправе в письменной форме изложить свое мнение, которое подлежит обязательному приобщению к протоколу заседания комиссии и с которым должен быть ознакомлен сотрудник. Копии протокола заседания комиссии в трехдневный срок направляются начальнику территориального органа, в виде выписок из него – сотруднику, а также по решению комиссии – иным заинтересованным лицам. Начальник обязан рассмотреть протокол заседания комиссии и вправе учесть в пределах своей компетенции содержащиеся в нем рекомендации при принятии решения о применении к сотруднику мер ответственности. Решение

начальника территориального органа оглашается на ближайшем заседании комиссии и принимается к сведению без обсуждения. Копия протокола заседания комиссии или выписка из него приобщается к личному делу сотрудника, в отношении которого рассмотрен вопрос о соблюдении требований об урегулировании конфликта интересов. Решения комиссии утверждаются начальником территориального органа и обязательны для исполнения сотрудниками.

Отметим следующие важные моменты:

– решение коллегиального органа по вопросам соблюдения требований об урегулировании конфликта интересов в уголовно-исполнительной системе России носят, в отличие от решения того же органа по делам о непредоставлении либо неправильном предоставлении сведений о доходах, рекомендательный характер. Тем самым ставится вопрос о необходимости вообще рассматривать подобные дела на заседаниях аттестационных комиссий. В данном случае возможно вынесение не решения, а экспертного мнения по существу дела, поскольку само решение принимается начальником территориального органа единолично, лишь с учетом мнения комиссии;

– срок рассмотрения материалов в три дня, а также то, что с данными материалами члены комиссии знакомятся фактически на заседании, может привести к неправильной оценке действий работников ФСИН России;

– у комиссии отсутствует возможность запроса дополнительных материалов;

– в работе комиссии не предусмотрена совещательная часть;

– отсутствует возможность подачи работником уголовно-исполнительной системы России заявления об отводе члена комиссии по основаниям возникновения у данного лица личной заинтересованности при рассмотрении дела. Следует учесть, что при вынесении решения о несоблюдении сотрудником требований об урегулировании конфликта интересов к нему применяются меры дисциплинарного взыскания, в том числе и в виде увольнения со службы в связи с утратой доверия, что влечет за собой фактическую невозможность в будущем трудоустройства на государственную службу.

5) Пересмотр решения начальника территориального органа ФСИН России.

Заметим, что процедуры пересмотра решений аттестационной комиссии не предусмотрено. Обжалование решения начальника территориального органа о наложении взы-

скания, в том числе и об увольнении в связи с утратой доверия, осуществляется через судебные органы, а также через органы прокуратуры и комиссию по трудовым спорам на основании личного обращения.

Отметим, что для повышения эффективности работы необходимо включение в данную стадию возможности обжалования решения аттестационной комиссии в вышестоящую аттестационную комиссию (комиссию центрального аппарата ФСИН России).

Нередко работники уголовно-исполнительной системы России привлекаются к дисциплинарной ответственности вне зависимости от наличия и формы вины, также отсутствует возможность освобождения работника от дисциплинарной ответственности даже при установлении фактов на-

рушения требований об урегулировании конфликта интересов, в случае если данный сотрудник добросовестно заблуждался, причиненный вред минимален либо отсутствует, а также по иным основаниям, решение по которым принимает коллегиальный орган (например, сотрудник был привлечен к дисциплинарной ответственности за наличие у него акций на общую сумму не более 100 рублей и т.п.). Также остается открытым вопрос о компетенции аттестационных комиссий ФСИН России в отношении неаттестованных работников территориальных органов и учреждений ФСИН России, а также лиц, отбывающих наказание в учреждениях ФСИН России, трудоустроенных в качестве работников (кладовщики, повара, бригады, старшие дневальные и т.д.).

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Нагорных Р.В., Софийчук Н.В. Эффективность государственной правоохранительной службы и ее влияние на состояние правоохранительной деятельности государства // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2 (30). С. 31.

² См.: Елагин А.Г., Мельникова Н.А. Административная деятельность исправительных учреждений: Моногр. М., 2011. С. 8.

³ См.: Щеколдин С.Ю. Конфликт интересов в государственных служебных отношениях: материальные и процессуальные аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011. С. 10.

⁴ См.: Там же. С. 11.

⁵ См.: Большой российский энциклопедический словарь. М., 2007. С. 1261–1262.

⁶ См.: СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

⁷ Текст официально опубликован не был.

¹ См.: Nagornyh R.V., Sofijchuk N.V. Jeffektivnost' gosudarstvennoj pravoohranitel'noj sluzhby i ee vlijanie na sostojanie pravoohranitel'noj dejatel'nosti gosudarstva // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2015. № 2 (30). S. 31.

² См.: Elagin A.G., Mel'nikova N.A. Administrativnaja dejatel'nost' ispravitel'nyh uchrezhdenij: Monogr. M., 2011. S. 8.

³ См.: Shhekoldin S.Ju. Konflikt interesov v gosudarstvennyh sluzhebnyh otnoshenijah: material'nye i processual'nye aspekty: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Voronezh, 2011. S. 10.

⁴ См.: Там же. С. 11.

⁵ См.: Bol'shoj rossijskij jenciklopedicheskiy slovar'. M., 2007. S. 1261–1262.

⁶ См.: SZ RF. 1995. № 33. St. 3349.

⁷ Tekst oficial'no opublikovan ne byl.

УДК 351/354

Делегирование полномочий как метод государственного управления

А.В. КОРЕПИНА – заведующий кафедрой административного и финансового права Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

В статье анализируются особенности делегирования государственных полномочий в системе исполнительной власти Российской Федерации. Административно-правовой аспект исследования автором связан с методологией государственного управления.

Ключевые слова: делегирование полномочий; органы исполнительной власти Российской Федерации; методы государственного управления.

Delegation of authority as the method of state management

A.V. KOREPINA – Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Northwest Institute (branch) O.E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), PhD. in Law, Associate Professor

The article analyzes the characteristics of the delegation of state power in the executive authorities of the Russian Federation. The administrative and legal aspect of the research is associated by the author with governance methodology.

Key words: delegation of authority; executive authorities of the Russian Federation; methods of governance.

Органы исполнительной власти вправе реализовать свои полномочия только в пределах компетенции, предусмотренной соответствующими их уровню нормативно-правовыми актами. Последние основаны прежде всего на конституционно установленных положениях о разграничении предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами. Однако это не позволяет в полном объеме учитывать все многообразие возникающих в сфере государственного управления отношений. Поэтому законодательство допускает такой дополнительный вариант изменения компетенции органов исполнительной власти, как делегирование полномочий.

Конституция Российской Федерации¹ не использует понятие «делегирование полномочий», но закрепляет такие два его способа, как «наделение полномочиями» и «передача полномочий». Первый вариант делегирования осуществляется только на основании закона и закреплен ст. 132 для органов местного самоуправления. Делегирование же полномочий одним органом исполнительной власти другому, согласно ст. 78, возможно путем взаимной передачи полномочий между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации на основании заключенных между ними соглашений.

Свое развитие данная конституционная норма получила в федеральном законодательстве. Так, согласно ст. 13 Федерального конституционного закона от 17.12.1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»² высший орган исполнительной власти Российской Федерации по соглашению с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации может передавать им осуществление части своих полномочий, если это не противоречит Конституции Российской Федерации и фе-

деральному законодательству. Решения о подписании соглашений с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации принимаются исключительно на заседаниях Правительства Российской Федерации.

Примеров делегирования Правительством Российской Федерации своих полномочий на региональный уровень в правотворческой практике нет. Это связано с тем, что на высший орган исполнительной власти возложена задача организации деятельности всех органов исполнительной власти на территории Российской Федерации, выполнение которой связано с осуществлением полномочий по направлению, координации и контролю их деятельности, принятию мер по устранению допущенных нарушений законодательства, в том числе и в области делегирования государственно-властных полномочий. Имеются соглашения Правительства Российской Федерации с высшими органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, заключенные на первых этапах формирования федеративных отношений в нашем государстве. По своему содержанию эти правовые документы представляют собой не акты-делегирования, а акты о разграничении полномочий и обеспечении проведения согласованной политики в определенных областях государственного управления³.

Базовым нормативно-правовым актом, регламентирующим механизм передачи полномочий с федерального на региональный уровень, выступает Федеральный закон от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»⁴ (далее – федеральный закон № 184). Данным документом предусмотрены два способа делегирования федеральных полномочий органам государ-

ственной власти субъектов Российской Федерации: нормативно-правовой и договорной.

Нормативно-правовой вариант делегирования предусматривает передачу федеральных полномочий одновременно всем субъектам Российской Федерации на основании издания федерального закона. Содержание федеральных законов и условия передачи государственно-властных полномочий определены в п. 7 ст. 26.2 федерального закона № 184.

В последние годы ведется активная работа по расширению нормативно-правового перераспределения полномочий между органами исполнительной власти. Так, в 2011 г. в Бюджетном послании к Федеральному собранию Российской Федерации от 29.06.2011 г. «О бюджетной политике в 2012–2014 годах» в качестве одного из ключевых направлений бюджетной политики Президент Российской Федерации назвал «эффективную децентрализацию полномочий между уровнями публичной власти в пользу субъектов Российской Федерации и местного самоуправления»⁵. За два дня до обращения к верхней палате российского парламента он своим распоряжением от 27.06.2011 г. № 425-рп «О подготовке предложений по перераспределению полномочий между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления»⁶ создал две рабочие группы и поручил им подготовить доклады, содержащие основные принципы делегирования федеральных полномочий на региональный уровень. Результаты деятельности были обсуждены на заседании Государственного совета Российской Федерации 26 декабря 2011 г., выработано единое решение об увеличении числа полномочий, передаваемых с федерального уровня на региональный, и наделении органов субъектов Российской Федерации правом ставить вопрос о делегировании им таких полномочий⁷.

В следующем своем Бюджетном послании Федеральному собранию от 28.06.2012 г. «О бюджетной политике в 2013–2015 годах» Президент Российской Федерации указал на необходимость завершить работу по перераспределению полномочий между уровнями публичной власти.

Итогом работы по децентрализации стало принятие Федерального закона от 13.07.2015 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих

принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (далее – федеральный закон № 233)⁸.

Существенным нововведением для практики государственного управления стало закрепление данным законом возможности подзаконного делегирования федеральных полномочий. Право издавать нормативные правовые акты, предусматривающие передачу полномочий одновременно всем субъектам Российской Федерации, получили Президент и Правительство Российской Федерации.

Установлены основные принципы подзаконной передачи федеральных полномочий на региональный уровень. Во-первых, делегированы могут быть только те полномочия, которые не переданы соответствующими федеральными законами. Во-вторых, возможность передачи федеральных полномочий должна быть предусмотрена федеральными законами, регулирующими правоотношения в соответствующей сфере деятельности. Так, федеральным законом № 233 закреплена возможность подзаконного делегирования федеральных полномочий в таких областях, как защита прав потребителей, недропользование, ветеринария, пожарная безопасность, организация и функционирование особо охраняемых природных территорий, охрана и использование животного мира, племенное животноводство, обеспечение безопасности дорожного движения, государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним и др. В-третьих, правовой формой делегирования полномочий являются указ и распоряжение Президента Российской Федерации или постановление Правительства Российской Федерации. При этом передача осуществления полномочий нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации производится по представлению Правительства Российской Федерации. В-четвертых, проект подзаконного правового акта о делегировании подлежит обязательному согласованию с региональными органами государственной власти, которые в 30-дневный срок должны представить свои отзывы на него. В-пятых, делегирование полномочий сопровождается обязательным перераспределением материально-финан-

совых ресурсов, связанных с реализацией переданных полномочий. Финансовое обеспечение переданных полномочий осуществляется за счет федеральных субвенций. Органам государственной власти субъекта Российской Федерации предоставлено право дополнительно использовать на эти цели собственные материальные и финансовые средства. В-шестых, законодательство предусматривает обязательный контроль за осуществлением делегированных полномочий и целевым использованием выделенных средств со стороны федерального органа исполнительной власти, который передал часть своей компетенции.

Плюсами введения института подзаконного делегирования федеральных полномочий можно считать мобильность и оперативность его реализации на практике. Упрощенная процедура принятия подзаконных нормативных актов о делегировании полномочий, их способность значительно быстрее реагировать на изменившиеся жизненные обстоятельства позволяют использовать данный институт шире, чем законодательное делегирование полномочий.

Отметим, что некоторым ученым нормативно-правовое делегирование полномочий представляется юридически не обоснованным и противоречащим ч. 2 ст. 78 Конституции Российской Федерации, в которой закреплен только договорной порядок их передачи⁹. Последний предусматривает передачу федеральных полномочий конкретному субъекту Российской Федерации на основании соглашения, заключаемого федеральным органом исполнительной власти и органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в порядке, регламентируемом постановлением Правительства Российской Федерации¹⁰. Практика использования договорного варианта передачи государственных полномочий с федерального уровня на региональный носит распространенный характер¹¹. Тем не менее ее анализ показывает, что и этот вариант правового оформления передачи полномочий не предусматривает применение понятия «делегирование».

Единственный уровень легального использования термина «делегирование полномочий» – ведомственный. Имеются единичные примеры его применения в нормативных правовых актах, издаваемых федеральными органами исполнительной власти. Примерами служат: Распоряжение Минимущества России от 09.11.2001 г. № 3236-р «О делегировании полномочий

Минимущества России по передаче религиозным организациям находящегося в федеральной собственности имущества религиозного назначения»¹², Письмо Росстроя от 01.03.2007 г. «О реализации делегированных полномочий в области градостроительной деятельности»¹³ и др.

Таким образом, на сегодняшний день «делегирование» – более доктринальный, чем легальный термин. В переводе с лат. *delegare* (выделить, передать) означает «передать полномочия (или их часть)»¹⁴. Такая ситуация дает основание некоторым ученым утверждать о том, что делегирование представляет собой «устоявшееся в юридической литературе обобщенное понятие любого надделения (передачи) полномочий»¹⁵. Использование различных трактовок отраслями юридической науки, изучающими вопросы организации публичной власти в государстве, тому подтверждение. Так, конституционалистами широко применяется термин «делегированное законодательство», под которым понимается процесс перераспределения законодательных полномочий на уровень исполнительной власти¹⁶.

Административно-правовой аспект исследования института делегирования связан с методологией государственного управления. Так, один из ведущих представителей советской административной науки, разработавший теорию компетенции органа государственного управления, Б.М. Лазарев, подчеркивая однократность изменения компетенции органа государственного управления при делегировании, рассматривал его как особый способ надления государственными полномочиями¹⁷. Ю.А. Тихомиров определяет делегирование как один из способов перераспределения компетенции между органами публичной власти, используемый наряду с передачей объектов управления из ведения одного субъекта компетенции другому, и надление государственными полномочиями¹⁸.

По мнению С.Н. Махиной, делегирование представляет собой «определенного рода соглашение, по которому управленческие функции органов власти более высокого уровня передаются субъектам управления нижних уровней»¹⁹. Н.А. Игнатюк также полагает, что делегирование возможно только посредством договорного способа передачи осуществления полномочий федеральных органов исполнительной власти региональным органам исполнительной власти в случаях, когда это должно обеспечить надлежащее государственное управление

в конкретном субъекте Российской Федерации²⁰. Однако практика российского администрирования показывает, что помимо конституционно установленной формы перераспределения компетенции между органами исполнительной власти предусмотрены и другие правовые формы передачи государственных полномочий. Делегирование в системе государственного управления возможно путем как издания правового акта управления (нормативных правовых актов Президента и Правительства Российской Федерации), так и путем заключения административно-правового договора (соглашения). И в этом видится его специфика, в отличие от других методов прямого управляющего воздействия (лицензирования, регистрации, контроля, применения мер административного принуждения и т.п.): оно возможно не только в рамках одностороннего воздействия одного органа исполнительной власти на другой, но и путем взаимного согласования передачи государственно-властных полномочий.

Делегирование как один из методов государственного управления используется органами исполнительной власти для решения задачи эффективного перераспределения полномочий между ними. Его внешнее управляющее воздействие ограничено системой исполнительной власти и не выходит за ее рамки. Передавать полномочия может только уполномоченный на то орган исполнительной власти, которому такое право предоставлено Конституцией Российской Федерации и соответствующими законами.

Стоит отметить, что в рамках проводимой в Российской Федерации административной реформы реализованы мероприятия по делегированию государственных полномочий хозяйствующим субъектам и государственным организациям (саморегулируемым организациям)²¹, государственным

корпорациям²², многофункциональным центрам предоставления государственных и муниципальных услуг²³), а также определенных видов государственной деятельности хозяйствующим субъектам путем заключения с ними контрактов на конкурсной основе (аутсорсинг)²⁴. Создание организаций, обладающих особым публично-правовым статусом, определение границ допустимости вовлечения негосударственных организаций в систему публичного управления пока не находят однозначной оценки среди научного и юридического сообщества. Рассуждая по данному поводу, О.В. Романовская пишет о том, что законодательные акты, регламентирующие эти вопросы, пока страдают серьезным количеством недостатков, не позволяющих государству определиться с их местом в системе субъектов как частного, так и публичного права²⁵.

Законодательно не предусмотрено и делегирование полномочий между органами исполнительной власти одного уровня. Это обусловлено целевым предназначением данного института – обеспечить необходимое взаимодействие федеральных и региональных органов исполнительной власти для решения общих задач реализации государственной политики на всей территории Российской Федерации, оптимизации функций и рационального и эффективного распределения между ними полномочий.

Таким образом, делегирование можно рассматривать как основанный на разграничении предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами способ перераспределения компетенции органов исполнительной власти, который заключается в передаче одним органом исполнительной власти другому осуществления части своих полномочий в целях успешного функционирования исполнительной власти на всей территории Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 15. Ст. 1691.

² Там же. 1997. № 51. Ст. 5712.

³ См., напр.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Татарстан о взаимном делегировании предметов ведения и полномочий в оборонных отраслях промышленности // Вечерняя Казань. 1994. 17 окт.; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Башкортостан от 25.05.1994 г. «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов» //

¹ См.: Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennyh zakonami Rossijskoj Federacii o popravkah k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ) // SZ RF. 2014. № 15. St. 1691.

² Tam zhe. 1997. № 51. St. 5712.

³ См., напр.: Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Tatarstan o vzaimnom delegirovanii predmetov vedenija i polnomochij v oboronnyh otrasljah promyshlennosti // Vechernjaja Kazan'. 1994. 17 okt.; Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Bashkortostan ot 25.05.1994 g. «O razgranichenii predmetov vedenija i vzaimnom delegirovanii polnomochij v oblasti ohrany okruzhajushhej sredy i ispol'zovanija prirodnyh resursov» // Vedomosti Verhovnogo Soveta i Pravitel'stva

Ведомости Верховного Совета и Правительства Республики Башкортостан. 1994. № 11 (29). Ст. 584; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Башкортостан от 25.05.1994 «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий в области высшего и среднего профессионального образования» // Там же. Ст. 580.

⁴ См.: СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

⁵ Парламентская газета. 2011. 7 июля.

⁶ См.: СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3932.

⁷ См.: <http://www.gosbook.ru/node/42070>

⁸ См.: СЗ РФ. 2015. № 29 (Ч. I). Ст. 4359.

⁹ См., напр.: Черепанов В. Разграничивать или делегировать? // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 1.

¹⁰ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 08.12.2008 г. № 924 «О порядке заключения и вступления в силу соглашений между федеральными органами исполнительной власти и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации о передаче ими друг другу осуществления части своих полномочий» // СЗ РФ. 2008. № 50. Ст. 5953.

¹¹ См., напр.: Соглашение между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Правительством Москвы о передаче городу Москве части федеральных полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 01.11.2013 г. // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2013. № 60; Соглашение между Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации и Правительством Рязанской области о передаче Правительству Рязанской области осуществления части полномочий Российской Федерации по предоставлению мер социальной защиты инвалидам и отдельным категориям граждан из числа ветеранов от 12.12.2014 г. // СЗ РФ. 2014. № 51. Ст. 7484; Соглашение между Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и Правительством Вологодской области о передаче друг другу осуществления части своих полномочий в решении вопросов организации тушения пожаров и предупреждения чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера, стихийных бедствий и ликвидации их последствий // Красный Север. 2004. № 238.

¹² См.: СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Информационный бюллетень о нормативной, методической и типовой проектной документации. 2007. № 5.

¹⁴ Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwds

¹⁵ Мадьярова А.В. Межмуниципальные соглашения о передаче части полномочий: некоторые проблемы теории, законодательного регулирования и практики применения // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 1. С. 19–24.

¹⁶ См. подр.: Акимова И.К. Делегированное законодательство в Российской Федерации // Юрист. 1998. № 9; Суставова Е.Н. Делегированное законодательство // Журнал российского права. 1998. № 8; Арефина С.И. Конституционные основы делегированного законодательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Троицкий В.С. Делегированное законодательство: теория и практика: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

¹⁷ См.: Лазарев Б.М. Компетенция органов управления. М., 1972. С. 252.

¹⁸ См.: Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М., 2001. С. 310–316.

¹⁹ Махина С.Н. Концепция децентрализации государственного администрирования: некоторые вопросы содержания и значения // Административное право и процесс. 2006. № 1. С. 11.

²⁰ См.: Административная реформа в России: Науч.-практ. пособие / Под ред. С.Е. Нарышкина, Т.Я. Хабриевой. М., 2006. С. 154–158.

²¹ См.: Федеральный закон от 01.12.2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076.

²² См., напр.: Федеральный закон от 01.12.2007 г. № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии

Республики Башкортостан. 1994. № 11 (29). Ст. 584; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Башкортостан от 25.05.1994 «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий в области высшего и среднего профессионального образования» // Там же. Ст. 580.

⁴ См.: СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

⁵ Парламентская газета. 2011. 7 июля.

⁶ См.: СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3932.

⁷ См.: <http://www.gosbook.ru/node/42070>

⁸ См.: СЗ РФ. 2015. № 29 (Ч. I). Ст. 4359.

⁹ См., напр.: Черепанов В. Разграничивать или делегировать? // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 1.

¹⁰ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 08.12.2008 г. № 924 «О порядке заключения и вступления в силу соглашений между федеральными органами исполнительной власти и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации о передаче ими друг другу осуществления части своих полномочий» // СЗ РФ. 2008. № 50. Ст. 5953.

¹¹ См., напр.: Соглашение между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Правительством Москвы о передаче городу Москве части федеральных полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 01.11.2013 г. // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2013. № 60; Соглашение между Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации и Правительством Рязанской области о передаче Правительству Рязанской области осуществления части полномочий Российской Федерации по предоставлению мер социальной защиты инвалидам и отдельным категориям граждан из числа ветеранов от 12.12.2014 г. // СЗ РФ. 2014. № 51. Ст. 7484; Соглашение между Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и Правительством Вологодской области о передаче друг другу осуществления части своих полномочий в решении вопросов организации тушения пожаров и предупреждения чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера, стихийных бедствий и ликвидации их последствий // Красный Север. 2004. № 238.

¹² См.: СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Информационный бюллетень о нормативной, методической и типовой проектной документации. 2007. № 5.

¹⁴ Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwds

¹⁵ Мадьярова А.В. Межмуниципальные соглашения о передаче части полномочий: некоторые проблемы теории, законодательного регулирования и практики применения // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 1. С. 19–24.

¹⁶ См. подр.: Акимова И.К. Делегированное законодательство в Российской Федерации // Юрист. 1998. № 9; Суставова Е.Н. Делегированное законодательство // Журнал российского права. 1998. № 8; Арефина С.И. Конституционные основы делегированного законодательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Троицкий В.С. Делегированное законодательство: теория и практика: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

¹⁷ См.: Лазарев Б.М. Компетенция органов управления. М., 1972. С. 252.

¹⁸ См.: Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М., 2001. С. 310–316.

¹⁹ Махина С.Н. Концепция децентрализации государственного администрирования: некоторые вопросы содержания и значения // Административное право и процесс. 2006. № 1. С. 11.

²⁰ См.: Административная реформа в России: Науч.-практ. пособие / Под ред. С.Е. Нарышкина, Т.Я. Хабриевой. М., 2006. С. 154–158.

²¹ См.: Федеральный закон от 01.12.2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076.

²² См., напр.: Федеральный закон от 01.12.2007 г. № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Rosatom» // Там же. 2007. Ст. 6078; Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности «Roskosmos» // Там же. 2015. № 29 (Ч. I). Ст. 4341.

²³ См.: Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Там же. 2010. № 31. Ст. 4179.

«Росатом» // Там же. 2007. Ст. 6078; Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» // Там же. 2015. № 29 (Ч. I). Ст. 4341.

²³ См.: Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Там же. 2010. № 31. Ст. 4179.

²⁴ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.10.2005 г. № 1789-р «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах» // Там же. 2005. № 46. Ст. 4720.

²⁵ См.: Романовская О.В. К вопросу о делегировании государственно-властных полномочий // Правоведение. 2011. № 5. С. 169–170.

²⁴ См.: Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 25.10.2005 g. № 1789-r «O Konceptcii administrativnoj reformy v Rossijskoj Federacii v 2006–2010 godah» // Tam zhe. 2005. № 46. St. 4720.

²⁵ См.: Romanovskaja O.V. K voprosu o delegirovanii gosudarstvenno-vlastnyh polno-mochij // Pravovedenie. 2011. № 5. S. 169–170.

УДК 343.829+327.7+341.1

О перспективах создания нового механизма международного контроля за соблюдением прав осужденных в Российской Федерации

Ю.В. ПЕРРОН – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

В статье анализируются перспективы признания Российской Федерацией юрисдикции Подкомитета по предупреждению пыток ООН и созданию национального превентивного механизма, рассматриваются исторические предпосылки принятия Факультативного протокола к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, его сущность, определяются возможности присоединения к данному документу и создания собственного национального превентивного механизма.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Организация Объединенных Наций; Факультативный протокол к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; Подкомитет по предупреждению пыток; национальный превентивный механизм; права человека; учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы.

On the prospects of establishing a new mechanism of international control over rights of convicts in the Russian Federation

YU.V. PERRON – Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article analyzes the prospects for recognition by the Russian Federation jurisdiction of the Subcommittee on Prevention of the United Nations Torture and establish a national preventive mechanism, discusses the historical background of the adoption of the Optional Protocol to the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment, its essence, determined the possibility of acceding to this document and create your own national preventive mechanism.

Key words: United Nations; The Optional Protocol to the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment; The Subcommittee on Prevention of Torture; national preventive mechanism; human rights; Institutions executing punishment of imprisonment.

В 1948 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла Всеобщую декларацию прав человека (далее – Декларация), в которой признала, что пытки и другие жестокие, бесчеловечные и унижающие достоинство виды обращения являются одним из самых жестоких и неприемлемых покушений на человеческое достоинство. Согласно ст. 5 «никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию»¹. После принятия Декларации данный запрет был неоднократно подтвержден в многочисленных международных, национальных, и региональных документах², в соответствии с которыми запрет пыток и других форм жестокого обращения является абсолютным и не допускает исключений, включая ситуации вооруженного конфликта, чрезвычайного положения в обществе или угрозы национальной безопасности. Несмотря на абсолютный запрет, ни в одном из регионов мира не удалось избавиться от пыток и других форм жестокого обращения. В 1970-х гг. во время проведения переговоров по Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. (далее – Конвенция против пыток)³ несколько международных организаций объединили свои усилия по нахождению новых способов предупреждения этих нарушений. Вдохновленный результатами посещения Международным комитетом Красного Креста тюрем в военное время швейцарский филантроп Ж.-Ж. Готье попытался создать систему регулярных посещений мест содержания под стражей по всему миру⁴.

После долгого и трудного процесса переговоров такая система была наконец создана. 18 декабря 2002 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Факультативный протокол к Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее – Факультативный протокол)⁵. Изначально планировалось включить положение о механизме международных посещений в текст Конвенции против пыток. Однако было ясно, что многие государства выступают решительно против неограниченных проверок своих учреждений содержания под стражей, поэтому сторонники конвенции решили не настаивать на включении механизма посещений в текст документа.

Несмотря на то что требование запретить пытки и другие формы жестокого обращения ясно содержится в многочисленных документах по правам человека, некоторые государства продолжают игнорировать эти обязательства. На национальном уровне эффективные и устойчивые меры по предупреждению подобных нарушений не принимаются систематически, в результате чего пытки и другие формы жестокого обращения продолжают существовать в тюрьмах во всех регионах мира. Следовательно, полностью оправдан совершенно новый подход, представленный в Факультативном протоколе.

Такой подход обусловлен тем, что заключенные больше других подвергаются риску стать объектом пыток и иных форм жестокого обращения. Уважение прав и удовлетворения наиболее существенных потребностей этих лиц зависит исключительно от властей, ответственных за места содержания под стражей.

Целью Факультативного протокола является предупреждение пыток и других форм жестокого обращения посредством установления системы регулярных посещений всех мест содержания под стражей, находящихся под юрисдикцией и контролем государств-участников. На основании результатов посещений международные и национальные эксперты могут предоставлять властям государств-участников рекомендации по улучшению национальных превентивных мероприятий. Данный протокол является дополнением к Конвенции против пыток, обусловившей создание протокола, а не ее заменой.

Факультативный протокол считается операционным договором, а не просто документом, устанавливающим стандарты. Он не создает механизма подачи индивидуальных жалоб, так как тот уже предусмотрен ст. 22 Конвенции против пыток, не требует от государств-участников предоставления периодических докладов договорному органу, вместо этого он вводит практическую и дополнительную составляющую в превентивный механизм, установленный Конвенцией против пыток. Конвенция формирует устойчивые юридические рамки для борьбы с пытками и другими формами жестокого обращения и их предупреждения, что включает общее обязательство каждого государства-участника принимать эффективные меры для предупреждения пыток и других форм жестокого обра-

ния, а также обеспечивать определенные условия для достижения данной цели⁶. Каждое государство, ратифицировавшее Конвенцию против пыток, может и должно подписать Факультативный протокол, но присоединиться к протоколу можно только после ратификации конвенции, но не наоборот.

Инновационность Факультативного протокола в рамках системы ООН по защите прав человека заключается в четырех основных аспектах:

- акцент в деятельности делается на превентивных мерах;
- предусматривает совмещение дополнительных международных и национальных усилий;
- в основе системы лежит долгосрочное устойчивое сотрудничество и диалог с целью оказать содействие государствам-участникам при внедрении изменений, необходимых для предупреждения пыток и других форм жестокого обращения в долгосрочной перспективе;
- для того чтобы обеспечить наивысший уровень защиты для всех лиц, лишенных свободы, установлено трехстороннее сотрудничество: между государствами-участниками, Подкомитетом по предупреждению пыток и национальным превентивным механизмом.

На 1 апреля 2016 г. Факультативный протокол ратифицировало 81 государство, еще 17 подписали его. В 64 государствах созданы национальные превентивные механизмы⁷.

Кроме того, когда государство становится участником Факультативного протокола, на него не возлагается дополнительных требований по отчетности: государства-участники не должны представлять Подкомитету по предупреждению пыток периодические доклады. Вместо этого предусмотрен ряд обязательств практического характера, которые можно подразделить на семь широких категорий:

1. Создать, назначить или поддержать национальный превентивный механизм.
2. Открыть все места содержания под стражей, находящиеся под юрисдикцией и контролем государства-участника, для внешнего инспектирования национальным превентивным механизмом и Подкомитетом по предупреждению пыток.
3. Содействовать контактам национального превентивного механизма и Подкомитета по предупреждению пыток.
4. Предоставлять информацию национальному превентивному механизму и Под-

комитету по предупреждению пыток относительно внутренних процедур содержания под стражей и превентивных мер.

5. Принимать во внимание рекомендации со стороны национального превентивного механизма и Подкомитета по предупреждению пыток.

6. Взаимодействовать с национальным превентивным механизмом и Подкомитетом по предупреждению пыток.

7. Публиковать ежегодный доклад национального превентивного механизма.

Подкомитет по предупреждению пыток – первый из договорных органов ООН нового поколения в своей области, начал работу в феврале 2007 г. в составе 10 членов. В начале 2011 г. количество его членов увеличилось до 25, в результате чего он стал самым большим договорным органом ООН в сфере защиты прав человека. С момента своего создания Подкомитет по предупреждению пыток разработал программу превентивных посещений и расширил свои отношения с другими организациями, осуществляющими международный контроль, в особенности с Национальным превентивным механизмом.

Национальные превентивные механизмы, являющиеся, возможно, самой важной чертой Факультативного протокола, создаются целым рядом способов (из 81 государства-участника их предусмотрели 64). Некоторые государства определили уже существующие органы как берущие на себя обязанности выполнения мандата национального превентивного механизма. Другие создали новые органы, которые призваны взять на себя эту обязанность. В различных государствах-участниках национальные превентивные механизмы создаются разными темпами: в одних они действуют уже больше десяти лет, в других – еще не заработали, в третьих – находятся в процессе создания.

Неудивительно, что существует столько моделей национального превентивного механизма, сколько насчитывается государств-участников, поскольку каждая отражает культурные, исторические, правовые, политические и экономические традиции своей страны.

Интересен пример Аргентины (форма правления – президентская республика), где в качестве способа организации национального превентивного механизма были утверждены местные превентивные механизмы в каждой из 23 провинций и автономном округе Буэнос-Айрес. В 2004 г. Аргентина первой из стран Латинской Америки

ратифицировала Факультативный протокол, тем не менее процесс создания национального превентивного механизма продолжается до сих пор, местные превентивные механизмы созданы лишь в пяти провинциях.

Закон Конгресса Аргентины № 26827 от 28.11.2012 г. и декрет правительства Аргентины 465/2014 от 09.04.2014 г.⁸ регулируют процесс создания национального превентивного механизма, который включает в себя:

– национальный комитет. Он выполняет функции по координации действий местных превентивных механизмов, созданию законодательной базы деятельности Национального превентивного механизма. Национальный комитет по предупреждению пыток является органом при национальном конгрессе и состоит из 13 членов: шести представителей парламента, уполномоченного по правам человека в тюрьмах (прокурор по тюрьмам), двух представителей местных превентивных механизмов (от провинций), избираемых федеральным советом местных превентивных механизмов, трех представителей организаций гражданского общества и одного представителя секретариата по правам человека Министерства правосудия и прав человека Аргентины;

– федеральный совет местных превентивных механизмов. Состоит из одного представителя от каждого местного механизма на уровне провинции. В функции входит оценка местных превентивных механизмов, последующее внесение предложений по их реформированию в национальный комитет. Собирается два раза в год;

– местные превентивные механизмы, которые будут созданы в 24 провинциях;

– другие учреждения, имеющие значение для целей Факультативного протокола.

Отметим, что местные превентивные механизмы разнообразны по своему составу. В 2010 г. законом № 6483 провинции Чако⁹ был создан комитет по предупреждению пыток и жестокого обращения провинции Чако. Это автономное образование включает девять членов: прокурора по правам человека провинции, двух представителей законодательной власти, секретаря национального превентивного механизма провинции Чако, пятерых представителей организаций гражданского общества (среди которых один юрист).

В провинции Мендоса законом № 8.284 (май 2011 г.)¹⁰ создана провинциальная комиссия по предупреждению пыток и жестокого обращения. Это независимая органи-

зация образована в форме юридического лица, состоит из омбудсмана по правам лиц, лишенных свободы, председателя комиссии, местного комитета по предупреждению пыток, состоящего из 4–12 представителей организаций гражданского общества, и исполнительного секретаря.

В августе 2014 г. Палата представителей провинции Мисьонес приняла закон IV-№ 65 о создании в провинции комиссии по предупреждению пыток, в нее входят: три представителя от гражданского общества, два представителя законодательной власти, один представитель исполнительной власти, один представитель судебной власти¹¹.

В Великобритании (парламентская монархия) 20 органов и организаций, координируемых Инспекцией тюрем Ее Величества, были назначены в качестве национального превентивного механизма¹². В Новой Зеландии (конституционная парламентская монархия), ратифицировавшей Факультативный протокол 14 марта 2007 г., национальный превентивный механизм представляет собой объединенные под руководством комиссии по правам человека пять органов: управление уполномоченного по правам человека, управление детского комиссара, независимый орган полиции, независимый орган контроля полиции, управление судей и адвокатов вооруженных сил и инспектора службы пенитенциарных учреждений.

В Германии (парламентская республика) после ратификации Факультативного протокола 4 декабря 2008 г. был создан новый национальный превентивный механизм – Национальное агентство по предупреждению пыток, включающее: Федеральное агентство по предупреждению пыток и Комиссию земель по предупреждению пыток.

При создании национальные превентивные механизмы не позиционируют себя как незамедлительно готовые взять выполнение своей роли в полную силу. Только немногие из них начинают работать как многодисциплинарная команда, обладающая квалификацией, навыками и наличием опыта, который предусмотрен Факультативным протоколом. Каждый национальный превентивный механизм сталкивается с определенными трудностями при выполнении превентивного мандата, который включает: 1) посещение всех мест лишения свободы в стране; 2) соотнесение с другими превентивными органами с учетом положений Факультативного протокола; 3) оценку уже существующих национальных законов или их проектов; 4) составление рекомендаций

государственным властям относительно способов изменения соответствующих систем для обеспечения полной защиты лиц, лишенных свободы. Развитие национального превентивного механизма должно рассматриваться как непрерывный процесс.

Когда уже существующий орган по защите прав человека берет на себя дополнительную роль национального превентивного механизма, ему надлежит адаптироваться таким образом, чтобы разработать по настоящему превентивный подход. Перед ним встают еще более сложные задачи, чем перед теми, которые начинают с чистого листа. Некоторые национальные превентивные механизмы пользуются доверием общественности, поскольку они или созданы на базе, или являются частью существующих национальных институтов защиты прав человека, чей авторитет и независимость прошли испытание временем. Иным будет необходимо преодолеть тот скепсис, с которым гражданское общество смотрит на родственные учреждения, до этого не замеченные в критическом дистанцировании от правительства. Каждому национальному превентивному механизму будет необходимо разработать свою собственную идентичность как превентивного органа в национальном контексте и в рамках Факультативного протокола.

В этой связи целесообразно будет наметить следующие меры по ратификации Факультативного протокола и созданию национального превентивного механизма в Российской Федерации:

1. Внести рассмотрение Факультативного протокола в политическую повестку Президента и Совета Федерации Российской Федерации.

2. Принять политическое решение о ратификации Факультативного протокола.

3. Определить тип будущего национального превентивного механизма в соответствии с одним из принципов организации: географическим, тематическим или юрисдикционным.

4. Установить постоянный диалог между заинтересованными сторонами по вариантам национального превентивного механизма.

В национальные консультации по поводу формы и регламента деятельности национального превентивного механизма целесообразно привлечь широкие слои гражданского общества и государства, в частности:

– Правительство, а также представителей Министерства юстиции Российской Феде-

рации. Сотрудники учреждений и органов, исполняющих наказания в виде лишения свободы, несут ответственность за обеспечение прав, законных интересов осужденных, а также надзор за заключенными и, следовательно, будут широко задействованы в выполнении Факультативного протокола на национальном уровне. Знание данного международного документа и уважение к нему со стороны сотрудников уголовно-исполнительной системы, а также их включенность в процесс ратификации и выполнения, особенно если это начинается на самой ранней стадии, существенно увеличивают эффективность работы национального превентивного механизма;

– Федеральное Собрание Российской Федерации и законодательные собрания субъектов Российской Федерации. Присутствие представителей законодательной власти необходимо для выполнения Факультативного протокола на национальном уровне в стадии подготовки и принятия законодательства. Члены соответствующих специализированных комиссий и Общественной палаты Российской Федерации также могут быть включены в обсуждение;

– Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации. Эти институты часто владеют непосредственным опытом решения вопросов, касающихся лиц, лишенных свободы;

– организации, занимающиеся надзором за местами содержания под стражей либо оказывающие услуги заключенным (религиозные, здравоохранительные, юридические и др.);

– организации гражданского общества и граждан, отбывших уголовное наказание или ставших жертвами пыток во время его исполнения;

– ведущие неправительственные организации по правам человека, ассоциации для заключенных и/или их родственников, комитеты заключенных, религиозные объединения, академические учреждения, ассоциации или группы, представляющие права осужденных;

– профсоюзы и/или схожие профессиональные ассоциации, представляющие юристов, врачей и медсестер, психиатров, социальных работников, а также настоящих и бывших сотрудников пенитенциарных учреждений;

– региональные и международные неправительственные организации, в том числе Подкомитет против пыток, который может

предоставлять государствам-участникам консультации вне зависимости от подписания Факультативного протокола.

5. Рассмотреть варианты национального превентивного механизма:

- новый специализированный орган;
- национальное учреждение по правам человека, например омбудсмен;
- национальное учреждение по правам человека плюс организации гражданского общества;
- децентрализованные органы под руководством единой комиссии.

На наш взгляд, для Российской Федерации предпочтительными для создания национального превентивного механизма будут два последних варианта децентрализованных органов под руководством единой комиссии. Первый вариант вызовет доверие у широких масс общества, знакомых с деятельностью Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Второй вариант является наиболее частым для стран с федеративным устройством и позволяет каждой организации гражданского общества курировать свой блок проблем.

6. Законодательно закрепить мандат национального превентивного механизма.

Резюмируя сказанное, стоит отметить, что ратификация Факультативного протокола Российской Федерацией позволит:

1) решить вопрос о том, какие неправительственные организации допускать до контроля мест лишения свободы. Это станет возможным, когда в состав национального превентивного механизма, создаваемого государством, на равных условиях в ходе диалога правительства и гражданского общества будут включены его активные члены, представители науки, образования, медицины, юриспруденции, а также пенитенциарной системы, знакомые с внутренней стороной лишения свободы;

2) снизить ежегодные затраты на выплату компенсаций по делам осужденных, рассматриваемым в рамках другой международной контрольной процедуры – Европейского суда по правам человека;

3) сформулировать единую позицию правительства и гражданского общества по вопросу предоставления периодических докладов Российской Федерацией, снизив количество альтернативных докладов о соблюдении прав осужденных, зачастую показывающих Россию в неблагоприятном свете, а также политическую напряженность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mpil.de/files/pdf2/vseobtschschaia_deklaracija_prav_cheloveka.pdf (дата обращения: 01.04.2016).

² См.: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm> (дата обращения: 01.04.2016); Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинства обращения или наказания от 26.11.1987 г. совместно с Протоколами 1 и 2 от 04.11.1993 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cpt.coe.int/lang/rus/rus-convention.pdf> (дата обращения: 01.04.2016); Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г. [Электронный ресурс]. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 01.04.2016).

³ См.: Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10.12.1984 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 01.04.2016).

⁴ См.: Мониторинг мест лишения свободы: Практическое руководство для НПО [Электронный ресурс]. URL: <http://www.osce.org/ru/odihr/29846?download=true> (дата обращения: 01.04.2016).

⁵ См.: Факультативный протокол к Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 18.12.2002 г. [Электронный ресурс]. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture_prot.shtml (дата обращения: 01.04.2016).

⁶ См.: Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10.12.1984 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 01.04.2016).

¹ См.: Vseobshhaja deklaracija prav cheloveka ot 10.12.1948 g. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.mpil.de/files/pdf2/vseobtschschaia_deklaracija_prav_cheloveka.pdf (data obrashhenija: 01.04.2016).

² См.: Evropejskaja konvencija o zashhite prav cheloveka i osnovnyh svobod ot 04.11.1950 g. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm> (data obrashhenija: 01.04.2016); Evropejskaja konvencija po preduprezhdeniju pytok i beschelovechnogo ili unizhajushhego dostoinstvo obrashhenija ili nakazanija ot 26.11.1987 g. sovmestno s Protokolami 1 i 2 ot 04.11.1993 g. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.cpt.coe.int/lang/rus/rus-convention.pdf> (data obrashhenija: 01.04.2016); Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskix pravah ot 16.12.1966 g. [Jelektronnyj resurs]. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (data obrashhenija: 01.04.2016).

³ См.: Konvencija OON protiv pytok i drugih zhestokih, beschelovechnyh ili unizhajushhih dostoinstvo vidov obrashhenija i nakazanija ot 10.12.1984 g. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (data obrashhenija: 01.04.2016).

⁴ См.: Monitoring mest lishenija svobody: Prakticheskoe rukovodstvo dlja NPO [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.osce.org/ru/odihr/29846?download=true> (data obrashhenija: 01.04.2016).

⁵ См.: Fakul'tativnyj protokol k Konvencii OON protiv pytok i drugih zhestokih, beschelovechnyh ili unizhajushhih dostoinstvo vidov obrashhenija i nakazanija ot 18.12.2002 g. [Jelektronnyj resurs]. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture_prot.shtml (data obrashhenija: 01.04.2016).

⁶ См.: Konvencija OON protiv pytok i drugih zhestokih, beschelovechnyh ili unizhajushhih dostoinstvo vidov obrashhenija i nakazanija ot 10.12.1984 g. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (data obrashhenija: 01.04.2016).

⁷ См.: Global Status of ratifications, signatures and NPM designations Optional Protocol to the UN Convention against Torture [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apr.ch/en/global-status/> (дата обращения: 01.04.2016).

⁸ См.: Decreto 465/2014. Se aprueba la reglamentación de la ley 26827 de creación del Sistema Nacional de Prevención de la Tortura y Otros Tratos o Penas Crueles, Inhumanos o Degradantes [Электронный ресурс]. URL: <http://aldiaargentina.microjuris.com/2014/04/09/decreto-4652014-se-aprueba-la-reglamentacion-de-la-ley-26827-de-creacion-del-sistema-nacional-de-prevencion-de-la-tortura-y-otros-tratos-o-penas-cruels-inhumanos-o-degradantes/> (дата обращения: 01.04.2016).

⁹ См.: Argentina – OPCAT Ratification [Электронный ресурс]. URL: http://www.apr.ch/en/opcat_pages/province-of-mendoza/?pdf=info_country (дата обращения: 01.04.2016).

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: OPCAT and the UK's National Preventive Mechanism [Электронный ресурс]. URL: <http://www.justiceinspectorates.gov.uk/hmprisons/national-preventive-mechanism/#.VlrFhWdOVaQ> (дата обращения: 01.04.2016).

⁷ Sm.: Global Status of ratifications, signatures and NPM designations Optional Protocol to the UN Convention against Torture [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.apr.ch/en/global-status/> (data obrashhenija: 01.04.2016).

⁸ Sm.: Decreto 465/2014. Se aprueba la reglamentación de la ley 26827 de creación del Sistema Nacional de Prevención de la Tortura y Otros Tratos o Penas Crueles, Inhumanos o Degradantes [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://aldiaargentina.microjuris.com/2014/04/09/decreto-4652014-se-aprueba-la-reglamentacion-de-la-ley-26827-de-creacion-del-sistema-nacional-de-prevencion-de-la-tortura-y-otros-tratos-o-penas-cruels-inhumanos-o-degradantes/> (data obrashhenija: 01.04.2016).

⁹ Sm.: Argentina – OPCAT Ratification [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.apr.ch/en/opcat_pages/province-of-mendoza/?pdf=info_country (data obrashhenija: 01.04.2016).

¹⁰ Sm.: Tam zhe.

¹¹ Sm.: Tam zhe.

¹² Sm.: OPCAT and the UK's National Preventive Mechanism [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.justiceinspectorates.gov.uk/hmprisons/national-preventive-mechanism/#.VlrFhWdOVaQ> (data obrashhenija: 01.04.2016).

УДК 341.4+94(47).08

Историко-правовой анализ сотрудничества Российской империи с иностранными государствами по вопросам уголовного и уголовно-процессуального права и его влияния на уголовное право России XIX в.

Е.С. ТРЕТЬЯКОВА – доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук, доцент

В статье на основе первоисточников – международно-правовых актов и актов национального законодательства – проводится историко-правовой анализ формирования международного уголовного права и его влияния на уголовное право Российской империи XIX в., рассматриваются основные направления межгосударственного сотрудничества в указанной сфере, делается вывод о непосредственной взаимосвязи и взаимовлиянии международного и российского уголовного права.

Ключевые слова: история международного уголовного права; соотношение международного и национального права; XIX в.; сотрудничество государств по вопросам уголовного права; выдача преступников; судебные поручения; исполнение решений уголовных судов.

Historical and legal analysis of the Russian Empire cooperation with foreign states on the issues of criminal and criminal procedural law and its impact on criminal law of Russia of the XIX century

E.S. TRETYAKOVA – Associate Professor of the Department of Civil and Business Law of the Perm branch of the Research University «Higher School of Economics», PhD. in Law, Associate Professor

On the basis of primary sources – international legal acts and national legislation – is carried out historical and legal analysis of the formation of international criminal law and its

impact on the criminal law of the Russian Empire of the XIX century, there are considered the basic directions of international cooperation in this area, is made the conclusion of direct relationship and the mutual influence of international and domestic criminal law.

Key words: history of international criminal law; correlation of international and national law; XIX century; state cooperation in criminal matters; extradition; courts orders; execution of criminal courts.

Если рассматривать право с точки зрения его структуры, то, несомненно, можно говорить о сосуществовании двух правовых систем – национального и международного права, у которых много общего: обе несут социальный характер и связаны с эволюцией общественных отношений. Историческое развитие обеих систем имеет преимущественно объективный характер.

К началу XIX в. произошло размежевание национального и международного права, которое получило свое признание в качестве новой правовой системы, находящейся в непосредственной взаимосвязи с правом национальным. На нормативном уровне проблема соотношения в рассматриваемый период не была решена, что, однако, не означает отсутствия соответствующих взаимосвязей и взаимодействия, которое можно рассматривать в двух ракурсах: влияние внутригосударственного права на образование и развитие принципов и норм международного права и, наоборот, влияние международного права на становление права национального.

Взаимодействие государств по вопросам уголовного права и процесса целесообразно анализировать как отдельное комплексное направление, так как оно активно развивалось и был накоплен весьма обширный нормативный материал, позволяющий провести анализ и определить соответствующие тенденции. При этом, как правильно отмечают некоторые авторы, важным аспектом развития сотрудничества государств в борьбе с преступностью является эволюция процессуальных гарантий соблюдения прав и свобод человека¹.

Первые договоры, содержащие нормы, регламентирующие взаимодействие государств в области уголовного права, были заключены с восточными государствами, что можно объяснить весьма напряженными отношениями и постоянно возникающими конфликтами. Вместе с тем наиболее полную и проработанную форму они приняли в соглашениях с западноевропейскими странами. Все договоры, заключенные в рассматриваемый период, имеют схожее содержание.

В качестве основных направлений сотрудничества государств в рассматрива-

емой сфере были: обеспечение правопорядка и безопасности на своей территории, противодействие вмешательству иностранцев во внутренние дела страны пребывания, распространение действия законов на собственных подданных, совершивших преступления за границей, правовая помощь в рамках уголовного процесса и судопроизводства.

Процесс развития сотрудничества в рассматриваемой сфере можно определить следующим образом. Изначально любое государство заинтересовано в обеспечении правопорядка на своей территории и наказании лиц, нарушивших установленные законодателем запреты. Таким образом, первой ступенью в формировании международного сотрудничества в уголовно-правовой сфере явилось определение уголовно-карательных функций в пределах своей территории. В дальнейшем государство распространило свою уголовную юрисдикцию на собственных подданных, совершивших преступления за границей. И уже после этого возник вопрос о взаимном содействии государств в охране юридического порядка. Базовые начала данного процесса были заложены во второй половине XVIII в., но непосредственное развитие процесс взаимодействия получил лишь в XIX в., когда на международном уровне сформировалось мнение, «что государства взаимно заинтересованы в сохранении юридического порядка и на этом основании должны преследовать преступников общими силами»².

К обозначенному периоду устоялась позиция, что каждому государству принадлежит право подчинять собственных граждан действию своих уголовных законов даже за пределами его территории. Этим же законам подчиняются и иностранцы во время их пребывания в соответствующей стране, за исключением лиц, обладающих правом экстерриториальности.

В вопросах уголовной юрисдикции по общему правилу к подданным иностранных держав в Российской империи применялись нормы уголовного и уголовно-процессуального права России, которые были регламентированы Уложением о наказаниях уголовных и исправительных³, Уставом уголовного

судопроизводства⁴ и некоторыми другими законами. Уголовной ответственности за совершение преступлений иностранные подданные, проживающие в России, подлежали наравне с российскими подданными. Так, ст. 75 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных определяла, что «иностранцы, в России жительствующие или временно в оной пребывающие, подлежат действию законов о наказаниях уголовных и исправительных на том же основании, как подданные российские, если о каком-либо из сего изъятия не сделано особенного постановления в договоре с тою иностранною державою, у коей они находятся в подданстве». Одновременно с этим положением в законодательстве России в отношении уголовного преследования иностранцев существовал и ряд особенностей, не относящихся к собственным подданным. Так, согласно Уложению о наказаниях, к иностранцам не применялась высылка за границу по судебному приговору. Во время содержания под стражей иностранцы пользовались особыми преимуществами наравне с лицами привилегированных российских сословий. Статья 174 Устава о содержащихся под стражей гласила, что «дворян, чиновников, также и из разночинцев людей состоянием своим отличных и иностранцев, должно помещать особо от людей низшего сословия»⁵.

В 1906 г. ст. 172 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных была дополнена новыми положениями. Первое касалось наказания по российским законам иностранцев, которые совершили преступления за пределами империи: «Иностранные подданные подлежат суду и наказанию в России в силу заключенных с иностранными государствами международных договоров». Второе нововведение касалось ответственности иностранцев христианского вероисповедания в Бухарском ханстве и содержало следующее положение: «Пребывающие в пределах Бухарского ханства иностранцы, принадлежащие к христианским вероисповеданиям, подчиняются во всем, что касается полицейского и судебного порядка, тем правилам, кои установлены и впредь будут установлены для проживающих в ханстве русских подданных»⁶.

Многие положения рассматриваемой сферы содержались в международных соглашениях, обеспечивающих возможность применения наказания к лицам, совершившим преступления на территории своей страны и пытающимся скрыться за грани-

цей. Особо оговаривалось и сотрудничество по вопросам противодействия вмешательству иностранцев во внутренние дела страны пребывания⁷.

Определенные проблемы в межгосударственном общении в сфере уголовного права возникали и по вопросам подсудности преступлений. И хотя это относилось к вопросам национального уголовного судопроизводства, но имело отношение и к предмету международного уголовного права, поскольку подсудностью преступлений судам того или иного государства определяется право наказания и, следовательно, пространство действия уголовного закона конкретной страны.

В вопросах уголовного судопроизводства в отношении иностранных подданных в России было закреплено положение, согласно которому иностранцы за преступления, совершенные за границей, привлекались к уголовной ответственности в России судебным органом по месту задержания или последнего места жительства, аналогично тому, как привлекались к уголовной ответственности и русские подданные⁸. Но, если у России имелся соответствующий договор о правовой помощи с иностранным государством относительно выдачи взаимных подданных, иностранец мог быть выдан запрашивающему государству, кроме уже совершивших преступление и на территории Российского государства.

Выдача преступников была наиболее урегулированным процессом в международном правовом взаимодействии государств в рассматриваемый период. Данный институт, безусловно, находится на стыке международного и внутригосударственного права.

Несмотря на тот факт, что практика заключения договоров о выдаче стала формироваться задолго до рассматриваемого периода времени, для Российской империи процесс активного заключения договоров о выдаче начался лишь после осуществления реформ в сфере суда и судопроизводства в России 1864 г., когда российские законы стали соответствовать общепринятым европейским стандартам правосудия. В результате этого иностранные государства стали воспринимать Россию как равную им в правовом смысле страну. Во второй половине XIX – начале XX вв. Россией было заключено более 20 договоров о взаимной выдаче преступников.

При заключении данной категории соглашений устанавливалось правило, согласно которому (за небольшими исключениями)

лицо, совершившее деяние, если оно не является собственным подданным выдающего государства, могло быть выдано не только стране, на территории которой было совершено преступление, но и державе, подданным которой оно является. Особо дискуссионным являлся вопрос о возможности выдачи собственных подданных. Почти все договоры, заключенные Россией по поводу выдачи преступников, содержат правило о невыдаче последних.

Отметим, что конкретный список преступлений, относящихся ко всем случаям выдачи, определить не представляется возможным, поскольку каждое соглашение содержало свой перечень преступных деяний, за совершение которых лицо могло быть подвергнуто процедуре экстрадиции. Причем в процессе развития международных отношений список преступлений постоянно подвергался изменениям, а их количество неуклонно увеличивалось. Так, в перечне преступлений в конвенции, заключенной с Данией (1866 г.), содержится 9 деяний, Баварией (1869 г.) – 10, Италией (1871 г.) – 13, Бельгией (1872 г.) – 18, Нидерландами (1893 г.) – 26.

Таким образом, к концу XIX в. международные договоры о выдаче преступников охватывали деяния, разнообразные по своему составу и затрагивающие наиболее важные, защищаемые национальным законом общественные отношения.

Российское законодательство, в отличие от законодательства некоторых других государств (Бельгии, Англии, Голландии и др.), долгое время не содержало положений, регламентирующих процесс выдачи преступников. Следовательно, основным и практически единственным источником права выдачи были конвенции, заключаемые с иностранными государствами.

С изданием Уголовного уложения 1903 г. появились нормы внутреннего законодательства, отчасти регулирующие данный процесс. Так, ст. 13 уложения предусматривала, что «иностранец, учинивший тяжкое преступление или преступление вне пределов России, если не был за то преступное деяние в России осужден, оправдан или освобожден от наказания в установленном порядке, подлежит выдаче согласно договору, заключенному с государством, требующим выдачи обвиняемого, или установившейся в этом отношении с сим государством взаимности».

15 декабря 1911 г. был принят закон, составивший особую главу Устава уголовного

судопроизводства России. Он явился первым и последним законом, регулирующим вопросы выдачи преступников, его основные положения соответствовали практике заключения двусторонних соглашений.

В результате принятия закона 1911 г. на национальном уровне были подробно регламентированы основания и процедуры выдачи преступников, выработанные в ходе заключения двусторонних соглашений. Данные положения вносили некоторые уточнения или вводили отличные правила, что не означало отмены силы заключенных с иностранными правительствами договоров о выдаче. Однако закон устанавливал, что в новые договоры по данному вопросу не могли быть включены правила, налагающие на Россию большие обязательства, чем установлены в данном нормативном акте. Приобретенный в этом отношении опыт сохраняет актуальность и в наше время.

После издания судебных уставов наряду с конвенциями о выдаче преступников Россия стала заключать иные специальные соглашения о взаимодействии в уголовно-правовой сфере. Относительно данной группы международных соглашений можно отметить, что предмет их регулирования был весьма узок и они затрагивали только отдельные стороны уголовно-правового сотрудничества.

Во-первых, к рассматриваемым видам взаимодействия надо отнести вопросные грамоты и судебные поручения, являвшиеся актами, при помощи которых правительство одного государства обращалось к другому с просьбой предоставить ответы на поставленные вопросы. По общему правилу такие грамоты передавались дипломатическим путем⁹. Отступления от дипломатического пути допускались лишь в отдельных случаях, на основаниях заключенных международных соглашений. Так, например, по данному вопросу Россия заключила конвенции в 1866 г. с Данией (ст. 7), в 1867 и 1880 гг. с Голландией (ст. 9 и ст. 12 соответственно), в 1879 г. с Германией и т.д. Так, ст. 3 российско-германской конвенции к вопросам, по которым возможно непосредственное сношение судебных органов, относит: «а) требования о производстве предварительных дознаний, следственных действиях о преступлениях и проступках, совершенных на территории той или другой из обеих сторон, допросов, осмотров на месте, домовых обысков и выемок, медицинских освидетельствований и проч.; б) требования о передаче вещественных доказательств,

ценностей и документов, относящихся к делам, производящимся в судебных местах; в) переписку прокуроров по делам арестантским; г) передачу повесток о вызове в суд, приказов о явке в суд, повесток судебных приставов, судебных объявлений, судебных требований и других судебных актов; д) показания свидетелей под присягою и без присяги»¹⁰.

Но непосредственные сношения, допущенные в рассматриваемых конвенциях, не были обязательными и в случае, если по особым соображениям установленный договором порядок признавался неудобным. Тогда судебными органами мог использоваться дипломатический путь передачи судебных поручений.

Наряду с передачей повесток и судебных поручений государства брали на себя обязанность правовой помощи в производстве следственных действий по уголовному делу. Одним из наиболее важных вопросов, разрешаемых при помощи судебных поручений, было получение свидетельских показаний лица, находящегося за границей, или обеспечение его личной явки в суд для дачи этих показаний.

Положения относительно обеспечения явки свидетелей, их допросов, очных ставок, передачи вещественных доказательств и осуществления помощи в производстве других следственных действий содержались в различных конвенциях, заключенных в рассматриваемый период Российской империей с иностранными государствами, в том числе о выдаче преступников. Например, конвенции, заключенные Россией с Данией в 1866 г. (ст. 8–9), Голландией в 1867 г. (ст. 10–12), Гессеном в 1869 г. (ст. 11–13), Швейцарией в 1873 г. (ст. 13–15), Австро-Венгрией в 1874 г. (ст. 11, 13–15), Нидерландами в 1880 г. (ст. 13–16).

Денежные издержки в связи с осуществлением тех или иных действий, согласно договорам, по общему правилу брало на себя государство, требующее исполнения данных действий. Почти во всех конвенциях закреплено, что свидетели, которые переезжают границу по требованию суда, не должны быть задержаны или притесняемы ни за какое деяние, предшествовавшее их вызову. А ст. 14 русско-бельгийской конвенции добавляет к этому правилу, что такие свидетели не могут быть арестованы за раскрытое на следствии соучастие в судимом преступлении.

Относительно формы документов необходимо сказать, что для облегчения испол-

нения судебных поручений при их составлении учитывались и судебные порядки иного государства, и особая природа международных сношений.

Еще одним вопросом, к которому необходимо обратиться, рассматривая взаимодействие государств в уголовно-правовой сфере, является возможность исполнения на территории Российской империи приговоров иностранных судов. Здесь, как и в вопросе о решениях иностранных судов по гражданским делам, по мнению профессора Ф.Ф. Мартенса, можно провести различие между исполнением приговора иностранного уголовного суда и признанием такого приговора¹¹.

Как и в случаях с приговорами гражданских иностранных судов, в России решения иностранных уголовных судов не подлежали исполнению. Это объясняется тем, что уголовный приговор является применением уголовных законов определенной страны, вынесшей соответствующее решение, и, следовательно, не может распространяться на территорию другого государства. Но и признания юридических последствий приговоров иностранных судов нельзя отрицать. В случае вынесенного приговора и наказания за преступление, совершенное за границей против частного лица, виновный не мог быть наказан вторично.

Кроме того, рассматривая генезис институтов международного уголовного права, можно установить, что в данный период государства начали очерчивать круг международных преступлений, первым среди которых стала торговля неграми.

Борьбе с работорговлей издавна уделялось большое внимание во внешней политике России, государство было особо заинтересовано в решении этой международной проблемы, поскольку периодические набеги татар и турок на русские селения не прекращались. При этом отметим, что такой «промысел» первоначально не встречал активного противодействия участников международного общения, так как в рассматриваемый период торговлей людьми занимались не только «полуцивилизованные» государства – Османская империя и Крымское ханство, но и такие развитые страны, как Англия, Испания и др.

Первые договоры, непосредственно касающиеся данного вопроса, Россия заключила с Турцией еще в конце XVII в.¹² В XVIII в. решение этой проблемы было более последовательным¹³, а в XIX в. нашло системное оформление, начиная с Венского конгресса

1815 г., когда ведущими мировыми державами была принята первая декларация, направленная на борьбу с неготорговлей¹⁴.

Нормы об объявлении торговли неграми морским разбоем нашли свое отражение и во внутреннем законодательстве государств. Так, в 1842 г. в России Правительствующий сенат издал указ, в соответствии с которым русские подданные, изобличенные в каком-либо участии в торговле неграми, должны были быть преданы суду и понести наказание¹⁵. Несколько позже иностранным крейсерам были предоставлены полномочия на осмотр и задержание коммерческих судов, уличенных в торговле неграми¹⁶. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. устанавливалось в качестве наказания за торговлю неграми лишение прав состояния и ссылка на каторжную работу в крепостях на срок 8–10 лет¹⁷.

Стоит отметить, что правительство Российской империи, вступая в борьбу на международном уровне с торговлей неграми, находилось в весьма непростом положении, ведь в России до этого времени все еще существовало, можно сказать, даже процветало, крепостничество. Таким образом, окончательное решение России в пользу личной свободы было сделано только 19 февраля 1861 г., когда по манифесту императора Александра II произошла отмена крепостного права. Однако в России никогда не закрепощались иностранные подданные, приезжавшие в ее пределы, так что наше государство имело полное право требовать аналогичной практики и от других государств.

Итак, взаимодействие государств по вопросам уголовного и уголовно-процессуального права в XIX в. в силу значимости формировалось весьма интенсивно, дополняя и содержательно влияя на соответствующее законодательство национального уровня.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Санташов А.Л., Санташова Л.Л. Процессуальные гарантии реализации прав осужденных к лишению свободы на различных этапах передачи для отбывания наказания в государство их гражданства // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2 (30). С. 48–52.

² Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: В 2 т. СПб., 1904. Т. 1. С. 350.

³ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15.08.1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. 1825–1881 гг. СПб., 1846. Т. XX (1845 г.). Отд. I. № 19283.

⁴ См.: Высочайше утвержденный Устав уголовного судопроизводства от 20.11.1864 г., опубликован при Указе Сената 21.11.1864 г. // Там же. Т. XXXIX (1864 г.). Отд. II. № 41476.

Договорная практика была направлена на решение проблем, затрагивающих взаимные интересы государств. Сначала отдельные нормы закреплялись в общеполитических и торговых соглашениях, в последующем стали заключаться специализированные договоры, предметом которых становилась уголовно-правовая сфера. Наиболее развитым являлся институт экстрадиции.

Развитие института выдачи и иных форм правовой помощи по уголовным делам можно разделить на два этапа: 1) до 1864 г., когда состояние российского национального законодательства не способствовало активному взаимодействию в правовой сфере, 2) после 1861 г. – этап, характеризующийся приведением национального законодательства в соответствие с общепризнанными европейскими стандартами правосудия. С введением в действие Судебного устава 1864 г. активизировалась деятельность по международно-правовому оформлению взаимоотношений Российской империи с другими государствами, в том числе в вопросах уголовного права и уголовного процесса. Одновременно складывались и отрабатывались на практике процедуры взаимодействия российских государственных органов (Министерства иностранных дел и Министерства внутренних дел) по вопросам подготовки и рассмотрения документов об экстрадиции, задержания и передачи выдаваемых лиц, изъятия предметов преступной деятельности, возмещения издержек, связанных с экстрадицией, и т.д.

Развитие международного права в сфере взаимодействия по вопросам уголовного права и процесса способствовало, с одной стороны, более эффективному обеспечению интересов самого российского государства, с другой – созданию системы обеспечения международного правопорядка и основ современного международного уголовного права.

¹ См.: Santashov A.L., Santashova L.L. Processual'nye garantii realizacii prav osuzhdennyh k lisheniju svobody na razlichnyh etapah peredachi dlja otbyvaniya nakazaniya v gosudarstvo ih grazhdanstva // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2015. № 2 (30). S. 48–52.

² Martens F.F. Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovannyh narodov: V 2 t. SPb., 1904. T. 1. S. 350.

³ См.: Ulozhenie o nakazaniyah ugodolnyh i ispravitel'nyh ot 15.08.1845 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. 1825–1881 gg. SPb., 1846. T. XX (1845 g.). Otd. I. № 19283.

⁴ См.: Vysochajshe utverzhdenyj Ustav ugodolnogo sudoproizvodstva ot 20.11.1864 g., raspublikovan pri Ukaze Senata 21.11.1864 g. // Tam zhe. T. XXXIX (1864 g.). Otd. II. № 41476.

⁵ Устав о содержащихся под стражей. Изд. 1890 г. СПб., 1900.

⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX в. М., 1988. С. 174–309.

⁷ См., напр.: Мирный договор между Россией и Францией от 26.09.1801 г. // Полное собрание законов Российской империи. 1649–1675 гг. СПб., 1830. Т. XXI (1781–1783 гг.). № 15536.

⁸ См.: Устав уголовного судопроизводства // Свод законов Российской империи. Изд. 1892 г. СПб., 1892. Т. XVI. Ч. I. Ст. 214.

⁹ См.: Ивановский И.А. Взаимное содействие государств в производстве следствий по делам уголовным. Одесса, 1889. С. 70.

¹⁰ Конвенция, заключенная с Германией, о непосредственных сношениях судов Варшавского судебного округа с прусскими пограничными судами от 23.01.1879 г. // Александренко В.Н. Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774–1906). Варшава, 1906. № 73.

¹¹ См.: Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. С. 429.

¹² См.: Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. М., 1992. С. 289–290.

¹³ См.: Трактат вечного мира и дружбы между Россией и Оттоманскою Портою от 10.07.1774 г. // Полное собрание законов Российской империи. 1649–1675 гг. СПб., 1830. Т. XIX (1770–1774 гг.). № 14164; Трактат о торговле между Россией и Оттоманскою Портою от 10.06.1783 г. // Там же. Т. XXI (1781–1783 гг.). № 15757; Трактат вечного мира и дружбы, заключенный Российской империей и Оттоманскою Портою в Яссах от 29.12.1792 г. // Там же. Т. XXIII (1789 – 6 ноября 1796 гг.). № 17008.

¹⁴ См.: Декларация «О прекращении торга неграми» от 27.01.1815 г. // Там же. Т. XXXIII (1815–1816 гг.). № 25771.

¹⁵ См. подр.: Указ Именный «О предании суду и наказанию Российских подданных, которые будут изобличены в каком либо участии в торге неграми» от 26.03.1842 г. // Полное собрание законов Российской империи. 1825–1881 гг. СПб, 1843. Т. XVII (1842 г.). Отд. I. № 15429; Циркуляр Министерства иностранных дел по Департаменту внутренних сношений от 31.05.1842 г. «О запрещении торга неграми» // Собрание циркуляров Министерства иностранных дел по Департаменту внутренних сношений. 1840–1888. СПб., 1888. № 6.

¹⁶ См.: Указ Именный «О выдавании полномочий иностранным крейсерам на осмотр и задержание коммерческих судов, кои уличены будут в производстве торга неграми, за подписью и печатью Адмиралтейств Совета» от 12.08.1842 г. // Полное собрание законов Российской империи. 1825–1881 гг. СПб., 1843. Т. XVII (1842 г.). Отд. I. № 15967.

¹⁷ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. Ст. 1861.

⁵ Ustav o sodержashhihsja pod strazhej. Izd. 1890 g. SPb., 1900.

⁶ Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. T. 6. Zakonodatel'stvo pervoj poloviny XIX v. M., 1988. S. 174–309.

⁷ Sm., napr.: Mirnyj dogovor mezhdru Rossiej i Franciej ot 26.09.1801 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. 1649–1675 gg. SPb., 1830. T. XXI (1781–1783 gg.). № 15536.

⁸ Sm.: Ustav ugovolnogo sudoproizvodstva // Svod zakonov Rossijskoj imperii. Izd. 1892 g. SPb., 1892. T. XVI. Ch. I. St. 214.

⁹ Sm.: Ivanovskij I.A. Vzaimnoe sodejstvie gosudarstv v proizvodstve sledstvij po delam ugovolnym. Odessa, 1889. S. 70.

¹⁰ Konvencija, zakljuchennajas Germaniej, oneposredstvennyh snoshenijah sudov Varshavskogo sudebnogo okruga s prusskimi pogranychnymi sudami ot 23.01.1879 g. // Aleksandrenko V.N. Sobranie vazhnejshih traktatov i konvencij, zakljuchennyh Rossiej s inostrannymi derzhavami (1774–1906). Varshava, 1906. № 73.

¹¹ Sm.: Martens F.F. Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovannyh narodov. S. 429.

¹² Sm.: Razvitie russkogo prava vtoroj poloviny XVII–XVIII vv. M., 1992. S. 289–290.

¹³ Sm.: Traktat vechnogo mira i druzhby mezhdru Rossiej i Ottomanskoju Portuju ot 10.07.1774 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. 1649–1675 gg. SPb., 1830. T. XIX (1770–1774 gg.). № 14164; Traktat o torgovle mezhdru Rossiej i Ottomanskoju Portuju ot 10.06.1783 g. // Tam zhe. T. XXI (1781–1783 gg.). № 15757; Traktat vechnogo mira i druzhby, zakljuchennyj Rossijskoj imperiej i Ottomanskoju Portuju v Jassah ot 29.12.1792 g. // Tam zhe. T. XXIII (1789 – 6 nojabrja 1796 gg.). № 17008.

¹⁴ Sm.: Deklaracija «O prekrashhenii torga negrami» ot 27.01.1815 g. // Tam zhe. T. XXXIII (1815–1816 gg.). № 25771.

¹⁵ Sm. podr.: Ukaz Imennyj «O predanii sudu i nakazaniu Rossijskih poddannyh, kotorye budut izoblicheny v kakom libo uchastii v torgue negrami» ot 26.03.1842 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. 1825–1881 gg. SPb, 1843. T. XVII (1842 g.). Otd. I. № 15429; Cirkuljar Ministerstva inostrannyh del po Departamentu vnutrennih snoshenij ot 31.05.1842 g. «O zapreshhenii torga negrami» // Sobranie cirkuljarov Ministerstva inostrannyh del po Departamentu vnutrennih snoshenij. 1840–1888. SPb., 1888. № 6.

¹⁶ Sm.: Ukaz Imennyj «O vydavanii polnomochij inostrannym krejseram na osmotr i zaderzhanie kommercheskih sudov, koi ulicheny budut v proizvodstve torga negrami, za podpis'ju i pechat'ju Admiraltejstv Soveta» ot 12.08.1842 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. 1825–1881 gg. SPb., 1843. T. XVII (1842 g.). Otd. I. № 15967.

¹⁷ Sm.: Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh. SPb., 1845. St. 1861.

УДК 343.815(497.12)+(494)

Сравнительный анализ практики лишения свободы несовершеннолетних по приговору суда в Словении и Швейцарии

Н.Л. КОЛМАКОВА – преподаватель кафедры русского и иностранных языков ВИПЭ ФСИН России;

Н.С. МОГИЛЕНКО – преподаватель кафедры русского и иностранных языков ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматривается практика исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних Словении и Швейцарии, проводится сопо-

ставительный анализ разных аспектов тюремного заключения на основе аутентичных материалов – международных нормативно-правовых актов и научных статей.

Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители; лишение свободы; срок тюремного заключения; решение суда; воспитательные меры; центр заключения.

A comparative analysis of the imprisonment of minors by court order in Slovenia and Switzerland

N.L. KOLMAKOVA – Lecturer of the Department of Russian and Foreign Languages of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia;

N.S. MOGILENKO – Lecturer of the Department of Russian and Foreign Languages of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article deals with the practice of imprisonment of minors in Slovenia and Switzerland. It presents a comparative analysis of various aspects of imprisonment. On the basis of authentic materials - international legal acts and scientific articles.

Key words: minors offenders; deprivation of liberty; a term of imprisonment; the court's decision; educational measures; detention center

Практика применения к несовершеннолетним такого наказания, как лишение свободы, осуществляется в соответствии с международными документами, правилами и нормами, принятыми по инициативе Организации Объединенных Наций в разное время. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), от 29.11.1985 г. относят к несовершеннолетним ребенка или молодого человека, «который в рамках существующей правовой системы может быть привлечен за правонарушение к ответственности в такой форме, которая отличается от формы ответственности, применимой к взрослому»¹. Следует отметить, что в данном определении не указываются возрастные пределы, так как это находится в сфере ответственности правовой системы отдельного государства и напрямую зависит от национальных, политических, экономических, социальных и иных особенностей.

В Правилах ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, подписанных в Гагане в 1990 г., лишение свободы рассматривается как «любая форма задержания или тюремного заключения какого-либо лица или его помещение в государственное или частное исправительное учреждение, которое несовершеннолетнему не разрешается покидать ни по собствен-

ному желанию, ни на основании решения любого судебного, административного или другого государственного органа»². Подобное определение дано также в Европейских правилах в отношении несовершеннолетних правонарушителей, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера от 2008 г. Но в отличие от Пекинских правил ООН 1985 г. оба документа устанавливают четкую верхнюю границу возрастного ценза для несовершеннолетних – до 18 лет.

Европейские правила содержат рекомендации, которые должны быть приняты во внимание при разработке и применении положений национального законодательства при ограничении свободы несовершеннолетних. Особенно значимыми в международной практике считаются следующие рекомендации:

1) лишение несовершеннолетних свободы может применяться лишь как последнее средство воздействия и на минимально возможный срок;

2) подростки должны быть размещены в специально предусмотренных для них исправительных учреждениях, отдельно от взрослых, за исключением тех случаев, когда это отвечает интересам несовершеннолетнего;

3) основная деятельность персонала исправительных учреждений для несовершеннолетних должна быть направлена на реа-

билитацию и образование подростков, а не на их наказание³.

В зарубежном уголовном законодательстве установлены минимальные и максимальные пределы несовершеннолетия, которые предусматривают возможность дифференциации ответственности несовершеннолетних в зависимости от их конкретного возраста в той или иной мере. Законодатели большинства европейских стран полагают, что ребенок может и должен отвечать за нарушение закона лишь в 12–16 лет. Но следует отметить, что в таких странах, как Греция и Шотландия, возраст уголовной ответственности наступает с 8 лет, в Англии, Франции, Северной Ирландии – с 10 лет. В Швейцарии специальным постановлением от 2002 г. возраст наступления уголовной ответственности был увеличен с 7 до 10 лет. В Словении уголовная ответственность начинается с 14 лет и только в случае, если несовершеннолетний совершил особо тяжкое преступление. Такого же подхода придерживаются Россия и Литва.

В соответствии с положениями словенского уголовного права все малолетние правонарушители разделены на несколько групп:

1) дети до 14 лет (их исправлением занимаются не суды, а органы социального обеспечения);

2) несовершеннолетние в возрасте от 14 до 16 лет, в отношении которых могут быть применены только воспитательные меры;

3) старшие несовершеннолетние в возрасте от 16 до 18 лет. Как правило, к ним применяются воспитательные меры, и только в исключительных случаях может быть вынесен особый приговор (штраф или тюрьма для несовершеннолетних)⁴.

Уголовное законодательство Швейцарии подразделяет несовершеннолетних на следующие возрастные группы:

1) несовершеннолетние в возрасте до 10 лет, не подлежащие уголовной ответственности;

2) подростки в возрасте от 10 до 15 лет, к которым могут применяться воспитательные меры в виде опеки, помещения в подходящую семью или воспитательное учреждение особого наблюдения либо дисциплинарные взыскания в виде выговора или наложения обязанности выполнить определенную работу (максимум – на 10 дней);

3) несовершеннолетние от 15 до 18 лет, к которым могут быть применены как аналогичные воспитательные меры, так и вы-

говор, наложение обязанности выполнить определенную работу (максимум – 3 месяца), штраф (до 2 тыс. франков), особое наблюдение, назначение персонального социального работника от прокуратуры, амбулаторное лечение, помещение в воспитательный дом на срок два и более года либо заключение на срок от одного дня до одного года (для 16–18-летних максимальный срок составляет 4 года);

4) молодежь в возрасте от 18 до 25 лет, в отношении которой уже применяются общие положения Уголовного кодекса Швейцарии, однако предусмотрена возможность направления правонарушителя в воспитательно-трудовое учреждение⁵.

Сравнив данные классификации, можно сделать вывод, что в уголовном праве рассматриваемых нами стран есть существенное различие между возрастом наступления уголовной ответственности и минимальным возрастом для тюремного заключения. Независимо от возраста уголовной ответственности и в Словении, и в Швейцарии суд выносит приговор о лишении свободы, только если на момент совершения преступления молодому человеку исполнилось 16 лет.

В 1990-х гг. Словения разработала широкий набор возможностей, которые позволяют применить к несовершеннолетним такие альтернативные меры, как посредничество или отсрочка судебного преследования. В связи с таким подходом суды в основном используют воспитательные меры и штрафы в отношении несовершеннолетних, осужденных в возрасте от 14 до 18 лет⁶.

Основным принципом, которым руководствуется ювенальная юстиция Швейцарии, является отношение к правонарушителю как к жертве жизненных обстоятельств и неправильного воспитания, и поэтому их главная задача – оказать всестороннюю поддержку. Решающими вопросами при этом являются: кто этот подросток, который совершил правонарушение? почему подросток вступил в конфликт с законом? что следует предпринять, чтобы этот подросток больше не становился преступником? Поэтому санкции выбираются таким образом, чтобы несовершеннолетние больше не совершили ни одного преступления. Юристы говорят в этих случаях о специальной превенции⁷.

Очевидно, что в рассматриваемых странах на первом месте стоят меры воспитательного и педагогического воздействия, а не наказание. Как следствие, только 2% от всего числа несовершеннолетних право-

нарушителей в Словении приговариваются судом к лишению свободы, и это один из самых низких показателей в странах Европы. Подобные показатели также имеют Германия и Финляндия, в то время как в Англии и Уэльсе в исправительные учреждения отправляют около 15% от общего числа малолетних правонарушителей, в Литве – 30%⁸.

За последние 40 лет частота вынесения приговоров в виде тюремного заключения в обеих странах оставалась стабильной, решение суда о лишении свободы относилось к категории исключительных мер. Такой приговор в отношении несовершеннолетнего в Словении может быть вынесен только при совершении им тяжкого преступления, срок наказания за которое составляет более 5 лет. При этом суд должен принять во внимание тяжесть преступления и степень уголовной ответственности и объяснить, почему в данном случае не может быть применена воспитательная мера. Это связано с тем, что судьи стали принимать во внимание негативные последствия данного наказания, в частности изоляцию от общества, заниженную самооценку, депрессию, порицаемую социальную роль.

Словения относится к тем европейским странам, где уголовное право запрещает передавать дела с участием несовершеннолетних на рассмотрение в суд общей юрисдикции, независимо от тяжести совершенного преступления. Эта модель правовой системы получила название «строгой», которой также придерживаются Швейцария, Германия, Австрия и некоторые другие страны. «Строгая» модель устанавливает верхний предел возраста для рассмотрения дел несовершеннолетних в рамках ювенальной юстиции. «Гибкая» модель правовой системы в отношении несовершеннолетних допускает возможность передачи дела малолетнего преступника в суд общей юрисдикции в случае совершения тяжкого преступления. Такого подхода придерживаются Нидерланды, Бельгия, Франция, Англия, Уэльс и др.

Уголовным кодексом Словении определено, что срок тюремного заключения не должен быть менее 6 месяцев и свыше 5 лет. Минимальный срок тюремного заключения на 6 месяцев определен также в Германии, Греции и Латвии. Некоторые европейские страны установили более короткий минимальный срок заключения, например 3 месяца в Италии и Португалии. В Словацкой Республике, напротив, минимальный срок тюремного заключения составляет 24 месяца⁹.

Уголовный кодекс Словении предписывает, что при определении продолжительности тюремного заключения судья должен учитывать не только тяжесть преступления, но и степень зрелости несовершеннолетнего, время, необходимое для его реабилитации и профессионального образования. Как и в других странах Европы, минимальный срок лишения свободы в отношении несовершеннолетнего в Словении больше, чем для взрослых: 6 месяцев против 15 дней. Эту разницу нельзя квалифицировать как проявление жесткого и карательного подхода к подросткам. По мнению С.В. Долговой, «при назначении данных мер критерием выступает не тяжесть преступления, а потребность в воспитании и восприимчивость к нему»¹⁰. Программы реабилитации и воспитания, по мнению словенских законодателей и педагогов, не могут быть успешными, если будут проходить в течение более короткого периода времени.

Лишение свободы в Швейцарии может быть назначено только несовершеннолетним старше 15 лет, максимальный срок составляет 1 год. Этот срок может быть увеличен до 4 лет в отношении тех несовершеннолетних, которым в момент преступления было больше 16 лет, и при совершении определенных тяжких и особо тяжких преступлений. К таким относятся, например, умышленное убийство, убийство при отягчающих обстоятельствах, грабеж с угрозой для жизни, взятие заложников или насилие с применением оружия или опасных предметов. В этот перечень не попадают преступления, связанные с наркотиками.

Необходимо отметить, что достаточно небольшой процент несовершеннолетних правонарушителей в Словении и Швейцарии отбывает полный срок, установленный судом, большинство из них освобождается условно-досрочно. Когда несовершеннолетний отбывает $\frac{1}{3}$ срока, специальная комиссия Министерства юстиции принимает решение относительно условно-досрочного освобождения. В период с 2001 по 2007 гг. из 43 несовершеннолетних, вышедших на свободу в Словении, только 6 чел. отбывали полный приговор, 29 были освобождены условно-досрочно, в среднем за 6 месяцев до окончания полного срока и 8 – за 1 месяц.

Подобная пенитенциарная политика оказала влияние на финское тюремное законодательство, несмотря на то что по уровню преступности Финляндия считается одной из самых безопасных европейских стран. Реформа 2006 г. определила, что лица мо-

ложе 21 года, совершившие уголовно наказуемое деяние, должны быть отнесены «к несовершеннолетним правонарушителям, освобождаемым условно после отбытия 1/3 срока»¹¹.

В Словении воспитательные меры в отношении молодых преступников, предусматривающие ограничение свободы, делятся на два вида:

1) помещение в учреждение, находящееся под юрисдикцией Министерства труда, семьи и социальных отношений, в котором несовершеннолетние правонарушители содержатся вместе с трудными подростками, еще не совершившими уголовного правонарушения;

2) помещение в центр заключения, предназначенный исключительно для несовершеннолетних правонарушителей и находящийся под юрисдикцией Министерства юстиции.

Примерно 2/3 подростков направляются по решению суда в первую группу учреждений, не являющихся по своей сути пенитенциарными. Несовершеннолетние правонарушители составляют в них только 10% от всего контингента.

Если несовершеннолетний правонарушитель в возрасте от 14 до 18 лет нуждается в помощи специалиста и его необходимо изолировать от привычного окружения, то суд выносит решение о его направлении в центр заключения. Большею частью это те подростки, которые уже совершили преступление и были за него осуждены. С 1996 по 2008 гг. примерно 25 несовершеннолетних нарушителей находились в центре заключения каждый год. Срок пребывания в таком учреждении – от года до трех лет. Суд не выносит решение о длительности срока нахождения несовершеннолетнего правонарушителя в центре заключения, такое решение принимается позже в зависимости от обстоятельств. Поэтому администрация центра заключения обязана сообщать об изменениях в поведении подростка и его школьных успехах не реже, чем раз в 6 месяцев. Большая часть молодых правонарушителей остается в центре примерно на 2 года¹².

При поступлении в центр заключения группа специалистов, состоящая из психолога, социального работника, педагога, мастера, представителя охраны и, если необходимо, психиатра, вместе с подростком составляют план индивидуальной реабилитации. Он включает в себя начальные цели, деятельность подростка, общее и профессиональное образование, трудоустройство,

используемые терапевтические формы, виды сотрудничества в стенах исправительного учреждения и социальную помощь после освобождения. При работе с несовершеннолетним особое внимание уделяется проблеме употребления алкоголя и наркотиков. Так, в 2002 г. 11% подростков имели проблемы, связанные с алкоголем, 40% – с наркотиками, в 2007 г. 24% и 60% соответственно.

С.В. Долгова указывает, что «в центрах несовершеннолетние находятся до тех пор, пока не будет разработана программа их возвращения в активную жизнь. Кроме того, подросток может быть помещен в центр дневного пребывания, который предлагает воспитательные, образовательные программы и профессиональное обучение, занимается ликвидацией безграмотности»¹³.

Основу педагогической и терапевтической концепции центра для размещения несовершеннолетних правонарушителей в Швейцарии образуют положения конфронтационной педагогики, центральной задачей которой является принятие преступником ответственности за свое преступное поведение и свои жизненные обстоятельства. Главная цель швейцарских пенитенциарных воспитателей – убедить своего подопечного в том, что жизнь без нарушения закона является большей ценностью, достойна большего уважения, нежели преступная, хотя и приносящая быстрый и легкий заработок. Рассмотрение собственного преступного поведения и соответствующих криминогенных факторов выступает для молодых преступников обязательным компонентом всех проводимых с ними мероприятий. Осужденный должен научиться брать на себя ответственность за совершаемые действия, своевременно распознавать провокационные ситуации и применять альтернативные, одобряемые обществом способы поведения.

Установлено, что большую роль для успешной реабилитации несовершеннолетних в центре заключения играет социальный климат, поскольку он оказывает влияние на поведение как подростков, так и сотрудников. Неблагоприятный социальный климат мешает общению и является причиной конфликтов, нетерпимости, безразличия и недоверия. Чем более благоприятным является социальный климат, тем более благоприятны условия работы и больше вероятность получения хороших результатов.

Чрезвычайные ситуации являются отражением конфликта, и поэтому их отсутствие

считается хорошим показателем социального климата в центре заключения. К ним мы будем относить следующие события:

1) одиночное заключение (изоляция) – помещение человека в отдельную комнату для временного ограничения свободы из-за опасности, которую он представляет для себя или других. Однако время пребывания в одиночном заключении не должно превышать 12 ч;

2) использование принудительных мер – охрана может применить силу только в случае, если нет другого способа предотвратить побег, нападение, причинение вреда самому себе или нанесение крупного материального ущерба. В таких ситуациях возможно использование наручников, перчаточного газа, предупредительного выстрела и т.д.;

3) дисциплинарное воздействие применяется, если нарушены правила исправительного центра, например: физическое нападение, пронос или распространение психотропных веществ, побег, неправильное использование полученных преимуществ, причинение крупного материального ущерба и т.д.¹⁴

В период после 1996 г. количество находящихся в словенском центре заключения несовершеннолетних оставалось практически неизменным – 25 чел. в год. Это позволило оценить уровень социального климата на основе статистических показателей по количеству чрезвычайных происшествий. Небольшое количество чрезвычайных ситуаций говорит о благоприятном социальном климате.

Виды и количество чрезвычайных ситуаций

Год	Одиночное заключение	Принудительные меры	Дисциплинарное воздействие	Побеги	Причинение вреда самому себе
1996	51	20	60	62	44
2000	23	13	33	3	6
2003	10	7	54	11	8
2006	7	3	40	1	3
2007	8	8	32	2	1
2008	9	9	29	4	1

Статистические данные показывают, что количество одиночных заключений, побегов из центра заключения и нанесений телесных повреждений значительно снизилось после 1996 г. Принудительные меры также использовались всего в нескольких случаях. Чтобы оценить количество мер дисциплинарного воздействия, необходимо принять во внимание изменения, которые закреплены в Акте о применении тюремных санкций, принятом в Словении в 2000 г. Они относят неправильное использование поощрения к дисциплинарным нарушениям, например возвращение из предоставленного отпуска в более позднее время. Подробный анализ дисциплинарных мер в период после 2000 г. показывает, что большее их количество налагалось именно по этой причине¹⁵.

Основной причиной уменьшения количества чрезвычайных происшествий стало изменение программы реабилитации и постоянного состава педагогического коллектива. Оба эти фактора способствовали разработке различных специальных программ и методик, например: по лечению алкогольной и наркотической зависимости, контро-

лю гнева и агрессии, особой программы для совершивших сексуальное насилие, методики по развитию положительной самооценки и т.д. Указанные направления деятельности сочетались со спортом, музыкой, искусством, журналистикой, что усиливало социальную интеграцию. Снижение числа чрезвычайных происшествий свидетельствует о хорошем социальном климате в центре заключения и является залогом успешной работы с подростками.

На наш взгляд, система воспитательных мер и подход к практике лишения свободы несовершеннолетних в Словении и Швейцарии показывают, что данные страны придерживаются рекомендаций, предусмотренных в международных документах в отношении тюремного заключения несовершеннолетних правонарушителей. Разработанные программы в исправительных учреждениях обеих стран позволяют изучить личность подростка или молодого человека, совершившего преступление, и предлагают пути, максимально способствующие его воспитанию, профессиональной подготовке и социальной реабилитации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) от 29.11.1985 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml

² Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, 1990 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_liberty.shtml

³ См.: Allen R. Custodial Establishment for Juveniles in Europe // *Reforming Juvenile Justice*. 2009. P. 205–214 [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=n0_m-sSRAmgC&pg=PA205&lpg=PA205&dq=Allen,+R.+Custodial+Establishment+for+Juveniles+in+Europe

⁴ См.: Šugman K. Slovenia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecba.org/extdocserv/projects/JusticeForum/Slovenia180309.pdf>

⁵ См.: Краснов Ю.А. Зарубежный опыт исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних // *Ведомости УИС*. 2011. № 7. С. 14–15.

⁶ См.: Katja Filipčič, Danijela Prelic. Deprivation of Liberty of Juvenile Offenders in Slovenia // *The Prison Journal* December. 2011. № 91. P. 448–466.

⁷ См.: Reto Walther. Das neue Jugendstrafgesetz – ein Überblick [Электронный ресурс]. URL: http://www.bger.ch/tflaa_2010_24.pdf

⁸ См.: Katja Filipčič, Danijela Prelic. Deprivation of Liberty of Juvenile Offenders in Slovenia. С. 448–466.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ Долгова С.В., Иванова И.А. Сравнительный анализ мер воздействия в отношении несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом // *Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта*. 2012. № 9. С. 128–137 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-mer-vozdeystviya-v-otnoshenii-nesovershennoletnih-nahodyaschihsya-v-konflikte-s-zakonom#ixzz48WdrarPj>

¹¹ Дружининская О.В., Коски М. Организация тюрем Финляндии после реформ 2006 года // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. 2015. № 3 (31). С. 91.

¹² См.: Katja Filipčič, Danijela Prelic. Deprivation of Liberty of Juvenile Offenders in Slovenia. P. 448–466.

¹³ См.: Долгова С.В., Иванова И.А. Сравнительный анализ мер воздействия в отношении несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом. С. 128.

¹⁴ См.: Katja Filipčič, Danijela Prelic. Deprivation of Liberty of Juvenile Offenders in Slovenia. P. 448–466.

¹⁵ См.: Там же.

¹ Sm.: Minimal'nye standartnye pravila OON, kasajushhiesja otpravljenija pravosudija v otnoshenii nesovershennoletnih (Pekinskie pravila) ot 29.11.1985 g. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml

² Pravila OON, kasajushhiesja zashhity nesovershennoletnih, lishennyh svobody, 1990 g. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_liberty.shtml

³ Sm.: Allen R. Custodial Establishment for Juveniles in Europe // *Reforming Juvenile Justice*. 2009. P. 205–214 [Jelektronnyj resurs]. URL: https://books.google.ru/books?id=n0_m-sSRAmgC&pg=PA205&lpg=PA205&dq=Allen,+R.+Custodial+Establishment+for+Juveniles+in+Europe

⁴ Sm.: Šugman K. Slovenia [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.ecba.org/extdocserv/projects/JusticeForum/Slovenia180309.pdf>

⁵ Sm.: Krasnov Ju.A. Zarubezhnyj opyt ispolnenija nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii nesovershennoletnih // *Vedomosti UIS*. 2011. № 7. S. 14–15.

⁶ Sm.: Katja Filipčič, Danijela Prelic. Deprivation of Liberty of Juvenile Offenders in Slovenia // *The Prison Journal* December. 2011. № 91. R. 448–466.

⁷ Sm.: Reto Walther. Das neue Jugendstrafgesetz – ein Überblick [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.bger.ch/tflaa_2010_24.pdf

⁸ Sm.: Katja Filipčič, Danijela Prelic. Deprivation of Liberty of Juvenile Offenders in Slovenia. S. 448–466.

⁹ Sm.: Tam zhe.

¹⁰ Dolgova S.V., Ivanova I.A. Sravnitel'nyj analiz mer vozdeystvija v otnoshenii nesovershennoletnih, nahodjashhihsja v konflikte s zakonom // *Vestnik Baltijskogo federal'nogo un-ta im. I. Kanta*. 2012. № 9. S. 128–137 [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-mer-vozdeystviya-v-otnoshenii-nesovershennoletnih-nahodyaschihsya-v-konflikte-s-zakonom#ixzz48WdrarPj>

¹¹ Druzhininskaja O.V., Koski M. Organizacija tjurem Finljandii posle reform 2006 goda // *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 2015. № 3 (31). S. 91.

¹² Sm.: Katja Filip i , Danijela Prelic. Deprivation of Liberty of Juvenile Offenders in Slovenia. R. 448–466.

¹³ Sm.: Dolgova S.V., Ivanova I.A. Sravnitel'nyj analiz mer vozdeystvija v otnoshenii nesovershennoletnih, nahodjashhihsja v konflikte s zakonom. S. 128.

¹⁴ Sm.: Katja Filipčič, Danijela Prelic. Deprivation of Liberty of Juvenile Offenders in Slovenia. R. 448–466.

¹⁵ Sm.: Tam zhe.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 612.017.2:159.99:343.8

Природа и сущность патологической адаптации осужденных

С.В. БАБУРИН – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

В статье рассматривается природа и сущность пенитенциарного стресса и адаптации осужденных к условиям отбывания наказания, особенности стрессовых ситуаций осужденных. Отмечается необходимость учета многоплановости социальной адаптации осужденных к влиянию разноплановых и системных пенитенциарных стрессоров, изучения и учета нейроэндокринных и других механизмов на основе комплексных междисциплинарных исследований, раскрывающих психологические, социально-психологические, нейроэндокринные, клеточные и молекулярные механизмы как стрессовой адаптации, так и микстов с ЛР в формах пенитенциарной дезадаптации.

Ключевые слова: пенитенциарный стресс; адаптация; патологическая адаптация; личностные расстройства – психопатии; дезадаптация; микст.

The nature and essence of pathological adaptation of convicts

S.V. BABURIN – Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

The article examines the nature and essence of penal stress and adaptation of convicts to the conditions of serving the sentence, especially stressful situations convicted. It notes the necessity to take into account diverse social adaptation of convicts to the influence of diverse and systemic prison stressors, study and consideration of neuroendocrine and other mechanisms on the basis of complex interdisciplinary research, revealing the psychological, socio-psychological, neuroendocrine, cellular and molecular mechanisms like stress adaptation, and mixed doubles with personal disorders (PD) in the forms of prison desadaptation.

Key words: penal stress; adaptation; pathological adaptation; personality disorders – psychopathology; desadaptation; mixed.

Изучение пенитенциарного стресса и адаптации невозможно вне анализа общего состояния культуры общества на современном этапе развития социальных институтов. Выявляемый у разных страт населения Российской Федерации психологический стресс и его широкое проникновение в социальное сознание во многом объясняются духовным кризисом. Все большую актуаль-

ность при этом приобретает и проблема социогенных расстройств поведения, вызываемых культурными трансформациями, связанными с интенсивным искоренением духовно-нравственной составляющей из жизни народа¹. Коллизии мировой культуры указывают, что психическое здоровье населения многих стран испытало на себе негативное воздействие (ятрогению) в виде

чрезмерного расширения практики психоанализа и других форм массовой психологической травматизации. Однако излишняя популяризация социологами и психологами проблемы стресса, осмысление и принятие его человеком (обществом) служит дополнительным фактором его индукции².

Оценка духовно-нравственной сферы осужденных, детерминированной общим антропогенным кризисом культуры, наряду с данными о психогенном влиянии стрессоров пенитенциарной среды на их внутренний мир дает право говорить о возможности причисления пенитенциарного стресса в широком смысле к явлениям социально-психологической природы, то есть к негативному варианту популяционного психического (психологического) стресса. Существующие в литературе определения пенитенциарного стресса внутренне противоречивы и не исчерпывают сущности данного многогранного феномена. В изучении негативной природы этого явления все чаще используется синтез транзактного и культурологического подходов. Кроме того, постижение природы пенитенциарного стресса идет в русле исследований совладающего поведения и жизнестойкости с позиций экстремальной, экзистенциальной и антропологической методологии на базе постнеклассической психологии. Используемая реактивная (биологическая) и регулятивная (психологическая) парадигмы стресса сегодня обогащаются положениями полипарадигмального и междисциплинарного подходов, позволяющих рассматривать пенитенциарный стресс в качестве нарушения функции высших психических процессов и состояний сознания человека³. Культурологический и трансличностный подходы отражают новый этап в изучении психологии пенитенциарного стресса на основе гуманитарных взглядов на природу человека и сущность его внутреннего мира. Культурологический подход, определяющий значимость накопленного культурного опыта в преодолении экстремальности⁴, дополняется в трансличностном подходе духовной парадигмой стресса, определяющей духовность не только в качестве главного стресс-лимитирующего фактора, но и в качестве интегрального системообразующего начала (фактора) в процессах становления человека личностью⁵. Синтез духовной парадигмы стресса и адаптации с метатеорией сознания открывает перспективы изучения пенитенциарного стресса и адаптации в качестве психологических состояний, отра-

жающих формы организации субъективной реальности осужденных с позиций анализа их духовности.

Одной из особенностей стрессовых ситуаций, в которые попадает осужденный, является их многократное повторение – попадание в СИЗО, карантин, нахождение в исправительном учреждении (ИУ) и т.д. Осужденному приходится неоднократно испытывать «новый» стресс и повторно адаптироваться к действию самых различных факторов: требованиям режима отбывания наказания и всей совокупности средовых стрессоров. При этом имеет место «наслоение» и взаимное перекрытие стрессовых стадий – тревоги и резистентности, то есть действие нового (повторного) стрессора попадает на различные периоды стадии (временные интервалы) резистентности. Излишнее напряжение, возникающее на этой основе, согласно теории стресса Г. Селье, запускает развитие третьей стадии стресса (истощения), которая отражает нарушение регуляции защитно-приспособительных механизмов борьбы организма и снижение его резервных возможностей. Считается, что истощение ресурсов адаптации у осужденных сопровождается возникновением стрессовых расстройств и повреждений, лежащих в основе различных форм психической дезадаптации (болезней адаптации, пограничных психических расстройств, психосоматических заболеваний и т.д.).

Обычно динамика совладания с пенитенциарным стрессом и приспособления осужденных к ИУ описывается в виде прохождения сменяющих друг друга определенных этапов адаптации: стартового психического напряжения, острых психических реакций, переадаптации, завершающего психического напряжения, острых психических реакций выхода и психологической реадaptации. Отражающие динамику этих этапов стадии социально-психологических преобразований (в форме социальной адаптации) осужденных имеют кардинальное сходство с классической картиной смены стадий развития стресса в виде общего адаптационного синдрома (ОАС)⁶. При этом прослеживается закономерность и в динамике формирования тех или иных форм социально-психологической и психической дезадаптации. Так, нарушения процесса адаптации на начальной стадии (фазе уподобления окружающим) проявляются в повышенной конформности и зависимости от осужденных. На стадии индивидуализации при конфронтации с окружающими и отсутствии

взаимопонимания в среде осужденных дезадаптация проявляется в виде агрессивности, подозрительности, негативизма. А на стадии интеграции при неудачных попытках вхождения в сообщество осужденных наступает дизинтеграция и, как следствие, изоляция либо вытеснение из общности⁷. Иначе говоря, процесс так называемой адаптации осужденных к ИУ представляет цепь повторяющихся эмоционально-стрессовых событий, выход из которых (адаптация) может иметь повреждение – дезадаптацию. То есть под собственно адаптацией осужденных к условиям неволи с этой позиции следует понимать цепь приспособительных реакций (процессов, состояний) к многократно повторяющимся острым стрессовым событиям, обозначаемым в стрессологии в виде прерывистого стресса. Учитывая непрекращающееся действие основного стрессора – социальной депривации – и ряда других раздражителей (агрессивной среды и т.д.), адаптация одновременно может рассматриваться и в качестве одной из стадий хронического стресса. Это хорошо согласуется с социально-психологическими исследованиями адаптации осужденных, в которых показано, что в наиболее яркой форме стрессовая природа адаптации прослеживается на «входе» осужденного в ИУ и «выходе» из него. Так, фаза начальной адаптации – это стресс, связанный с необходимостью адаптации осужденного к ИУ, а социально-психологическая реадаптация – это стресс подготовки к жизни на свободе⁸.

Многочисленные исследования подтверждают это положение и указывают на необходимость учета многоплановости социальной адаптации осужденных к влиянию разноплановых и системных пенитенциарных стрессоров. Это и адаптация к условиям ИУ и требованиям режима, и адаптация к самому миру преступников, их субкультуре, правилам, нормам и кодексу жизни. Вынужденная повторность адаптационных перестроек у осужденных приводит к ломке вырабатываемых форм адаптации и стереотипов, сопровождаясь перенапряжением механизмов адаптации и истощением адаптационных ресурсов. Перестройка функционирования регуляторных и исполнительных систем, отражающих механизмы адаптации осужденных к ИУ, в пенитенциарной практике представлена (отражается) преимущественно на уровне изменения поведения. Известно, что в стрессовых ситуациях возникают нарушения наиболее сложных форм социально детерминированного

и вместе с тем адаптивного поведения человека. В отличие от успешной краткосрочной адаптации, не изменяющей адаптивное поведение, долгосрочная устойчивость (стойкая адаптация) к условиям ИУ, индуцирующим длительное нервно-психическое напряжение, отражает качественно иное состояние психики и поведения осужденных по сравнению с исходным. В связи с этим смена средовых условий с перспективой возврата к нормальным условиям жизни и деятельности неизбежно нуждается в соответствующей реадаптации, как психологической, так и социально-психологической. Показано, что процесс адаптации осужденного, связанный с преодолением многочисленных ситуационных факторов ИУ, представляет лишь часть более сложного взаимозависимого процесса – системогенеза в виде неразрывной системы «стресс-адаптация-реадаптация» личности, имеющей конечной целью ресоциализацию⁹. Системообразующими факторами структуры данной системы, осуществляющими ее функционирование, являются интегральные психологические качества осужденного: состояние духовного развития, наличие жизненных планов, степень осмысленности собственной жизни и умение извлекать уроки из прошлого опыта. К ее системообразующим признакам относятся: активность личности, ресурсы совладания, умение сотрудничать и взаимодействовать с другими, ориентация на развитие и социально полезный труд. При этом центральное место в динамике процесса преодоления стресса, адаптации-реадаптации и ресоциализации отводится саморазвитию субъекта, формированию способности управлять собой в критические моменты жизни, брать ответственность за себя, критически оценивать свой негативный опыт и т.д.¹⁰

Известно, что развитие психической и психофизиологической адаптации к неволе во многом обусловлено конституционально-типологическими особенностями личности осужденного, определяющими различия индивидуальной реактивности и устойчивости организма. Так, у разных осужденных один и тот же стрессовый фактор может вызывать различные проявления и последствия. Значимость личностно-типологических характеристик осужденных отражается не только в своеобразии течения психофизиологических процессов адаптации, но и в особенностях патологической предрасположенности (почвы) к нарушению той или иной функциональной (исполнительной) системы. Как

видно из этого, понимание процесса стрессовой адаптации требует более глубокого анализа его психологической природы. Принято считать, что примерно у 25% осужденных, приговоренных к отбыванию наказания в ИУ, формируется определенный вариант адаптационной «системы», имеющий положительную направленность, что позволяет ему участвовать в последующей реадaptации. В подавляющем большинстве случаев формирование подобной адаптации, отвечающей своему главному критерию – истинному развитию внутреннего мира и ресоциализации, с психологической точки зрения у осужденных крайне затруднено и требует огромных психических усилий. Осужденный в данной ситуации всегда становится перед выбором принятия ценностей тюремной субкультуры, регламентируемых сообществом осужденных, или исправления и сотрудничества с администрацией ИУ. Реальная дилемма выбора того или иного пути социальной адаптации становится основой дополнительного «стресса выбора», развитие которого часто приводит к так называемому «адаптивному кризису»¹¹. Опасность данного кризиса заключается в том, что, активизируя деструктивные начала личности, он мотивирует суицидальное поведение и другие процессы дезадаптивного характера. Подобные формы дезадаптивных процессов характерны для описываемых в науке стагнирующих и деградирующих сред¹². Признаками дезадаптированности личности осужденных при этом являются: отсутствие критериев развития и противодействия негативной обстановке; интегрированность осужденного в среду и ее структуру; удовлетворенность субъекта своим социальным положением в этой среде и т.д. Это согласуется в целом с теоретическим положением теории функциональных систем (ТФС) о дестабилизации данной системы и отсутствии положительного результата действия, то есть формирования позитивной адаптации. Даже при демонстрации осужденным удачной адаптации и внешней поведенческой картине приспособления его к среде в подавляющем большинстве случаев речь идет о квазиадаптации – мнимой, ненастоящей адаптации¹³. В этих случаях имеет место имитация адаптации в виде одного из двух ее деструктивных типов – дезадаптации и квазиадаптации, которые не ведут к достижению адаптивной цели.

Явная противоестественность, возникающая при попадании и нахождении человека в ИУ, ставит перед исследователями множе-

ство вопросов относительно реальной возможности адаптации психически нормального человека к условиям неволи. Данный контекст качественного анализа проблемы психической адаптации осужденных к условиям неволи связан с понятиями «граница» социально-психической нормы с девиациями и «цена» адаптации. Согласно известному положению А. Маслоу, для самоактуализирующейся личности фрустрационные воздействия (вызывающие стрессовые состояния в психофизиологически допустимых пределах) являются мобилизующими факторами. Например, противостояние осужденного агрессивной и враждебной среде сокамерников и его отчужденность можно считать показателем сохранности духовного здоровья (стойкости, мужества) и наличия способности активного противостояния деструктивным факторам. Описывать психологический стресс, то есть «адаптацию» такого человека к ИУ, в рамках симптоматики психических нарушений будет патологизацией нормы. Стрессовая реакция противодействия в данном случае представляет активную форму положительной адаптации (сопротивления) к негативной социальной среде. Приспособление большей части осужденных к ИУ с доминирующей в нем тюремной субкультурой неизбежно включает элиминацию ряда важнейших компонентов психологического (духовно-нравственного) здоровья. Иначе говоря, психическая адаптация к пенитенциарному стрессу (условиям ИУ) имеет высокую цену и достигается во многих случаях утратой духовного и психического здоровья.

Исследования процесса стрессовой адаптации в пенитенциарной практике, к сожалению, преимущественно ограничиваются изучением его психологических проявлений. Это не только значительно сужает понимание сущности феномена адаптации, но и представляет значительную санитарно-гигиеническую проблему для осужденных, поскольку генез системы «стресс-адаптация-реадаптация» в большинстве случаев носит дистрессовый характер, что представляет серьезную угрозу для здоровья и жизни. Знание и учет нейроэндокринных и других механизмов стрессовой адаптации является необходимым условием (компетентностью) в деятельности пенитенциарного психолога. Существующий подход к описанию адаптации в виде внешних форм поведения осужденных, изучаемых вне стрессового контекста развития, лишает феномен

адаптации его важного содержания. Отход пенитенциарной психологии в этой сфере от естественно-научной платформы и углубленного анализа внутреннего мира осужденных приводит к явному упрощению понимания и причин дестабилизации системы «стресс-адаптация-реадаптация». Выводы ряда исследователей об особенностях адаптации осужденных находятся часто в линейной и «поверхностной» плоскости анализа. Сегодня проблема адаптации осужденных все активнее изучается в контексте ее стрессовой природы. Это предполагает обращение одновременно и к фундаментальным механизмам развития стресса и адаптации в виде изучения роли ресурсов организма в развитии ОАС, и к параметрам личностной устойчивости к стрессу, и к состоянию сознания (духовности).

Под положительной (истинной) адаптацией осужденного, точнее его ресоциализацией, следует понимать глубокую психологическую трансформацию личности, которая является результатом внутренней работы и требует больших психических затрат (энергии). Духовная трансформация личности осужденного должна проходить через множество этапов развития субъективной реальности, включая осознание своей жизни и неправомерности свершенного преступления, раскаяние и т.д. Путь развития духовного слоя сознания с позиций существующих теорий стресса и адаптации отражает совокупную перестройку и напряженную деятельность высших психических функций и всех регуляторных и исполнительных систем организма. Отражением же поэтапного расходования адаптационной энергии (ресурсов) у осужденных являются неспецифические изменения параметров гомеостатических процессов, выявляемые на психологическом, физиологическом и поведенческом уровнях. Подобная трансформация личности представляет главную цель всей пенитенциарной практики. Анализ внутренних и внешних проявлений успешной адаптации (ресоциализации) в смысле духовного развития (но не привыкания к условиям в ИУ) описывается в различных семантических категориях в зависимости от предмета исследования, научных школ и направлений. К весьма условным критериям успешности социальной адаптации осужденных в местах лишения свободы обычно относят уровень преступности в ИУ, их психологическое и соматическое состояние, уровень суицидальности, рецидива преступности и др.

В социологических работах позитивные социально-психологические изменения рассматриваются в качестве успешного прохождения ресоциализации и формирования правосознательного поведения осужденного. По логике когнитивно-бихевиоральных подходов, неправильное поведение («формула») типа $A \rightarrow C$ (где A – условия изоляции на основе установки (стереотипов, шаблона), вызывают C – неправильное поведение и аффекты, то есть стресс) должно замениться у осужденных правильным поведением типа $A \rightarrow B \rightarrow C$, включающим в себя когнитивную «задержку» – B . Ресоциализация (результат позитивной адаптации) осужденных, таким образом, отражает не столько приобретение адекватных форм поведения, сколько следствие активизации когнитивной деятельности (B) в виде постижения своих ошибок. Замена криминальных установок (стереотипов) мышления индивида, происходящая в процессе такого научения, требует усвоения новых «образцов» мышления и смены потребностей во внутреннем «пространстве субъекта». Если учесть, что сама установка (по Д.Н. Узнадзе) имеет уровень объективизации (то есть является специфическим достоянием человека как существа мыслящего, взаимодействующего с внешним миром и строящего основы культурной жизни), то можно не только обнаружить сходство установки с акцептором результата деятельности П.К. Анохина, но и понять ее устойчивый характер. Негативная природа криминальных установок, проявляющаяся в освобождении субъекта от необходимости принимать решение и произвольно контролировать свою деятельность, во многом определяет косность, ригидность и инертность мышления, как, собственно, и всей его деятельности, то есть поведения. Под адаптацией (преодолением пенитенциарного стресса) в этом случае в первую очередь следует понимать замену криминальных установок. Известно, что сами установки обнаруживаются только при изменении условий протекания деятельности, то есть при ее «прерывании». Поскольку жизнь осужденных в ИУ – уникальный вариант «прерывания» всей жизнедеятельности, то следствием позитивной психической адаптации с точки зрения бихевиорально-когнитивной психологии может считаться замена смысловых, целевых и операциональных установок осужденных.

В психоанализе, в частности по К.Г. Юнгу, минимизация стресса (адаптация) – это преодоление присущих осужденным ком-

плексов агрессии и страха на пути постижения смысла своего первообраза (архетипа) путем достижения гармонии между внутренним и внешним миром (а также экстра- и интроверсией) в поле коллективного бессознательного. По А. Адлеру, под адаптацией следует понимать снятие комплекса неполноценности и выход из «невроза» (как основы криминальности) на основе постижения, обретения и достижения здорового (адаптивного) пути развития личности осужденного. В постфрейдистской психодинамике положительная адаптация осужденных – это развитие (выравнивание) адекватной Я-структуры, становление самоидентификации «Я» и расхода (направленности) психической энергии. В терминах гуманистической психологии адаптация (совладание со стрессом) – это самораскрытие личностью осужденного собственных (главных) резервов, изначально заложенных в каждом человеке в силах добра, психического здоровья и в стремлении к самосовершенствованию. По К. Роджерсу, это самопринятие, развитие своей самости посредством высвобождения и реализации потенциальных возможностей своего истинного «Я». По А. Маслоу (особенно его поздним взглядам), это приобретение или нахождение в себе способностей и освоение способов для нахождения путей достижения самоактуализации, то есть реализации высших духовных потребностей.

С позиции наиболее близкой пенитенциарной цели экзистенциальной психологии адаптация – это освобождение от духовного вакуума путем нахождения смысла (и понимания) своего существования (самотрансценденции), приводящего осужденного через страдания к обретению веры и высоким жизненным целям (по В. Франклу). В терминах гештальтпсихологии это достижение целостности своего внутреннего мира – ядра-фигуры – и его полное разотождествление с криминальным «фоном». В понятиях трансперсональной психологии это расширение спектра сознания (по К. Уилберу), а согласно антропологической психологии это развитие субъективного мира на основе самоанализа, саморегуляции и саморазвития. С точки зрения философской, равно как и постнеклассической психологии (по В.П. Зинченко) адаптация осужденных должна представлять формирование духовного слоя развития сознания или, другими словами, Акт становления человека Человеком. В понимании православия позитивная психологическая адаптация

осужденных к неволе – это начало пути к приобретению истинной духовности (благодати, стяжанию даров Святого Духа) через обретение веры, надежды и любви (Агапе) в процессе покаяния и молитвы. И это невозможно без борьбы с собой – со своими страстями, осознания преступления, своей греховности (промахов) и пороков. Подобным проявлениям и формам адаптации (то есть позитивным психическим изменениям) и поиску (и анализу) ее критериев посвящено огромное число исследований, в которых имели место неоднократные попытки выделения специфических психологических, психолого-физиологических, патопсихологических и психолого-педагогических новообразований, возникающих у осужденных в условиях неволи. Малая успешность нахождения специфических проявлений (маркеров) пенитенциарного стресса, равно как и процессов адаптации к нему, объясняется рядом причин, главными из которых, как уже указывалось, являются: неспецифический характер стрессовых состояний в целом, и в первую очередь нерешенность проблемы идентификации параметров психологического стресса; некаузальная природа психики человека и непредсказуемость его поведения в экстремальных состояниях (особенно осужденных в ИУ).

Таким образом, состояние истинной адаптации осужденных требует обеспечения (ресурсов) для многоуровневой организации (развития) психической сферы и духовного мира, открывающей возможности не только для приспособления, но и для активного преобразования своей субъективной реальности. Лишенная этого адаптация осужденных к ИУ представляет стагнацию и дальнейший распад (деградацию) структуры личности. Следовательно, если деятельность системы «стресс-адаптация-реадаптация» не направлена на развитие высших психических функций в виде самопознания, самоосознания, творчества и обретения духовности, то неизбежно разрушение, то есть формирование психической дезадаптации. В таких условиях длительно существующий пенитенциарный стресс при явной недостаточности резервных возможностей осужденных сопровождается истощением глубинных адаптационных ресурсов индивида и, как следствие, нарушением механизмов и процессов психической адаптации на психическом и соматическом уровнях. Срыв приспособительных (адаптационных) механизмов осужденных означает переход в фазу патологической адаптации

или формирование качественно новых состояний – процессов психической дезадаптации. Они соответствуют третьей стадии стресса (четвертому уровню) и детерминируют запуск и развитие психической и психосоматической патологии, которые в свою очередь рассматриваются в виде различных частных форм психических расстройств и заболеваний.

Установлено, что под влиянием хронического нервно-психического напряжения у осужденных уже в начальный период нахождения в ИУ адаптационные процессы могут переходить в форму различных дезадаптивных реакций, то есть сменяться патологической адаптацией. К ним на психическом уровне относятся: отказ от сознательного контроля своего состояния; охваченность (чрезмерная вовлеченность) своими переживаниями и эмоциональным реагированием; интенсивные переживания чувств тревоги и страха; оторванность от реальности, когда осужденный перестает отличать свои представления от действительности и погружается в мечты и фантазии, и т.д. Постоянное давление со стороны внешней среды ИУ в виде различных санкций, которые подавляют, ущемляют, предъявляют особые требования, во многом является дополнительным источником конфликта и ставит под удар адаптационный потенциал осужденного. Механизмы стрессовой адаптации осужденных можно представить в виде весов, на одной чаше которых лежат процессы обдумывания, совладания, а на другой – переживаемые состояния. Осужденный «держит» психологическую устойчивость (резистентность, адаптацию) до тех пор, пока происходит внутренняя переработка ситуации. Но если в конечном итоге механизмы совладания не справляются, возникает патологическая адаптация (психопатология). В психике при этом происходят изменения качественного характера. Следовательно, санкции со стороны администрации ИУ и среды (сообщества осужденных) и/или внутренние психологические конфликты вызывают состояние дистресса в виде нейрохимических, нейрофизиологических и других изменений, запускающих механизмы психопатологии – депрессию и т.д. Этот процесс может характеризоваться не плавным течением, а изменениями переломного характера (скачками).

Для описания негативных преобразований системы «стресс-адаптация-реадаптация» в отношении осужденных в начальный период формирования дезадап-

тивных состояний вместо понятия «адаптация» целесообразнее использовать понятие «компенсация». Оно лучше позволяет оценивать инициальные проявления дезадаптации и степень совладания с имеющимися нарушениями. Переход выработки положительного отношения к стрессовым ситуациям, определяемого в качестве адаптации, в состояния дистресса в большей мере отвечает критериям компенсации, которая характеризуется замещением утраченной психической функции. Компенсация в этом случае означает использование той или иной способности, более приемлемой для данного состояния субъекта и замещающей утраченную функцию. Границей, отделяющей переход от адаптивных состояний осужденного к дистрессовым, являются «крайние» (дополнительные) или длительно протекающие стрессогенные события. В этих условиях психологические (в том числе и духовные), социально-психологические и психофизиологические механизмы устойчивости осужденного под воздействием факторов ИУ, исчерпав резервные возможности (ресурсы), не могут обеспечивать адекватное отражение ситуации и совладание со стрессом. Такими событиями в виде «последней капли» могут быть даже самые незначительные по силе стрессоры: замечание, неприятное воспоминание и т.д. На фоне истощающего воздействия условий нахождения в неволе подобные дополнительные стрессоры становятся факторами срыва адаптации. В цепи переходных состояний «стресс → адаптация → компенсация → декомпенсация» последним звеном между стрессом и патологией осужденных является психическая дезадаптация, ассоциируемая с дистрессом и пограничными психическими состояниями. Ее основой служит дезинтеграция сознания, которая существенно снижает функциональный уровень жизнедеятельности и регуляторную способность индивида адекватно отражать окружающую действительность и целенаправленно воздействовать на нее. Различная степень дезинтеграции сознания в той или иной степени влияет на все психические процессы – восприятие и перцептивные ощущения, мышление, эмоции, память и др. Следовательно, участвуя в запуске и развитии (генезе) системы «адаптация-реадаптация», пенитенциарный стресс проявляется в серии повторяющихся эмоционально-стрессовых событий, ожидаемый выход из которых в формате адаптации и ресоциализации в большинстве случаев сменяет-

ся состояниями дезадаптации. И если под стрессовой адаптацией осужденных можно понимать феномен многократного приспособления к повторяющимся стрессовым событиям и/или одну из стадий хронического стресса, то уже само ее определение позволяет наделять подобную форму адаптации чертами, присущими тем или иным состояниям психической дезадаптации.

При анализе психолого-психиатрической картины состояний стрессовой адаптации и динамики развития психической дезадаптации пенитенциарные исследователи (психологи, социологи, медики, педагоги и др.) помимо трудностей диагностики проявлений собственно пенитенциарного стресса и его дифференциации от клиники сопутствующей (исходной) психопатологии попадают и в другие профессиональные «ловушки» каузальности. Они связаны как с профессиональным ракурсом изучения проблемы, так и с эффектами (характером и временной природой) взаимодействия с осужденными. К очевидным и лежащим на поверхности ошибкам профессиональной диагностики относятся «психологизация», «социализация», «медиализация» («биологизация» и т.д.) сущности и проявлений пенитенциарного стресса. Они возникают в зависимости от привязанности анализирующего к тем или иным аспектам изучения.

Так, психологи обычно «нагружают» осужденного, пребывающего в условиях хронического стресса, естественными для психически здоровых людей переживаниями на основе известного механизма проекции по типу интрапсихической «переработки» стрессовых факторов. «Примеряя» к себе действие таких стрессоров, как совершение преступления, арест, следствие, нахождение в СИЗО и ИУ, исследователи пытаются «объективизировать» собственные субъективные переживания на внутренний мир осужденных. Это отмечается во всех без исключения работах, указывающих на остроту переживания стресса осужденными, обусловленного значительным психическим напряжением и грузом эмоциональных переживаний. Классики и большинство современных пенитенциарных психологов указывают также на эмоциогенный эффект стрессоров, связанных с совершением преступления, страхом разоблачения, муками совести, ожиданием ареста, заключением под стражу, пребыванием в следственном изоляторе, судом, знакомством с тюремным бытом, а также с условиями содержания. В качестве наиболее тяжелых психических со-

стояний, как указывают психологи, выступает чувство личной незащищенности, одиночество, тревожность и т.д. Многие авторы обычно указывают, что психическое состояние находящегося в ИУ можно отождествить с переживанием мощного стресса, вызывающего сдвиги нормальных психологических и физиологических процессов. Действительно, психологическая, эмоциональная составляющая при тюремном стрессе для многих подозреваемых, подсудимых и осужденных является столь значительной, что лишает их смысла жизни и приводит к суициду. И это не вызывает сомнений, поскольку трудно отрицать картину явно негативных психических состояний осужденных и не связать их с влиянием тяжелых психотравмирующих факторов неволи. И пенитенциарный стресс с его полиморфным проявлением негативных психических состояний реально существует. Наиболее тяжело, по мнению психологов, осужденными переносится неотступное чувство личной незащищенности, одиночество и тревожность. Однако имеющиеся в этой области данные клинической психологии и пенитенциарной медицины, в первую очередь пенитенциарной психиатрии, ставят под сомнение успешность использования таких понятий, как «нормальные» психологические и физиологические процессы.

Медики – представители академической психиатрии¹⁴, напротив, больше акцентируют внимание на наличии широкого спектра явной психолого-психиатрической патологии и снижении уровня психического здоровья осужденных. Они также часто связывают выявляемые нарушения психического состояния осужденных с действием пенитенциарных стрессоров. Странники антропологической медицины относят психопатологические проявления стрессовой адаптации и другие формы аномального поведения осужденных к врожденным морфофункциональным девиациям, существующим на самых различных уровнях – психологическом (тип мышления личности), психическом, антропологическом и морфологическом (соматическом). Социальные работники и социологи в большей мере ассоциируют смешанную (многоликую) симптоматику стресса и адаптации с ситуационно-средовыми реакциями на тяжелые жизненные ситуации и т.д. Педагоги связывают блок тех или иных нарушений адаптации и личностных отклонений у осужденных с воспитательно-педагогической запущенностью (дефицитарностью). Культурологи

(в том числе и футурологи), рассматривая стрессовую дезадаптацию, отражающую проявления популяционного стресса, и различные формы патологии поведения, все чаще прибегают к поиску коррелятов с печально известной моделью человека-каннибала и возвратом к палеоантропному уровню психического мира, не знающего (в нашем случае не принимающего) социальных запретов¹⁵.

Особенности каждого из перечисленных подходов к оценке стрессового разнообразия проявлений адаптация/дезадаптация, с одной стороны, расширяют представление об их общей картине, а с другой – приводят к подмене (маскируют, затушевывают) собственно стрессовых повреждений исходной психопатологической симптоматикой и, напротив, проявления стресса позволяют принимать (диагностировать) в качестве симптомов психических расстройств. К усугубляющим психотравматизацию личности механизмам, усиливающим действие пенитенциарного стресса, относят также группу объективных и субъективных факторов в виде нарастания негативного содержания внутриличностных и межличностных конфликтов. Под ними сегодня признают не только социальную депривацию, но и другие внешние стрессоры, в первую очередь связанные с криминальной загруженностью внутреннего мира осужденных. К ним наряду с асоциальными ценностными ориентациями, деформированной системой отношений, неадекватными механизмами психологической защиты, ресурсов и стратегий копинг-поведения относят и утрату истинной духовности вследствие блокады процесса сапиентации и духовно-нравственного развития¹⁶.

Важнейшей отличительной особенностью стрессовых, адаптивных и дезадаптивных состояний осужденных от других форм протекания психологического стресса следует признать его облигатное сочетание с исходной психопатологией и возникающими в процессе наказания в виде лишения свободы «новыми» психическими расстройствами. К ним большинство авторов традиционно относили самые различные формы и констелляции неспецифической симптоматики, относящейся к психогенным психическим нарушениям пограничного уровня. Они обычно описываются в виде невротических реакций и неврозов, реактивных психогенных состояний, патологического развития личности и личностных расстройств – психопатий (ЛР), широкого круга неврозо-

психопатоподобных проявлений при соматических, неврологических и других заболеваниях, разнообразных форм соматоформных (психосоматических) заболеваний и расстройств и т.д. В последние годы наряду с увеличением удельного веса психических расстройств и наркоманий у осужденных значительно повысился уровень других социально значимых заболеваний, с которыми они попадают в места лишения свободы. Увеличение доли правонарушителей, имеющих различные виды психических отклонений, и в первую очередь ЛР, в значительной мере нивелирует оценку и диагностику собственно психологических проявлений пенитенциарного стресса и адаптации, равно как и создает трудности в вопросах его превенции и терапии. Такие осужденные характеризуются склонностью к систематическим нарушениям режима вплоть до полной дезорганизации обстановки. В целом это усложняет деятельность ИУ и является причиной напряженных и опасных ситуаций.

Все это позволяет заключить, что наряду с развитием стрессовых дезадаптозов при длительном переживании осужденными неблагоприятных условий ИУ нарастает степень взаимодействия стрессовых состояний с имеющимися у них формами ЛР. В современном психодинамическом направлении ЛР практически заполняют всю «нишу» пограничной психиатрии, оставляя все меньше места неврозам, невротическим и другим психогенным расстройствам, что согласуется с результатами наших исследований и всей пенитенциарной практикой. Смешение (ассоциация) стрессовых состояний с симптоматикой ЛР приводит к усилению психических проявлений стресса и в большей мере к декомпенсации ЛР. Иначе говоря, взаимодействие стресса с ЛР индуцирует дальнейшее нарастание их негативной симптоматики и разрушение личности осужденного. Подобная ассоциация стрессовой и ЛР-симптоматики у осужденных может быть обозначена в качестве микста (смешения). Формирование микста является дополнительным фактором напряжения механизмов стрессовой адаптации и в зависимости от многих переменных неизменно сопровождается развитием третьей (финальной) стадии стресса – истощения, то есть патологической адаптации (дезадаптации). В ее возникновении принимают участие следующие особенности и факторы стрессовых воздействий ИУ: хронизация стрессовых состояний осужденных; значительная вовлеченность негативных эмоций;

многократное усиление (обновление, повторение) стрессоров (СИЗО, карантин, ИУ и другие обстановочные стрессоры ИУ); синтез (ассоциация) индуцируемых стрессом психических нарушений с исходной психопатологией (ЛР) в виде микста. Следовательно, срыв механизмов саморегуляции во многом сопряжен со снижением резервных возможностей индивида под влиянием перечисленных стрессовых факторов неволи. Преодоление стресса в результате становится невозможным и происходит формирование той или иной степени выраженности состояний психической дезадаптации. Их проявления обозначаются в виде тяжелых

расстройств эмоциональной сферы – НЭС, декомпенсации различных форм ЛР и других пограничных психических нарушений, широко представленных в литературе.

Указанные нарушения у осужденных системогенеза триады неразрывно связанных феноменов «стресс-адаптация-реадаптация» следует анализировать на основе комплексных междисциплинарных исследований, раскрывающих психологические, социально-психологические, нейроэндокринные, клеточные и молекулярные механизмы как стрессовой адаптации, так и их микстов с ЛР в формах пенитенциарной дезадаптации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подр.: Бабурин С.В. Актуальные проблемы духовно-нравственного состояния современного общества // Духовно-нравственное и патриотическое воспитание молодежи в современных условиях: Сб. материалов межведомств. регион. науч.-просветит. конф. (Вологда, 9 декабря 2013 года). Вологда, 2014. С. 3–8.

² См.: Брайт Д., Джонс Ф. Стресс. Теории, исследования, мифы. СПб., 2003; Васильчук Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003; Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии: Учеб. пособие. Вологда, 2014; Они же. Постнеклассический подход в науке к проблемам стресса и адаптации в исправительных учреждениях // Уголовная и уголовно-исполнительная политика в России и за рубежом: состояние, тенденции и проблемы совершенствования: Сб. материалов международ. науч.-практ. конф. (г. Вологда, 28–29 ноября 2013 г.). Вологда, 2013. С. 297–304; Быстрова Т.В. Жизнестойкость как социально-психологический феномен: генезис, перспективы // Российский научный журнал. 2015. № 2 (45). С. 241–249; Баламут А.Н., Чудова А.Х. К вопросу об изучении психологических защит осужденных мужчин, признанных злостными нарушителями режима отбывания наказания // Юридическая психология. 2010. № 4. С. 33–35.

³ См. подр.: Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии. С. 37–68.

⁴ См. об этом: Бохан Т.Г. Стресс и стрессоустойчивость: опыт культурно-исторического исследования. Томск, 2008; Он же. Проблема стресса в психологии: трансспективный анализ. Томск, 2008; Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности. М., 2008.

⁵ См. подр.: Бабурин С.В. Проблемы стресса и адаптации в пенитенциарной психологии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1 (25). С. 46–50; Бабурин С.В., Оботурова Н.С., Чирков А.М. Методологические подходы к проблеме стресса у сотрудников исправительных учреждений и осужденных // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 110.

⁶ См. подр.: Бабурин С.В. Психолого-педагогические условия адаптации и дезадаптации заключенных: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1999; Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии. С. 171–238.

⁷ См. подр.: Бабурин С.В. Психолого-педагогические условия адаптации и дезадаптации заключенных. С. 87–102.

⁸ См. подр.: Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии. С. 473–519.

⁹ См. подр.: Бабурин С.В. Психолого-педагогические условия адаптации и дезадаптации заключенных. С. 103–114.

¹⁰ См. подр.: Там же. С. 115–129.

¹¹ См.: Васильченко О.В. Социальная адаптация заключенных в местах лишения свободы: Дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2008. С. 122–143.

¹² См.: Корель Л.В. Социология адаптации: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005. С. 95.

¹ См. подр.: Baburin S.V. Aktual'nye problemy duhovno-nravstvennogo sostojanija sovremennogo obshhestva // Duhovno-nravstvennoe i patrioticheskoe vospitanie molodezhi v sovremennyh uslovijah: Sb. materialov mezhdv. region. nauch.-prosvetit. konf. (Vologda, 9 dekabrja 2013 goda). Vologda, 2014. S. 3–8.

² См.: Brajt D., Dzhons F. Stress. Teorii, issledovaniya, mify. SPb., 2003; Vasiljuk F.E. Metodologicheskij analiz v psihologii. M., 2003; Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii: Ucheb. posobie. Vologda, 2014; Oni zhe. Postneklassicheskij podhod v nauke k problemam stressa i adaptacii v ispravitel'nyh uchrezhdenijah // Ugolovnaja i ugolovno-ispolnitel'naja politika v Rossii i za rubezhom: sostojanie, tendencii i problemy sovershenstvovaniya: Sb. materialov mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. (g. Vologda, 28–29 nojabrja 2013 g.). Vologda, 2013. S. 297–304; Bystrova T.V. Zhiznjestojkost' kak social'no-psihologicheskij fenomen: genezis, perspektivy // Rossijskij nauchnyj zhurnal. 2015. № 2 (45). S. 241–249; Balamut A.N., Chudova A.H. K voprosu ob izuchenii psihologicheskikh zashhit osuzhdennykh muzhchin, priznannykh zlostnymi narushiteljami rezhima otbyvanija nakazaniya // Juridicheskaja psihologija. 2010. № 4. S. 33–35.

³ См. подр.: Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii. S. 37–68.

⁴ См. об этом: Bohan T.G. Stress i stressoustojchivost': opyt kul'turno-istoricheskogo issledovaniya. Tomsk, 2008; On zhe. Problema stressa v psihologii: transspektivnyj analiz. Tomsk, 2008; Magomed-Jeminov M.Sh. Fenomen jekstremal'nosti. M., 2008.

⁵ См. подр.: Baburin S.V. Problemy stressa i adaptacii v penitenciarnoj psihologii // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2014. № 1 (25). S. 46–50; Baburin S.V., Oboturova N.S., Chirkov A.M. Metodologicheskie podhody k probleme stressa u sotrudnikov ispravitel'nyh uchrezhdenij i osuzhdennykh // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2014. № 3. S. 110.

⁶ См. подр.: Baburin S.V. Psihologo-pedagogicheskie uslovija adaptacii i dezadaptacii zakljuchennykh: Dis. ... kand. psihol. nauk. SPb., 1999; Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii. S. 171–238.

⁷ См. подр.: Baburin S.V. Psihologo-pedagogicheskie uslovija adaptacii i dezadaptacii zakljuchennykh. S. 87–102.

⁸ См. подр.: Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii. S. 473–519.

⁹ См. подр.: Baburin S.V. Psihologo-pedagogicheskie uslovija adaptacii i dezadaptacii zakljuchennykh. S. 103–114.

¹⁰ См. подр.: Там же. С. 115–129.

¹¹ См.: Vasil'chenko O.V. Social'naja adaptacija zakljuchennykh v mestah lishenija svobody: Dis. ... kand. sociol. nauk. Rostov n/D, 2008. S. 122–143.

¹² См.: Korel' L.V. Sociologija adaptacij: voprosy teorii, metodologii i metodiki. Novosibirsk, 2005. S. 95.

¹³ См.: Lugovoj A.S., Razumova E.M. Social'no-psihologicheskaja adaptacija zakljuchennykh k mestam lishenija

¹³ См.: Луговой А.С., Разумова Е.М. Социально-психологическая адаптация заключенных к местам лишения свободы // Научные исследования: от теории к практике. 2014. № 1. С. 201–205; Васильченко О.В. Социальная адаптация заключенных в местах лишения свободы. С. 122–143; Бабурин С.В. Психолого-педагогические условия адаптации и дезадаптации заключенных. С. 129–135.

¹⁴ См.: Диденко А.В. Расстройства личности у осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы: Учеб. пособие / Под общ. ред. В.Я. Семке. Томск, 2010; Семке В.Я., Диденко А.В., Аксенов М.М. Расстройства личности у осужденных: Моногр. Томск, 2012; Дмитриева Т.Б., Положий Б.С. Этнокультуральная психиатрия. М., 2003; Обросов И.Ф. Расстройства личности у осужденных в местах лишения свободы (клинико-динамический и медико-социальные аспекты): Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2004; Семке В.Я., Диденко А.В., Аксенов М.М. Тюремная субкультура и адаптация осужденных с расстройствами личности в местах лишения свободы // Судебная психиатрия. Пенитенциарная психиатрия и психология / Под ред. акад. РАМН Т.Б. Дмитриевой. М., 2009. Вып. 6. С. 189–204; Сандомирский М.Е. Психическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса и личностно-типологические особенности осужденных. Уфа, 2001; Пономарев С.Б. и др. Синдром тюремной социальной депривации в молодом возрасте. Екатеринбург, 2008.

¹⁵ См.: Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб., 2007.

¹⁶ См.: Gottesbegegnungen im Gefngnis. Eine Praktische Theologie der Gefangenenseelsorge Tobias Brandner. Frankfurt am Main, 2009; Tomas P. Carpenter, Tyler Laney, Amy Mezulis. Religious coping, stress and depressive symptoms among adolescents: a prospective study // Online Publication. 2011. May; Anthony Barr-Jeffrey. Attachment to God, Religious Coping and Clergy Burnout // Dissertation, 2008; Religious coping and Quality of Life among Individuals living with Schizophrenia / Brief Reports. Jennifer A. Nolan, Ph.D., M.H.S., Joseph P. McEvoy, M.D., Harold G. Koenig, M.D., M.H.S., Elizabeth G. Hooten, Sc.D., M.S.P.H., Kathryn Whetten, Ph.D., and Carl F. Pieper, D.P.H. 2012. October; Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии. С. 499–512.

svobody // Nauchnye issledovanija: ot teorii k praktike. 2014. № 1. С. 201–205; Vasil'chenko O.V. Social'naja adaptacija zakljuchennyh v mestah lishenija svobody. S. 122–143; Baburin S.V. Psihologo-pedagogicheskie uslovija adaptacii i dezadaptacii zakljuchennyh. S. 129–135.

¹⁴ См.: Диденко А.В. Расстройства личности у осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы: Учеб. пособие / Под общ. ред. В.Я. Семке. Томск, 2010; Семке В.Я., Диденко А.В., Аксенов М.М. Расстройства личности у осужденных: Моногр. Томск, 2012; Дмитриева Т.Б., Положий Б.С. Этнокультуральная психиатрия. М., 2003; Обросов И.Ф. Расстройства личности у осужденных в местах лишения свободы (клинико-динамический и медико-социальные аспекты): Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2004; Семке В.Я., Диденко А.В., Аксенов М.М. Тюремная субкультура и адаптация осужденных с расстройствами личности в местах лишения свободы // Судебная психиатрия. Пенитенциарная психиатрия и психология / Под ред. акад. РАМН Т.Б. Дмитриевой. М., 2009. Вып. 6. С. 189–204; Сандомирский М.Е. Психическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса и личностно-типологические особенности осужденных. Уфа, 2001; Пономарев С.Б. и др. Синдром тюремной социальной депривации в молодом возрасте. Екатеринбург, 2008.

¹⁵ См.: Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб., 2007.

¹⁶ См.: Gottesbegegnungen im Gefngnis. Eine Praktische Theologie der Gefangenenseelsorge Tobias Brandner. Frankfurt am Main, 2009; Tomas P. Carpenter, Tyler Laney, Amy Mezulis. Religious coping, stress and depressive symptoms among adolescents: a prospective study // Online Publication. 2011. May; Anthony Barr-Jeffrey. Attachment to God, Religious Coping and Clergy Burnout // Dissertation, 2008; Religious coping and Quality of Life among Individuals living with Schizophrenia / Brief Reports. Jennifer A. Nolan, Ph.D., M.H.S., Joseph P. McEvoy, M.D., Harold G. Koenig, M.D., M.H.S., Elizabeth G. Hooten, Sc.D., M.S.P.H., Kathryn Whetten, Ph.D., and Carl F. Pieper, D.P.H. 2012. October; Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии. С. 499–512.

УДК 159.9:343.83

К вопросу о формировании морально-психологической устойчивости сотрудников отдела охраны исправительного учреждения к несению службы с огнестрельным оружием

Э.В. ЗАУТОРОВА – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования;

Т.В. ВИКТОРОВА – старший психолог психологической лаборатории ИК-19 УФСИН России по Республике Коми

В статье рассматривается необходимость повышения уровня морально-психологической устойчивости сотрудников отдела охраны исправительного учреждения, выполнение служебных обязанностей которых связано с применением огнестрельного оружия; предлагается программа, направленная на обеспечение готовности сотрудника к установленным законом решительным действиям при пресечении погоне и других противоправных деяний осужденных, в том числе к применению оружия на поражение.

К л ю ч е в ы е с л о в а : сотрудник отдела охраны; несение службы с огнестрельным оружием; повышение морально-психологической устойчивости; программа психолого-педагогической поддержки сотрудников исправительного учреждения.

On the formation of the moral and psychological resistance of personnel of security department in the correctional institution to service in arms

E.V. ZAUTOROVA – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor; Member of the International Academy of Pedagogical Education;

T.V. VIKTOROVA – Senior Psychologist of the Psychological Laboratory of the IK- 9 of the Federal Penal Service of Russia in the Republic of Komi

The article discusses the need to raise moral and psychological resistance of personnel of the security department in prison, which official duties are connected with the use of firearms; it proposes the program aimed at ensuring the readiness of employees to statutory decisive action while suppressing shoots and other unlawful acts condemned, including by the use of weapons to defeat.

Key words: employee of security department; duty firearms; improving the moral and psychological resistance; program of psycho-pedagogical support of correctional officers.

Развитие уголовно-исполнительной системы Российской Федерации направлено на гуманизацию условий содержания осужденных, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов, а также повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания. Исходя из этого вопросы, связанные с применением сотрудниками уголовно-исполнительной системы физической силы, специальных средств и оружия, имеют особую значимость.

Для обеспечения нормального функционирования уголовно-исполнительной системы государство наделило ее сотрудников должностной обязанностью применять меры безопасности: в ст. 86 УИК РФ предусмотрено использование физической силы, специальных средств и оружия, общие требования и случаи применения которых закреплены в гл. V Закона Российской Федерации от 21.07.1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и в ст. 43–47 Закона Российской Федерации от 15.08.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Должность сотрудников пенитенциарных учреждений является одной из наиболее сложных и опасных, особенно отдела охраны, так как наличие огнестрельного оружия при несении службы существенно отличает их деятельность от работы других отделов и служб. Специфика эта заключается даже не столько в выполняемых обязанностях и

постоянной готовности к действиям в экстремальной ситуации (захват заложников, побеги, массовые беспорядки, неповиновение и др.), сколько в повышенной степени опасности для жизни и здоровья человека, поскольку «возникнет необходимость применить оружие на поражение, что означает, что выстрел будет производиться в человека (пусть даже и в преступника), который может получить серьезное ранение или быть лишен жизни»¹, что накладывает на сотрудника серьезнейшую ответственность за свои действия.

Ввиду этого специфика служебной деятельности сотрудника отдела охраны определяется высоким уровнем нервно-психического напряжения. В 2015 г. было допущено 123 побега из исправительных колоний, в том числе из-под охраны – 14, из-под надзора – 109, покушений на побег – 7². В результате сотрудники, входящие в состав караулов, были вынуждены применять или использовать оружие для пресечения покушений осужденных и лиц, содержащихся под стражей, на побег из-под охраны. Однако при этом отдельными сотрудниками подразделений охраны были допущены нарушения, в том числе преступления, связанные с нарушением законодательства при применении огнестрельного оружия (в 2015 г. – одно такое преступление)³.

В связи с этим к сотрудникам отдела охраны исправительного учреждения предъявляются высокие требования, такие как сохранять самообладание и способность к адекватному реагированию в экстремаль-

ных ситуациях, обладать высоким уровнем самоконтроля, иметь оптимальную склонность к риску, владеть приемами самообороны, уметь применять физическую силу, спецсредства и оружие.

В рамках служебной подготовки ведется специальная работа по подготовке сотрудников данной категории: организуются занятия по изучению устройства оружия, правил его применения и мер безопасности при обращении с ним, проводятся боевые стрельбы, инструктивные занятия, осуществляется контроль несения службы, проходят тренировки сотрудников в чрезвычайных ситуациях и при происшествиях. Вместе с тем практика показывает, что сотрудники отдела охраны, выполняющие задачи с огнестрельным оружием, не всегда готовы к его применению. Правильному поведению при использовании огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы в экстремальных ситуациях способствует достаточный уровень сформированности их морально-психологической устойчивости.

В психолого-педагогических исследованиях нашли отражение проблемы содержания и структуры морально-психологической устойчивости. Так, на уровне личностной концепции с позиций мотивационных представлений о структуре личности проблема психологической устойчивости (точнее, стабильности) рассматривалась А.Н. Леонтьевым⁴. В.Э. Чудновский отмечает, что уровню сформированности личности соответствует специфическая иерархия потребностей, которая определяет стабильное (устойчивое) поведение личности⁵.

По мнению М.Ф. Секач, психологическая устойчивость личности представляет собой сложную «биопсихосоциальную конструкцию», включающую психическую устойчивость человека, его социальную роль и статус, веру, профессию, культуру и мировоззрение, а также психосоматическое здоровье⁶. Д.А. Головков представляет психологическую устойчивость как способность отвечать на напряженные ситуации таким изменением эмоционального состояния, которое приводит к увеличению работоспособности⁷.

Проблема формирования нравственной устойчивости как одной из стержневых характеристик личности, в том числе в ситуациях морального выбора, отражена в трудах Т.В. Голиковой, Э.В. Зауторовой, Г.Б. Мухомовой, Л.В. Рахматуллиной⁸ и др., где раскрывается процесс усвоения норм нравственности, способности личности к моральной оценке поступков, преодоления отклоне-

ний от норм нравственного поведения. Разработкой психологического обеспечения сотрудников отделов охраны занимались Л.Н. Елошвили, И.С. Дорошенко, А.В. Кокурин, П.В. Казберов, С.И. Злобин, Е.В. Овчарова⁹ и др.

В нашем исследовании морально-психологическая устойчивость определяется как важный компонент профессиональной подготовки сотрудника, которая формируется в условиях оперативно-служебной деятельности, включает систему психологических качеств (знания, навыки, умения, опыт) и определяет потенциальную готовность сотрудника преодолевать трудности и успешно выполнять профессиональные задачи. Морально-психологические качества (долг, честь, ответственность, достоинство, порядочность, солидарность, взаимовыручка и др.) в решающей степени влияют на поведенческую стойкость сотрудника отдела охраны в экстремальных условиях, позволяют проявить свое профессиональное мастерство.

С целью повышения уровня морально-психологической устойчивости сотрудников к выполнению задач оперативно-служебной деятельности, в том числе к применению оружия на поражение при пресечении побегов и других противоправных деяний осужденных, Т.В. Викторовой была разработана специальная программа, апробация которой проходила в ИК-19 УФСИН России по Республике Коми в рамках занятий по служебно-боевой подготовке.

Данная программа решает следующие задачи:

1. Создание психолого-педагогических условий для самоактуализации внутренних ресурсов и совершенствования личностных и профессионально важных качеств сотрудника.

2. Формирование психологической готовности сотрудников отделов охраны к установленным законом решительным действиям при пресечении побегов и других противоправных деяний осужденных.

3. Осуществление психолого-педагогической поддержки сотрудников, расширение их социального и психологического опыта.

Принципами программы являются:

- принцип развивающего и воспитывающего обучения. Его содержанием является регулирование взаимодействия между овладением знаниями и способами формирования требуемых черт личности, всестороннего гармонического развития обучаемых, их готовности к самореализации;

- принцип систематичности и системности. Он содержит очень важное требование логичности – последовательности и пре-

емственности, когда каждое последующее знание или умение базируется на предшествующем и продолжает его;

– деятельностный принцип. Работа должна быть построена не на простой тренировке отдельных навыков и умений, отработке отдельных упражнений и заслушивании теоретического материала, а на целостной осмысленной работе по приобретению знаний и формированию специальных качеств, предъявляемых служебной деятельностью к устойчивости фрустрирующего и стрессогенного воздействия факторов деятельности;

– принцип активного преодоления. Подразумевает, что сотрудники могут научиться сознательному преодолению трудных стрессовых ситуаций, сопровождающих их деятельность.

Программа разработана для сотрудников среднего и младшего начальствующего состава отдела охраны и состоит из теоретических (лекции) и практических занятий. Для лиц среднего начальствующего состава в данной программе предложены занятия с целью совершенствования их педагогического мастерства в вопросах повышения морально-психологической устойчивости младшего начальствующего состава отдела охраны.

Частота встреч участников группы – два раза в неделю, при необходимости по каждой теме возможно проведение индивидуальных консультаций и занятий. Реализация данной программы осуществляется психологом психологической лаборатории либо психологом отдела охраны исправительного учреждения.

Общее количество часов программы составляет 20 часов. Цикл «Теоретические основы морально-психологической устойчивости» (9 часов) включает такие темы, как «Значение профессионального выбора в жизни человека. Риски в профессии сотрудника отдела охраны», «Сущность понятия “моральная устойчивость” и ее место в целостной структуре личности», «Основы правовой грамотности сотрудника отдела охраны», «Морально-психологическое обеспечение несения караульной службы. Сохранение морально-психологической устойчивости сотрудника отдела охраны в особых условиях несения службы: при пресечении побега, массовых беспорядках» и др.

Цикл «Практические основы морально-психологической устойчивости» (11 часов) включает три блока. Так, понимание структуры психологической устойчивости личности основывается на традиционно сложившем-

ся в психологии подходе к представлению о структуре психики. Человек, находящийся в экстремальной ситуации, обрабатывает информацию извне посредством познавательных (когнитивных), оценочных (рефлексивных) и эмоциональных процессов.

В связи с выделенными компонентами цикл практических занятий программы состоит из следующих блоков:

– блок формирования когнитивных умений и навыков: осознание важности оперативно-служебной деятельности, знание нормативных документов, законов, инструкций и умение действовать в соответствии с ними, правовых основ безопасности, оснований применения оружия, уверенность в самостоятельном использовании огнестрельного оружия, гибкость, быстрота реакции и переключаемость в разрешении острых служебных ситуаций; позитивное отношение к службе, связанной с различными условиями, осознание важности задач, вызванных применением огнестрельного оружия. Темы занятий: «Осознание привлекательных сторон службы», «Я и они»;

– блок формирования эмоционально-волевых качеств и эмоционально-волевой устойчивости к длительным нагрузкам: умение организоваться в сложной ситуации, решительность при выполнении служебных задач, разумная готовность к опасности и риску, стрессоустойчивость к факторам деятельности, умение управлять своими эмоциями, способность преодолевать страхи. Темы занятий: «Профессиональные свойства наблюдения у сотрудников отдела охраны», «Особенности внимания и памяти в запоминании лиц», «Развитие внимания и быстроты реакции, готовности к применению оружия на поражение»;

– блок формирования профессионально важных качеств: устойчивая система собственных взглядов и отношений, моральных требований и оценок, делающих сотрудника относительно независимым от внешних обстоятельств; способность к осмыслению своих возможностей обеспечить эффективное решение служебных задач в различных, в том числе в особых, условиях несения службы; повышенное чувство ответственности и долга; высокая способность к самооценке достигнутого уровня морально-психологической устойчивости. Темы занятий: «Стратегии противодействия стрессу», «Контроль над паникой».

Методика занятий основана на психолого-педагогических методах, развивающих самостоятельность мышления сотрудников, стимулирующих к качественному выполне-

нию своих профессиональных обязанностей: методы эмоционально-волевой саморегуляции, психотехнические упражнения по саморегуляции эмоциональных состояний, телесная терапия, направленная на саморегуляцию эмоциональных состояний, и др. Ожидаемый результат освоения данной программы – повышение уровня морально-психологической устойчивости, снижение действия отрицательных и психотравмирующих факторов правоохранительной деятельности на психику личного состава исправительного учреждения (страха, паники, принятия ошибочных решений при выполнении служебных задач и др.).

Для определения эффективности внедрения разработанной программы проведено анкетирование на предмет оценки сотрудниками занятий по предложенной программе. По результатам анализа анкет был сделан вывод, что занятия сотрудники оценили положительно: 68% участников поставили высокие оценки, 32% – средние. При этом подчеркивается практическая польза занятий: отмечается более четкое осознание важности задач, связанных с применением огнестрельного оружия, лучшее знание нормативных документов, овладение навыками эмоционального равновесия и стабильности. При проведении индивидуальных бесед, особенно с молодыми сотрудниками отдела охраны, было выявлено, что некоторые из них, к сожалению, недооценивают риск и сложность выполняемых служебных обязанностей, связанных с огнестрельным оружием.

Для обеспечения уверенного поведения сотрудника отдела охраны при выполнении им своих должностных обязанностей требуется последовательная и систематическая

психологическая и правовая подготовка. На учебных занятиях по специальной подготовке необходимо обучать ситуационному планированию, обсуждению возможных экстремальных ситуаций, например побега осужденного, всестороннему анализу возможных последствий и др. Для каждого места несения службы потенциального участника рискованных правоотношений создавать конкретные ситуационные планы действий, снижающих неопределенность и создающих возможность тренировки в модельных ситуациях и т.д.

Полученные результаты позволили внедрить программу повышения уровня морально-психологической устойчивости сотрудников к выполнению задач оперативно-служебной деятельности и в других исправительных учреждениях УФСИН России по Республике Коми (ИК-29 – июль–август 2015 г., СИЗО-2 – сентябрь 2015 г.).

Сотрудники исправительного учреждения, особенно отдела охраны, несущие службу с оружием, характеризуются наличием негативных психических состояний, повышенной утомляемостью, эмоциональной напряженностью и неустойчивостью. В связи с этим необходимо создать условия для проведения с ними специальной работы по повышению уровня сформированности их морально-психологической устойчивости. Предложенная примерная психолого-педагогическая программа может быть включена в комплекс взаимосвязанных мероприятий нормативно-правового, тактико-технического характера и других направлений, которые призваны подготовить сотрудника отдела охраны к ситуации уверенного владения огнестрельным оружием в своей профессиональной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Алексеев А.Н. К вопросу о готовности сотрудников ФСИН России к применению оружия на поражение и его использованию // II Международный пенитенциарный форум «Преступление. Наказание. Исправление» (к 60-летию принятия Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и 30-летию принятия Минимальных стандартных правил, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних): Сб. тезисов выступлений и докладов участников (25–27 ноября 2015 г.). Рязань, 2015. Т. 6. С. 94.

² См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России. Январь–декабрь 2015 г.: Информ.-аналит. сб. Тверь, 2016. С. 26.

³ См.: Там же. С. 321.

⁴ См. подр.: Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1981; Он же. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.

⁵ См.: Чудновский В.Э. Нравственная устойчивость личности. М., 1981.

⁶ См.: Секач М. Ф. Психическая устойчивость человека: Моногр. М., 2013. С. 43.

⁷ См.: Головков Д.А. Юридическая психология: Учеб. пособие. Минск, 2004.

⁸ См. подр.: Голикова Т.В. Педагогические условия эффективного применения моральных дилемм в нравственном

¹ Alekseev A.N. K voprosu o gotovnosti sotrudnikov FSIN Rossii k primeneniju oruzhija na porazhenie i ego ispol'zovaniju // II Mezhdunarodnyj penitencijarnyj forum «Prestuplenie. Nakazanie. Ispravlenie» (k 60-letiju prinjatija Minimal'nyh standartnyh pravil obrashhenija s zakljuchennymi i 30-letiju prinjatija Minimal'nyh standartnyh pravil, kasajushhhsja otpravlenija pravosudija v otnoshenii nesovershennoletnih): Sb. tezisov vystuplenij i dokladov uchastnikov (25–27 nojabrja 2015 g.). Rjazan', 2015. T. 6. S. 94.

² См.: Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii. Janvar'–dekabr' 2015 g.: Inform.-analit. sb. Tver', 2016. S. 26.

³ См.: Там же. С. 321.

⁴ См. подр.: Leont'ev A.N. Problemy razvitiya psihiki. M., 1981; On zhe. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M., 1977.

⁵ См.: Chudnovskij V. Je. Nравstvennaja ustojchivost' lichnosti. M., 1981.

⁶ См.: Sekach M. F. Psihicheskaja ustojchivost' cheloveka: Monogr. M., 2013. S. 43.

⁷ См.: Golovkov D.A. Juridicheskaja psihologija: Ucheb. posobie. Minsk, 2004.

⁸ См. подр.: Golikova T.V. Pedagogicheskie uslovija jeffektivnogo primeneniya moral'nyh dilemm v нравstvennom

воспитании подростков: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2004; Зауторова Э.В. Ситуации морального выбора в нравственном развитии личности молодых осужденных: Метод. рекомендации для сотрудников исправит. учреждений. Вологда, 2010; Рахматуллина Л.В. Воспитание нравственной устойчивости у младших школьников в ситуациях морального выбора: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2002.

⁹ См.: Овчарова Е.В. Психические состояния сотрудников отделов охраны уголовно-исполнительной системы, несущих службу с оружием, и их краткосрочная коррекция: Дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2012.

vospitanii podrostkov: Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Kazan', 2004; Zautorova Je.V. Situacii moral'nogo vybora v npravstvennom razvitii lichnosti molodyh osuzhdennyh: Metod. rekomendacii dlja sotrudnikov ispravit. uchrezhdenij. Vologda, 2010; Rahmatullina L.V. Vospitanie npravstvennoj ustojchivosti u mladshih shkol'nikov v situacijah moral'nogo vybora: Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Kazan', 2002.

⁹ Sm.: Ovcharova E.V. Psihicheskie sostojanija sotrudnikov otdelov ohrany ugovlovno-ispolnitel'noj sistemy, nesushhih sluzhbu s oruzhiem, i ih kratkosrochnaja korrekcija: Dis. ... kand. psihol. nauk. Rjazan', 2012.

УДК 159.9:343.83

Позитивное мышление и его связь с уровнем профессионального стресса сотрудников исправительных учреждений

Е.С. ЛОБАНОВА – старший преподаватель кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент;

И.А. ФЕДОСЕЕВА – младший инспектор отдела охраны ИК-1 ФКУ ОИК-2 ОУХД ГУФСИН России по Пермскому краю

В статье рассматриваются феномен позитивного мышления в контексте его значения при профилактике стрессовых состояний у сотрудников исправительных учреждений и возможности его преодоления посредством стиля мышления, анализируются результаты эмпирического исследования связи уровня профессионального стресса и аспектов позитивного мышления сотрудников отдела охраны, определяются перспективы дальнейшего изучения проблемы в связи с потребностями психологической науки и практики.

К л ю ч е в ы е с л о в а : позитивное мышление; профессиональный стресс; синдром эмоционального выгорания.

Positive thinking and its relation to occupational stress level of the penal institutions officers

E.S. LOBANOVA – Senior Lecturer of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor;

I.A. FEDOSEYEVA – Junior Inspector of Security of the IK-1 PKU OIC-2 of the Russian Federal Penal Service in the Perm region

The article deals with the phenomenon of positive thinking in the context of its importance for the prevention of stress conditions of the staff in penal institutions and the possibility of overcoming it by thinking style, analyzes the results of an empirical study on the relationship between occupational stress level and aspects of positive thinking staff of the security department, it determines prospects for further study of the problem depending on the needs of psychological science and practice.

Key words: positive thinking; occupational stress; burnout syndrome.

Интенсивность и напряженность профессиональной деятельности сотрудников исправительных учреждений проявляются на психологическом уровне в увеличении

частоты возникновения негативных эмоциональных переживаний, которые вызывают формирование выраженных и длительных стрессовых состояний. Стресс может иметь

целый ряд неприемлемых социально-экономических и социально-психологических последствий: повышение текучести кадров, снижение удовлетворенности трудом, профессиональную деформацию, неудовлетворительные характеристики социально-психологического климата, снижение эффективности выполнения профессиональных задач и др.

Поиск путей предотвращения стрессов в профессиональной деятельности для сохранения физического и психического здоровья, оптимизации функционального состояния сотрудника является важным направлением психологической службы исправительных учреждений, одним из которых может являться формирование позитивного мышления.

Позитивное мышление – недостаточно изученный феномен в современной психологии, а потому оно не представлено в традиционных классификациях видов мышления. Проблема формирования позитивного мышления ждет своего решения и разработки соответствующих психологических технологий. В зарубежной психологии проблемам позитивного, конструктивного, оптимистического мышления посвящены работы Д. Гудхарта, Дж. Капрара, Ч. Карвера, М. Селигмана, П. Стека, М. Шейера и др. В отечественной психологии феномен позитивного мышления изучали Т.Н. Васильева, Т.О. Гордеева, О.С. Гребенюк, Н.В. Любимова, К. Муздыбаев, Ю.М. Орлов, А.Е. Созонтов и др. На современном этапе тема позитивного мышления нашла свое признание и распространение в рамках популярной психологии, однако научные исследования проблемы довольно ограничены.

Позитивное мышление можно рассматривать как когнитивный процесс, направленный на поиск полезного, ресурсного в различных ситуациях, событиях, деятельности. Его часто понимают как способность увидеть перспективы, дать положительную интерпретацию происходящему, обозначить его положительные стороны, возможности для развития и благополучия. Ярким примером этого является позиция автора когнитивной теории личности Дж. Келли, который называл человека ученым, исследователем, стремящимся интерпретировать события окружающего мира, чтобы успешно взаимодействовать с ним. Нет такой вещи в мире, относительно которой не может быть двух мнений. Наша интерпретация событий оказывает большее влияние на наше поведение, чем сами события.

Ученый отмечал, что каждый человек объясняет реальность по-разному и понимает происходящие события с точки зрения пессимизма или оптимизма.

Некоторые исследователи связывают позитивность мышления с таким психологическим феноменом, как самоконтроль. Л. Бассет считает, что самоконтроль – это возможность определять, какое влияние на человека будут оказывать те или иные события. В его силах принять рациональное решение об отношении к происходящим событиям, реагировать на происшествия менее тревожно и спокойнее. Причина тревоги заключается в образе наших мыслей¹.

Другой зарубежный исследователь Н. Пезешкиан в связи с проблемой позитивного отношения к социальной действительности выдвигает несколько ключевых понятий, среди которых позитивная психотерапия и модель мышления. По мнению ученого, действительным и данным являются отрицательное и положительное в жизни, не только конфликты и трудности, но и возможность справиться с ними. При позитивном подходе к жизни человек видит проблемы и старается конструктивно их решить, опираясь на ресурсы, которые есть в его жизни. Цель позитивного подхода – сменить точку зрения, переоценить старые концепции, найти возможность использовать новые альтернативные решения своих проблем. Таким образом, происходит смена модели мышления, что способствует изменению модели поведения человека².

В.Н. Мясищев в своей концепции отношений личности рассматривал проблему, связанную с соотношением в человеке биологического и социального. Он утверждал, что отношения характеризуют степень интереса, силу эмоций, желания или потребности, поэтому являются движущей силой личности. Им присущи следующие особенности: уровень активности, соотношение рационального и иррационального, адекватного и неадекватного, сознательного и бессознательного, устойчивости и неустойчивости, широты или узости, рациональной и эмоциональной обусловленности³. Ученый отмечал, что жизнь человека определяется его системой отношений к окружающей действительности и самому себе, и в случае необходимости он может реконструировать свои нарушенные отношения. Эти идеи были положены в основу патогенетической психотерапии. Наиболее разработанной теорией взаимосвязи мышления и эмоций является теория А. Эллиса, который считал,

что эмоции выступают как результат мыслей и убеждений человека. Он стал автором рационально-эмоциональной психотерапии, методы которой получили широкое распространение как в зарубежной, так и в отечественной практике.

Ю.М. Орлов подразделяет мышление на патогенное и саногенное. Патогенное мышление он определял как ошибочное и неэффективное, которое создает отрицательную эмоцию и влияет на благополучие, самочувствие человека. «Именно патогенное мышление продлевает стресс далеко за пределы бытия стрессора. И причины этого явления в свойствах нашего мышления, а не в строении нервной системы. Если эмоция и вызываемый ею стресс становятся хроническими, то возникают болезни, которые Г. Селье называл болезнями адаптации. Я берусь утверждать, что склонность к этим болезням зависит от стиля нашего мышления», – утверждает Ю.М. Орлов⁴. «Проблемы находятся в самом человеке, в его мышлении, точнее в стиле мышления. Стиль мышления – это привычный способ реагирования на возникающее эмоциональное переживание. Вся наша жизнь – смена состояний и переживаний. На сложившуюся ситуацию человек реагирует выработкой эмоции»⁵. Патогенное мышление умножает страдания человека: он воспроизводит ситуацию стресса множество раз и тем самым вводит себя в состояние хронического стресса, разрушающего организм.

Анализ работ зарубежных и отечественных исследователей, посвященных изучению позитивного мышления, позволяет выделить ряд характеризующих его признаков, а также определить его структуру и функции в жизни человека. Позитивное мышление, как и многие психологические явления, включает в себя три компонента:

1) когнитивный компонент – это совокупность позитивных мыслей, убеждений, установок, оценок, жизненных ориентиров и высокой оценки своих способностей справляться с разными видами деятельности;

2) эмоциональный компонент, который включает эмоциональную саморегуляцию деятельности и поведения, оптимистическое мироощущение;

3) поведенческий компонент, проявляющийся в тенденции выбора позитивных форм поведения, характера реагирования и конструктивных поведенческих стратегий при любых внешних условиях и обстоятельствах.

Позитивное мышление выполняет ряд важных функций в жизнедеятельности человека. Во-первых, оздоровительную функ-

цию – изменение сложившегося стиля мышления влечет переосмысление привычной жизненной позиции, видение благоприятных аспектов в каждой ситуации, а также принятие жизни такой, какая она есть. Тем самым позитивное мышление укрепляет психическое и физическое здоровье человека, способствуя дальнейшему развитию личности. Во-вторых, адаптационную функцию – использование адекватных изменившимся обстоятельствам способов реагирования и поведения, что позволяет субъекту более гибко адаптироваться и приспосабливаться в современном динамичном мире, имеющем значительную степень неопределенности. В-третьих, функцию формирования активной жизненной позиции личности – помогает человеку стать активным создателем собственной жизни, берущим на себя контроль над происходящими событиями⁶.

В связи с оценкой роли позитивного мышления в процессе жизнедеятельности человека возникает вопрос о его взаимосвязи с уровнем профессионального стресса работников, в том числе и сотрудников исправительных учреждений. Общеизвестно, что их деятельность насыщена огромным количеством стрессовых факторов, действующих одновременно. К числу таких факторов относятся правовая регламентированность деятельности, относительная закрытость и удаленность исправительного учреждения, широта и многоплановость вступления в контакт с осужденными с различным уровнем психолого-педагогической запущенности, спонтанность, неповторимость, а порой и конфликтность общения, наличие властных полномочий, высокая значимость решаемых задач, большая ответственность, опасность, дефицит времени, однообразие, монотонность, своеобразие внешних условий, психологическая перегрузка, внезапность и др. Особенно это характерно для сотрудников, которые обеспечивают контролирующие, надзорные функции, то есть имеют явно выраженный силовой характер (оперативный отдел, отдел безопасности, отдел охраны)⁷. При этом к большому количеству стрессовых факторов сотруднику приходится адаптироваться, поскольку изменить их не представляется возможным.

Обоснованным является предположение о том, что интенсивность профессионального стресса у сотрудников уголовно-исполнительной системы связана с уровнем их позитивного мышления. Для проверки этой гипотезы было проведено эмпирическое исследование. В качестве научных методов использовались тестирование, проектив-

ный метод, статистические и математические методы анализа результатов. Для реализации задач применялись следующие психодиагностические методики: методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко, методика «Причины стресса в вашей работе» Ю.В. Щербатых, методика незаконченных предложений в редакции И.А. Щеглова. Необходимо отметить, что на данный момент в психологической практике отсутствуют стандартизированные методики, непосредственно диагностирующие уровень позитивного мышления, что в первую очередь связано с недостаточной разработанностью проблемы и отсутствием общепринятого определения понятия «позитивное мышление». Поэтому в исследовании была выбрана проективная методика незаконченных предложений, позволяющая респондентам выразить свое мнение по отношению к окружающему миру, людям, в том числе в рамках выполнения профессиональной деятельности. Исследование проводилось на базе ИК-1 ФКУ ОИК-2 ОУХД ГУФСИН России по Пермскому краю. В качестве выборки выступали сотрудники отдела охраны в количестве 60 чел. Они были разделены на группы в зависимости от стажа службы и возраста: 1) стаж работы от 1 года до 5 лет, возраст 20–30 лет (25 чел.); 2) стаж работы от 5 до 10 лет, возраст 30–40 лет (21 чел.); 3) стаж работы от 10 до 15 лет, возраст 40–45 лет (14 чел.).

Согласно В.В. Бойко, синдром эмоционального выгорания (СЭВ) является динамическим процессом, который возникает поэтапно, в полном соответствии с механизмом развития стресса. Он выступает как результат влияния комплекса профессиональных стрессогенных факторов, механизм полного или частичного исключения эмоций в ответ на психотравмирующие воздействия в профессиональной среде⁸.

Результаты эмпирического исследования позволяют утверждать следующее. У сотрудников со стажем работы до 5 лет сформированы симптомы эмоционального выгорания в фазе напряжения по шкалам «Переживание психотравмирующих обстоятельств» (44%), «Загнанность в клетку» (36%), «Неудовлетворенность собой» (32%), «Тревога или депрессия» (20%); в фазе резистенции по шкалам «Неадекватное эмоциональное реагирование» (68%), «Редукция профессиональных обязанностей» (52%), «Эмоционально-нравственная дезориентация» (28%), «Расширение сферы экономии эмоций» (20%); в фазе истощения – «Эмоциональная отстраненность» (28%),

«Эмоциональный дефицит» (24%). Для сотрудников со стажем службы от 5 до 10 лет характерно проявление таких симптомов СЭВ, как «Неадекватное эмоциональное реагирование» (48%) и «Редукция профессиональных обязанностей» (24%) в фазе редукции, «Переживание психотравмирующих обстоятельств» (30%) в фазе напряжения и «Эмоциональный дефицит» в фазе истощения (24%). У сотрудников со стажем службы более 10 лет симптомы СЭВ при диагностике не были выявлены.

Указанные симптомы свидетельствуют о возникновении сопротивления стрессовым ситуациям, появлении негативных психологических состояний и формировании эмоциональной защиты у молодых сотрудников. Подобные результаты можно объяснить низкими адаптационными возможностями молодых сотрудников, несоответствием их ожиданий реальным условиям профессиональной деятельности, осознанием отсутствия профессиональной карьеры в данном отделе и другими причинами. Однако стоит отметить, что и уровень их позитивного мышления, согласно результатам диагностики, тоже низкий, что является немаловажным для исследования.

Результаты диагностики при помощи методики Ю.В. Щербатых свидетельствуют, что 80% опрошенных отличаются высоким уровнем стрессоустойчивости. Однако в качестве доминирующих стресс-факторов профессиональной деятельности сотрудники указали следующие (по убывающей): работа без выходных, монотонность и однообразие деятельности, низкая зарплата, отсутствие карьерного роста, ночные смены, ненормированный рабочий день, наличие видеонаблюдения, страх сокращения и потери минимальной пенсии, страх перед возможной необходимостью применения оружия, семейные конфликты, связанные с выполнением профессиональной деятельности.

Большинство молодых сотрудников имеют признаки низкого уровня позитивного мышления в сочетании со сформированными симптомами СЭВ. Анализ результатов методики незаконченных предложений показал, что у них, по сравнению с сотрудниками, имеющими больший стаж службы, доминируют негативные оценки в отношении руководства (90%), окружающих людей (80%), своих коллег (70%), окружающей жизни (52%), себя (90%). Так, например, продолжая предложение «Большинство людей...», респонденты отвечали «злые», «зануды», «хамы», «сплетники», «скрытные», «скучные»,

«несчастливые», «живут плохо, бедно», «думают только о себе», «говорят одно, а делают другое» и т.д. При этом они испытывают уважение к независимым, целеустремленным, сильным, успешным людям, умеющим держать слово. Среди отзывов о коллегах присутствуют следующие характеристики: «усталые», «сплетники», «злые», «завистливые», «неадекватные», «равнодушные», «думают только о плохом», «замечают за всеми, кроме себя». В ситуациях критики у этой категории сотрудников доминируют агрессивные реакции (ненависть, обида, злость) либо стремление игнорировать получаемую информацию. Позитивные суждения в основном были сформулированы этой категорией участников в отношении своих друзей и семей.

Группа сотрудников с несформированным СЭВ имеют стаж службы от 10 до 15 лет. В их ответах прослеживается признание своей способности и стремления справляться с неприятностями. При изучении их ответов были определены выраженные позитивные суждения относительно большинства людей (86%), окружающей жизни (85%), своей страны (72%), своих родителей (71%), своего будущего (57%). В людях они ценят самодостаточность, искренность, жизнерадостность. Следует отметить, что у сотрудников с невыраженным СЭВ распространено мнение о том, что все люди, вне зависимости от социального статуса, имеют свои достоинства и недостатки, отличительные особенности. Им принадлежат высказывания, отражающие активную жизненную позицию и самостоятельность человека в выборе, в том числе по отношению к своим эмоциям и чувствам. Возможно, на основе большого жизненного опыта у них сформировались установки на признание и принятие различных фактов, событий, личностных особенностей людей, ориентация на необходимость ценить то, что имеешь, стремление к сохранению состояния психологического спокойствия и комфорта за счет использования позитивной установки по отношению к себе и миру.

Большинству опрошенных принадлежат безоценочные суждения относительно описания себя на работе: как правило, сотрудники перечисляют свои обязанности, профессиональные задачи, готовность их выполнять. Анализируя условия, важные для достижения успеха, чаще указывают на необходимость приложить усилия, терпение, настойчивость в достижении цели. Лишь в некоторых случаях в качестве таких

условий отмечалось удачное стечение обстоятельств, что звучало только в ответах молодых сотрудников. Для большинства респондентов (80%) вне зависимости от возраста семья является источником положительных эмоций, психологических ресурсов, представляется ценностью. Респонденты испытывали сожаление о том, что не получили желаемого образования, не выражали поддержку и любовь близким людям, не реализовали свои цели, в некоторых случаях сожалели о своем профессиональном выборе.

Таким образом, результаты исследования в большей степени подтверждают гипотезу о наличии связи между позитивностью мышления и уровнем профессионального стресса сотрудников исправительного учреждения. Нельзя однозначно заявлять о том, что эта связь является причинно-следственной, поскольку негативные оценки сотрудников в адрес профессиональных условий своей деятельности могут являться следствием сформированных симптомов эмоционального выгорания. Однако полученные результаты позволяют задуматься о роли позитивного мышления в профессиональной деятельности людей и подчеркивают необходимость дальнейшего изучения этого феномена.

Поиск эффективных путей снижения негативных проявлений эмоционального выгорания и профессионального стресса сотрудников пенитенциарной системы является на сегодняшний день одной из приоритетных и актуальных задач психологической науки и практики. Наиболее перспективным способом профилактики указанных явлений представляется использование ресурса позитивного мышления. В настоящее время данный подход реализуется чаще всего на уровне популярной психологии или в развитии отдельных аспектов позитивного мышления. Результаты исследования показали, что существует потребность в разработке психодиагностического инструмента для определения уровня позитивного мышления. Что касается изучения возможностей применения позитивного мышления как средства профилактики и преодоления профессионального стресса сотрудников исправительного учреждения, то здесь являются уместными проведение эмпирических исследований связи указанных феноменов у сотрудников различных отделов и разработка коррекционно-развивающих программ, ориентированных на формирование аспектов позитивного мышления.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Хьелл Л. Теории личности. СПб., 2006.
² См.: Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1971.
³ См.: Иовлев Б.В., Карпова Э.Б. Психология отношений. Концепция В.Н. Мясищева и медицинская психология. СПб., 1999.
⁴ Орлов Ю.М. Оздоровляющее (саногенное) мышление. Серия: Управление поведением. Кн. 1. М., 2006. С. 25.
⁵ Он же. Саногенное мышление. Серия: Управление поведением. Кн. 1. М., 2003. С. 31.
⁶ См.: Куклина Н.Б. Позитивное мышление развивающейся личности как социокультурный фактор духовной жизни общества: Дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 1999.
⁷ См.: Баламут А.Н. Психологическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям в экстремальных ситуациях: Учеб. пособие. Вологда, 2013. С. 15.
⁸ См.: Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М., 1996.

- ¹ См.: H'ell L. Teorii lichnosti. SPb., 2006.
² См.: Lotman Ju.M. Stat'i po tipologii kul'tury. Tartu, 1971.
³ См.: Iovlev B.V., Karpova Je.B. Psihologija otnoshenij. Konceptcija V.N. Mjasishheva i medicinskaja psihologija. SPb., 1999.
⁴ Orlov Ju.M. Ozdoravlivajushhee (sanogennoe) myshlenie. Serija: Upravlenie povedeniem. Kn. 1. M., 2006. S. 25.
⁵ On zhe. Sanogennoe myshlenie. Serija: Upravlenie povedeniem. Kn. 1. M., 2003. S. 31.
⁶ См.: Kuklina N.B. Pozitivnoe myshlenie razvivajushhejsja lichnosti kak sociokul'turnyj faktor duhovnoj zhizni obshhestva: Dis. ... kand. psihol. nauk. Novosibirsk, 1999.
⁷ См.: Balamut A.N. Psihologicheskaja podgotovka sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy k dejstvijam v jekstremal'nyh situacijah: Ucheb. posobie. Vologda, 2013. S. 15.
⁸ См.: Bojko V.V. Jenergija jemocij v obshhenii: vzgljad na sebja i na drugih. M., 1996.

УДК 796.8:159.907

Индивидуально-типологические особенности спортсменов вузов ФСИН России, специализирующихся в различных видах единоборств

А.А. ЖАРКИХ – доцент кафедры общей психологии Академии ФСИН России, кандидат психологических наук;

Н.В. АНКУДИНОВ – начальник кафедры физической подготовки и спорта Академии ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент;

Д.Г. ДЕНИСОВ – начальник кафедры физической подготовки Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент

В статье рассматриваются результаты исследования индивидуально-типологических особенностей личности курсантов-спортсменов, специализирующихся в различных видах единоборств, и делается вывод о том, что для достижения эффективности в рассматриваемых видах спорта необходимы следующие индивидуально-типологические характеристики: выраженность интроверсии, сензитивности и индивидуалистичности, отсутствие яркой экстравертированности и эмоциональной лабильности.

Ключевые слова: курсанты-спортсмены; индивидуально-типологические особенности личности; интроверсия; экстраверсия; сензитивность; спонтанность; тревожность; стеничность; эмотивность; ригидность.

Individually-typological features of universities athletes of the Federal Penal Service of Russia, specializing in various types of martial arts

A.A. ZHARKIH – Associate Professor of the Department of General Psychology of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology;

N.V. ANKUDINOV – Head of the Department of Physical Training and Sports Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor;

D.G. DENISOV – Head of the Department of Physical Training of Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor

The article deals with the results of the study of individual-typological features of the personality of students-athletes, specializing in various types of martial arts, and it is concluded that in order to achieve efficiency in these sports there are required the following individual-typological characteristics: expression of introversion, the sensitivity and individualistic, the absence of bright extroversion and emotional lability.

Key words: students-athletes; individually-typological features of the personality; introversion; extraversion; sensitivity; spontaneity; anxiety; emotiveness; rigidity.

В правоохранительных органах Российской Федерации в качестве наиболее востребованных видов спортивной деятельности выступают различные виды единоборств. Не является исключением и уголовно-исполнительная система, в которой общее число спортсменов-единоборцев существенно превосходит количество представителей других видов спорта. Такая популярность объясняется тем, что единоборства составляют основу для боевых приемов борьбы, являющихся основными служебно-прикладными упражнениями, применяемыми сотрудниками уголовно-исполнительной системы¹. Эффективное применение боевых приемов борьбы зависит не только от уровня физической подготовленности, но и от психологических особенностей сотрудника². Индивидуально-типологические характеристики личности спортсменов-единоборцев являются базой для развития ведущих психических качеств, описываемых в отечественной научной литературе как необходимые сотрудникам уголовно-исполнительной системы для успешного освоения служебно-прикладных упражнений. В этой связи представляется актуальным исследование индивидуально-типологических особенностей личности курсантов-спортсменов ФСИН России, специализирующихся в различных видах единоборств.

Рассматривая единоборства, следует отметить, что с ростом спортивного мастерства особое значение приобретает оценка личностных и психических качеств спортсмена. В обстановке острой напряженной спортивной борьбы равных по силе, технико-тактической и физической подготовке соперников победы добивается тот, кто имеет лучшую морально-волевую и психологическую подготовку. На этапе спортивного совершенствования при общем увеличении объема специальной работы психологическая подготовка является не менее важным критерием роста спортивного мастерства, чем физическая и техническая подготовлен-

ность. Психологическая работа со спортсменами более эффективна при учете их индивидуально-типологической предрасположенности, она влияет на тренировочный процесс и соревновательную деятельность (А.Н. Крестников (1951), Н.В. Зимкин (1956), М.Г. Амилахвари (1962), Б.М. Теплов (1964), В.А. Вяткина (1974), П.Г. Русинов (1976), В.А. Данилов (1977), Г.Г. Илларионов (1978), В.А. Сальников (1981), В.И. Гончаров (1984), Ю.В. Лубкин (1984), М.В. Приставкина (1984), А.Р. Ширинов (1988), В.Д. Небылицин (1990), В.П. Рыбчинский (2000), А.Н. Капустина и др.) и может выступать в качестве факторов, способствующих максимальной реализации спортивного потенциала (В.И. Баландин (1986), Л.К. Серова (1999), О.В. Романова (2009), Е.П. Ильин (2012), Д.Р. Закиров (2013) и др.) и препятствующих достижению высоких спортивных результатов (А.Ц. Пуни (1973), Л.Д. Гиссен (1990) и др.).

По мнению Е.П. Ильина, индивидуально-типологическая predisпозиция составляет нейродинамический уровень пригодности спортсменов³.

Теоретической основой изучения индивидуально-типологических особенностей курсантов-единоборцев вузов ФСИН России нами была выбрана теория ведущих тенденций Л.Н. Собчик, согласно которой индивидуально-типологическую базу составляют восемь ведущих тенденций, сгруппированных по парам: интроверсия – экстраверсия, сензитивность – спонтанность, тревожность – агрессивность, ригидность – лабильность (рис.). Перечисленные критерии исходят из свойств нервной системы и гормонального статуса индивида, влекут за собой определенные способы реагирования, эмоциональные и социально-психологические особенности. Изучение выраженности ведущих тенденций является значимым для отбора в группы спортивного совершенствования, специализирующихся в единоборствах, поскольку он представля-

ет собой многокомпонентную сложившуюся систему учета психологических свойств и возможностей спортсмена. Кроме того, психологическая составляющая подготовки спортсмена имеет существенное значе-

ние для более эффективного выбора стиля спортивной деятельности, методов психологического воздействия во время тренировочного процесса и ответственных соревнований.

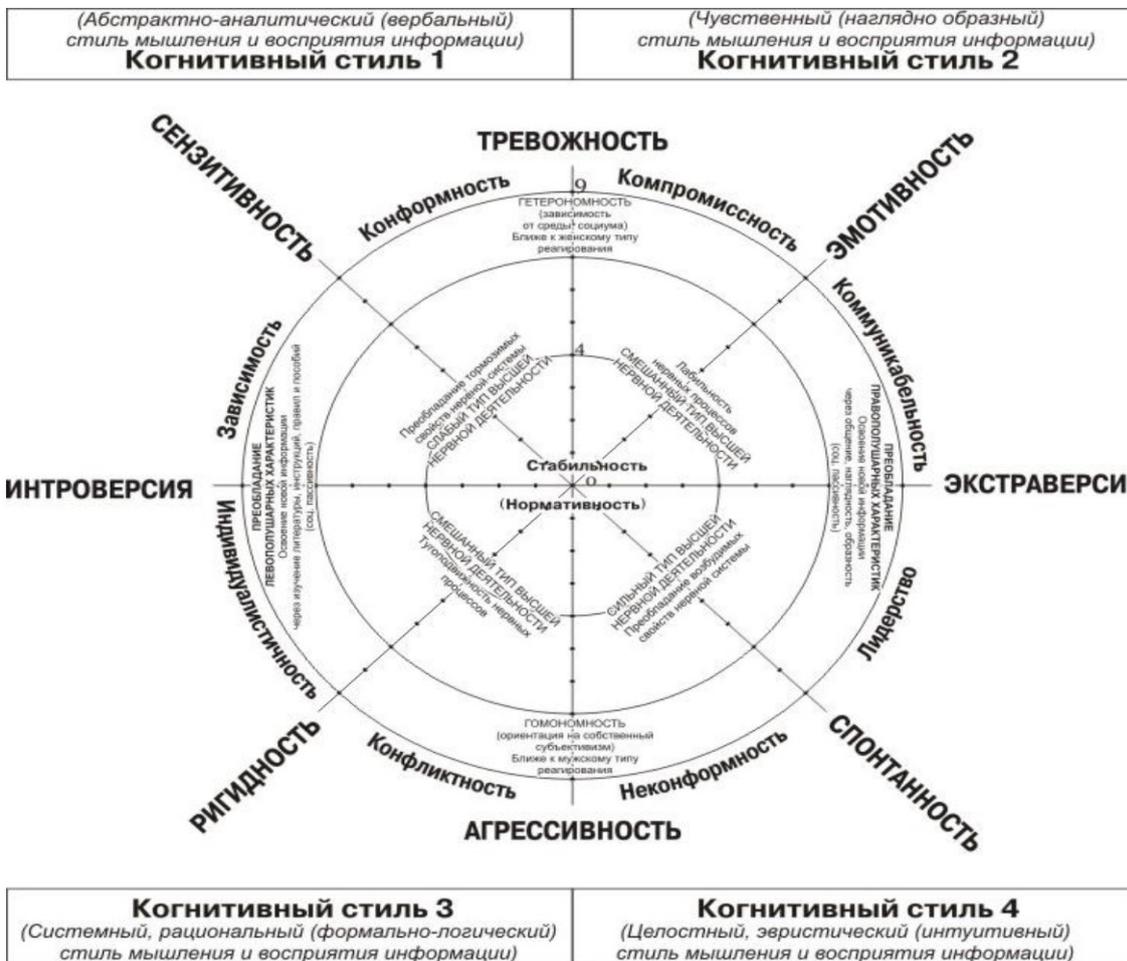

Рис. Типология индивидуально-типологических особенностей с позиций теории ведущих тенденций Л.Н. Собчик

В 2015 г. на базе научно-исследовательской лаборатории диагностических и оздоровительных технологий Академии ФСИН России проводилось психодиагностическое исследование индивидуально-типологических особенностей личности курсантов-спортсменов, специализирующихся в различных видах единоборств⁴. В обследовании приняли участие 83 чел., задействованные в группах спортивного совершенствования. Испытуемые были определены в две группы. В первую (основную) группу вошли спортсмены квалификации мастера спорта России и мастера спорта России международного класса – победители и призеры всероссийских и международных соревнований в количестве 17 чел. Вторая (контрольная) группа состояла из единобор-

цев в количестве 66 чел. квалификации до кандидата в мастера спорта включительно. Такое распределение спортсменов по группам объясняется незначительным процентом спортсменов высокой квалификации (победителей и призеров) по отношению к общему числу курсантов-единоборцев.

Перед исследованием была поставлена задача выявить индивидуально-типологические особенности высококвалифицированных курсантов-спортсменов с целью дальнейшего психологического сопровождения курсантов-единоборцев в вузах ФСИН России.

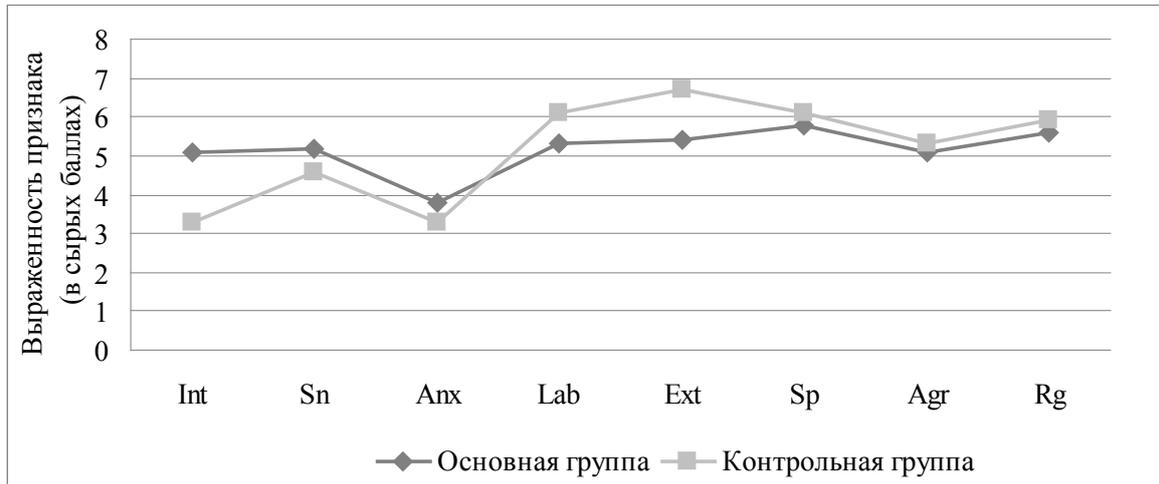
Исследование проводилось с использованием методов наблюдения, беседы, экспертной оценки. Тестирование осуществлялось по методикам Л.Н. Собчик

«Индивидуально-типологический опросник» (ИТО) и «Стандартизированный многофакторный метод исследования личности» (СМИЛ)⁵.

На диаграмме представлены параметры, по которым выявлены значимые различия ($p < 0,05$), полученные в ходе применения методики «Индивидуально-типологический опросник».

Диаграмма

Усредненный профиль по методике «Индивидуально-типологический опросник» курсантов-спортсменов основной и контрольной групп, специализирующихся в единоборствах (Int – интроверсия; Sn – сензитивность; Anx – тревожность; Lab – лабильность; Ext – экстраверсия; Sp – спонтанность; Agr – агрессивность; Rg – ригидность)

Курсанты основной группы имеют менее выраженные значения по шкале экстраверсии (5,4) в сравнении с курсантами контрольной группы (6,7). Такое различие, по нашему мнению, объясняется тем, что невысокая степень выраженности экстраверсии позволяет в меньшей степени расходовать психическую энергию на окружающих и способствует концентрации внимания и мобилизации. При этом экстраверсия не должна быть выражена ниже определенного уровня, поскольку необходима для эффективного противодействия противнику во время со-

ревновательной схватки, в совокупности с сензитивностью составляя «чувство среды».

Курсанты основной группы также имеют более высокие значения по шкале интроверсии (5,1), чем курсанты контрольной группы (3,3), что, на наш взгляд, благоприятствует высокой психической концентрации при ведении боя.

Результаты исследования по методике «Стандартизированный многофакторный метод исследования личности» показали значимые различия ($p < 0,05$) следующих параметров (табл.).

Название шкалы	Основная группа	Контрольная группа
Сверхконтроль	14,2	14,1
Пессимистичность	19,9	19,1
Эмоциональная лабильность*	16,3	18,1
Импульсивность	22	22,7
Мужественность – женственность	22,1	20,3
Ригидность	8,6	8,4
Тревожность	26,2	25,2
Индивидуалистичность*	27,5	25,4
Оптимистичность	23,5	23,2
Социальная интроверсия*	30,0	25,5

* – различия статистически достоверны на уровне значимости $p < 0,05$.

По шкале сензитивности курсанты основной группы имеют значимые различия (5,2) в сравнении с курсантами контрольной груп-

пы (4,6), что, на наш взгляд, позволяет лучше чувствовать противника, предугадывать его тактические замыслы на основе «считы-

вания» различных индикаторов поведения (мимика, движения), что является актуальным при ведении боя.

Как и в первом исследовании по методике «Индивидуально-типологический опросник», курсанты основной группы показали более выраженную интроверсию (30,0), чем представители контрольной группы (25,5).

Кроме того, выявлены значимые различия между курсантами основной и контрольной групп по шкале эмоциональной лабильности. При этом эмоциональная лабильность в большей степени выражена у курсантов контрольной группы (18,1) в сравнении с курсантами основной группы (16,3). Менее выраженные значения эмоциональной лабильности, вероятно, благоприятствуют стрессоустойчивости, меньшим эмоциональным затратам во время соревнований и реакциям на судейский фактор. Это способствует большей концентрации внимания, поскольку слишком сильные эмоциональные проявления становятся помехами при ведении боя и негативно влияют на спортивный результат. К аналогичным выводам приходит А.Н. Капустин, констатирующий, что в соревновательной деятельности по сравнению с тренировочным процессом ухудшается качество выполнения упражнений у спортсменов, характеризующихся тревожностью, эмоциональной возбудимостью и ригидностью⁶. Однако следует отметить, что лабильность все же должна

присутствовать на уровне средней выраженности для моментального реагирования на действия противника. Так, с точки зрения Д.Р. Закирова, подвижность нервной системы, позволяющая быстро реагировать на действия соперника и эффективно использовать быструю смену ситуации, является одним из ведущих факторов успешной деятельности в спортивной борьбе⁷.

Проведенное исследование показало, что курсанты основной группы имеют более выраженную индивидуалистичность (28,2) в сравнении с курсантами контрольной группы (25,3). На наш взгляд, нестандартность мышления, являющаяся проявлением индивидуалистичности, способствует успешному ведению боя, поскольку предполагает нестандартность поведения, что сбивает тактику ведения боя противником.

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать выводы о том, что для большей эффективности в единоборствах спортсменам необходимы следующие индивидуально-типологические характеристики: выраженность интроверсии, сензитивности и индивидуалистичности, отсутствие яркой экстравертированности и эмоциональной лабильности.

Полученные в ходе исследования данные будут использоваться при подготовке методических рекомендаций по психологическому сопровождению курсантов-спортсменов вузов ФСИН России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Наставление по физической подготовке (НФП-2001) сотрудников уголовно-исполнительной системы.

² См.: Физическая подготовка в учреждениях высшего профессионального образования: Учеб. пособие: В 2 ч. Рязань, 2014.

³ См.: Ильин Е.П. Психология спорта. СПб., 2012. С. 117–118.

⁴ См.: Анкудинов Н.В., Жарких А.А., Трунтягин А.А. Психологические особенности курсантов-спортсменов // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3 (90) С. 200–205.

⁵ См.: Собчик Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб., 2008. С. 64–71.

⁶ См.: Ильин Е.П. Психология спорта.

⁷ См.: Закиров Д.Р. Психологическая подготовка борцов различного темперамента на предсоревновательном этапе подготовки: Дис. ... канд. пед. наук. Набережные Челны, 2013.

¹ См.: Наставление по физической подготовке (НФП-2001) сотрудников уголовно-исполнительной системы.

² См.: Физическая подготовка в учреждениях высшего профессионального образования: Учеб. пособие: В 2 ч. Рязань, 2014.

³ См.: Ильин Е.П. Психология спорта. СПб., 2012. С. 117–118.

⁴ См.: Анкудинов Н.В., Жарких А.А., Трунтягин А.А. Психологические особенности курсантов-спортсменов // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3 (90) С. 200–205.

⁵ См.: Собчик Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб., 2008. С. 64–71.

⁶ См.: Ильин Е.П. Психология спорта.

⁷ См.: Закиров Д.Р. Психологическая подготовка борцов различного темперамента на предсоревновательном этапе подготовки: Дис. ... канд. пед. наук. Набережные Челны, 2013.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 796.011:378:343.8

Характеристики физической подготовленности абитуриентов, поступивших в образовательные организации ФСИН России, и психофункционального состояния курсантов в процессе профессиональной подготовки

Г.Н. САУНИНА – преподаватель кафедры служебно-боевой подготовки ВИПЭ ФСИН России;

А.П. МАТВЕЕВ – профессор кафедры теории физической культуры и оздоровительных технологий Российского государственного социального университета, доктор педагогических наук

В статье рассматриваются результаты проведенного на базе ВИПЭ ФСИН России исследования сравнительных характеристик показателей физического развития и физической подготовленности абитуриентов и курсантов первого и третьего курсов.

Ключевые слова: физическая подготовленность; абитуриенты; курсанты образовательных учреждений ФСИН России; физическое развитие; физическая подготовленность.

Features of physical training of students enrolled in educational institutions of the Federal Penal Service of Russia and psycho-functional state of cadets during professional training

G.N. SAUNINA – Lecturer of the Department of Physical and Combat Training of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia;

A.P. MATVEEV – Professor of the Department of Theory of Physical Education and Health Technologies of the Russian State Social University, Dsc. in Pedagogics

The article deals with the results of the on the basis of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia conducted study of comparative indicators of physical state and physical training of matriculants and cadets of the first and third courses.

Key words: physical fitness; matriculants; students of educational institutions of the Federal Penal Service of Russia; physical development; physical training.

В ведомственных вузах ФСИН России одним из важных направлений образовательного процесса является развитие физической подготовленности курсантов. В данной статье мы попытаемся рассмотреть проблему физической подготовленности абитуриентов и кур-

сантов первого и третьего курсов ВИПЭ ФСИН России (2008–2010 годы поступления).

В начале исследования нами было проведено тестирование физической подготовленности курсантов первого года обучения (табл. 1).

Таблица 1
Показатели физического развития и физической подготовленности курсантов ВИПЭ ФСИН России первого курса в начале обучения

№	Показатели	Курсанты первого курса
1	Длина тела (м)	1,77±0,01
2	Масса тела (кг)	70,72±1,72
3	Жизненная емкость легких (л)	3,78±0,12
4	Бег 100 м (с)	14,00±0,08
5	Бег 1000 м (мин, с)	3,28±0,02
6	Бег 3000 м (мин, с)	12,12 ±0,12
7	Подтягивание из виса на высокой перекладине (кол-во раз)	12 ±0,62
8	Прыжок в длину с места (м, см)	2,21±0,03
9	Проба Ромберга (статическое равновесие, с)	0,34±0,05
10	Наклон вперед (проба на гибкость, см)	7,76±1,77
11	Динамометрия (сила правой кисти, кг)	55,82±2,14
12	Динамометрия (сила левой кисти, кг)	54,08±1,73

Учитывая то, что первокурсники являются вчерашними старшеклассниками, мы сравнили их показатели с нормативами физиче-

ской подготовки, предусмотренным школьной программой по физической культуре для учащихся 10–11 классов (табл. 2).

Таблица 2
Требования по физической подготовленности к учащимся старшего школьного возраста (по В.И. Лягу¹)

Физические способности	Физические упражнения	Показатели обучаемых
Скоростные	Бег 30 м (с) Бег 100 м (с)	5,0 14,3
Силовые	Подтягивание из виса на высокой перекладине (кол-во раз) Прыжок в длину с места (см)	10 215
Выносливость	Кроссовый бег на 3000 м (мин, с)	13,50

Проведенный сравнительный анализ показателей, представленных в табл. 1 и 2, позволил заключить, что по скоростным характеристикам курсанты ВИПЭ ФСИН России не превосходят требования, устанавливаемые для учащихся старшей школы, а по силовым характеристикам и выносливости превышают предусмотренные нормативы. Отсюда следует, что большинство абитуриентов, поступающих в образовательные организации ФСИН России, имеют физическую подготовленность на уровне требований школьной программы по физической культуре, а значит, способны усваивать учебный материал программы по профессионально-прикладной физической подготовке.

Высказанное предположение мы дополнительно проверили путем сравнения по-

лученных в нашем исследовании данных о физической подготовленности абитуриентов, поступавших в ВИПЭ ФСИН России в 2008–2010 гг. и 2003–2005 гг. Данные, представленные в табл. 3, показывают, что абитуриенты 2003–2005 гг. существенно уступают по своим показателям как требованиям современной школьной программы по физической культуре, так и показателям курсантов, принявшим участие в нашем исследовании. А так как показатели низкие, часть абитуриентов не поступила.

Проведенные расчеты позволили установить, что отмеченное отставание абитуриентов 2003–2005 гг. от абитуриентов 2008–2010 гг. находится по показателям скорости в диапазоне 15–19%, силы – 35–75%, выносливости – 12–16%.

Таблица 3

Показатели физической подготовленности абитуриентов ВИПЭ ФСИН России набора 2003–2005 гг.

Год	n	Физические упражнения					
		Бег 100 м (с)		Бег 3000 м (мин, с)		Подтягивание (раз)	
		М	+ m	М	+ m	М	+ m
2003	240	16,40	0,13	15,34	0,09	5,76	0,14
2004	412	15,81	0,06	14,37	0,03	8,11	0,19
2005	302	16,01	0,06	14,50	0,06	7,46	0,21

Рассмотренные выше данные позволяют сделать вывод, что принятые на первый курс курсанты ВИПЭ ФСИН России (2008–2010 годов набора) существенно превосходят своих сверстников 2003–2005 годов набора по показателям развития основных физических качеств: наиболее и наименее по показателям качества выносливости.

Результаты этой части нашего исследования свидетельствуют о достаточной физической подготовленности современных абитуриентов, поступающих в образовательные организации ФСИН России. При этом фиксируемый уровень отдельных показателей, с одной стороны, находится в границах физической подготовленности, устанавливаемых нормативными требованиями школьной программы, а с другой – существенно превосходит уровень абитуриентов прошлых наборов. Из этого следует, что острой необходимости в усилении физической подготовки, связанной с раз-

витием базовых физических качеств, у современных первокурсников, как это было в предшествующие годы, нет. С учетом этого мы предположили, что объем времени и состав средств, представленные в действующих рабочих программах по физической культуре, могут быть сохранены и не подвергаться значительной коррекции.

Кроме этого, нами изучались активность психических процессов и резервные возможности организма курсантов в условиях освоения ими основ будущей профессиональной деятельности, а также формирования психических свойств, входящих в структурную организацию профессионально значимых качеств сотрудников уголовно-исполнительной системы.

В табл. 4 представлены показатели активности основных психических процессов у курсантов первого и третьего годов обучения.

Таблица 4

Показатели активности психических процессов у курсантов ВИПЭ ФСИН России первого и третьего годов обучения

№	Показатели	1 курс (25 чел.)	3 курс (25 чел.)
1	Оперативная память (баллы)	35,52±1,21	32,33±1,16
2	Образная память (баллы)	11,19±0,61	9,57±0,91
3	Устойчивость внимания (кол-во знаков/ кол-во ошибок)	1643/3,1±74,5/0,81	1612/3,5±46,7/0,67

Из данных таблицы видно, что от первого к третьему курсу все исследуемые показатели ухудшаются в своих значениях. При этом отмечаемое снижение показателей оперативной и образной памяти является достоверным; снижение по первому показателю составляет около 10%, а по второму – около 17% ($p < 0,05$). Если учесть, что измерение показателей психических процессов и у первокурсников, и у третьекурсников проводилось нами параллельно в начале учебного года в одно и то же время, то можно предположить, что наблюдаемое ухудшение является результатом развития хронического утомления к третьему году обучения в ведомственном вузе.

Резервные возможности организма курсантов анализировались нами с помощью экспресс-тестов, которые позволяют судить о лабильности ЦНС («Теппинг-тест»²), возбудимости симпатического отдела вегетативной нервной системы («Ортостатическая проба»³), функциональных возможностях дыхательной системы («Проба Штанге – Генча»⁴).

В табл. 5 представлены результаты исследования резервных возможностей организма курсантов первого и третьего годов обучения. Так, у старшекурсников существенно улучшается лабильность центральной нервной системы. Количество циклов возбуждения в единицу времени повышает-

ся у них с 49 до 64 движений, что выше, чем у первокурсников. Возбудимость симпатического отдела вегетативной нервной системы одинакова у курсантов обоих курсов и находится в границах нормы. Резервные

возможности дыхательной системы достигают относительно высокого уровня как у первокурсников, так и у третьекурсников и несколько превышают значения среднего уровня.

Показатели резервных возможностей организма курсантов ВИПЭ ФСИН России первого и третьего годов обучения

Таблица 5

№	Показатели	1 курс	3 курс
1	«Теппинг-тест» (кол-во раз)	49,43±1,65	54,11±4,45
2	Ортостатическая проба (уд./мин) Л С	68,41±1,75 77,93±2,65	67,6±1,72 74,40±1,74
3	Проба Штанге (мин)	0,96±0,07	10,08±0,07
4	Проба Генча (мин)	0,40±0,04	0,40±0,04

Таким образом, резервные возможности организмов курсантов в процессе их обучения меняются незначительно и находятся на уровне средних значений.

В табл. 6 представлены результаты исследования качественных психических характеристик курсантов первого и третьего

курсов, зафиксированные на начало учебного года. В этих целях был использован компьютерный комплекс экспресс-диагностики «Диакомс»⁵, позволяющий оценить состояние здоровья человека с помощью электропунктурного измерения 24 активных точек.

Качественные психические характеристики курсантов ВИПЭ ФСИН России первого и третьего годов обучения (в условных единицах)

Таблица 6

№	Показатели	1 курс (25 чел.)	3 курс (25 чел.)
1	Психическая напряженность (Н)	6	9
2	Конфликтность (К)	8	14
3	Агрессивность (А)	28	27
4	Межличностная тревожность (М)	45	33
5	Самооценочная тревожность (Т)	28	27
6	Склонность к фобиям (Ф)	45	40
7	Истощение ЦНС (И)	35	40
8	Возбуждение ЦНС (В)	37	32
9	Адаптационные свойства (Д)	61	33
10	Психическая активность (П)	7	13
11	Интеллектуальная активность (О)	75	10
12	Адаптационный синдром (С)	32	33
13	Снижение мотивации к обучению (У)	48	14

Приведенные в табл. 6 данные помогают оценить динамику психологических состояний человека за период 3-летнего обучения. Так, психическая напряженность (Н) от первого к третьему курсу на начало учебного года уменьшается, но при этом находится в границах нормы (табл. 7). Также снижаются межличностная тревожность (М), склонность к фобиям (Ф), адаптационные свойства (А), интеллектуальная активность (О) и мотива-

ция к обучению (У). Последнее, в отличие от других показателей, характеризующих снижение напряженности психофизических процессов курсантов, отражает повышение интереса к будущей профессиональной деятельности. В то же время остальные исследуемые показатели практически остались без изменения, располагаясь либо в рамках нормы, либо входя в зону риска первой или второй степени (табл. 7).

Распределение качественных психических характеристик курсантов ВИПЭ ФСИН России первого и третьего годов обучения по группам риска (в условных единицах)

№	Показатели	1 курс (25 чел.)				3 курс (25 чел.)			
		Норма	Риск первой степени	Риск второй степени	Риск третьей степени	Норма	Риск первой степени	Риск второй степени	Риск третьей степени
1	Психическая напряженность (Н)	+				+			
2	Конфликтность (К)	+				+			
3	Агрессивность (А)		+				+		
4	Межличностная тревожность (М)			+			+		
5	Самооценочная тревожность (Т)		+				+		
6	Склонность к фобиям (Ф)			+			+		
7	Истощение ЦНС (И)		+				+		
8	Возбуждение ЦНС (В)		+				+		
9	Адаптационные свойства (Д)			+		+			
10	Психическая активность (П)	+				+			
11	Интеллектуальная активность (О)				+	+			
12	Адаптационный синдром (С)		+			+			
13	Мотивация к обучению (У)			+		+			

Из данных табл. 7 видно, что если в начале обучения уровень активности некоторых характеристик попадает в зону риска, то к началу обучения на третьем курсе он смещается в зону «норма». Это прежде всего такие психические характеристики, как межличностная тревожность, адаптационные свойства, интеллектуальная активность, адаптационный синдром и снижение мотивации к обучению. Однако агрессивность, тревожность, истощение и возбуждение центральной нервной системы, склонность к фобиям и снижение психической активности сохраняются в зоне риска первой степени.

Таким образом, результаты анализа показателей качественных психических характеристик позволяют судить об относительно высокой напряженности психофизических качеств курсантов при поступлении в образовательные организации ФСИН России.

Не менее важным является анализ изменения показателей психических характеристик в процессе учебного года (табл. 8). Так, к концу учебного года у курсантов как первого, так и третьего года обучения напряженность по одним показателям возрастает, по другим снижается. При этом векторы изме-

нения уровней активности на первом и третьем году обучения могут не совпадать. Так, психическая напряженность (Н) и конфликтность (К) за учебный год усиливается и у первокурсников, и у третьекурсников, что обуславливает снижение требовательности к своему поведению и поступкам. В то же время уровень тревожности у них снижается (М). Также ослабевают склонность к фобиям (Ф), истощение (И) и возбуждение (В) ЦНС, адаптационный синдром (С). Другие характеристики носят разновекторную направленность: на первом курсе наблюдается их снижение, а на третьем – повышение и наоборот. Так, например, напряженность адаптационных характеристик на первом курсе от начала к концу учебного года снижается, что свидетельствует об улучшении адаптационных процессов, в частности к учебной деятельности. Однако на третьем курсе, наоборот, возрастает, что свидетельствует об ухудшении адаптационных процессов, что, возможно, связано с напряжением образовательного процесса. Также к окончанию третьего курса отмечается снижение интереса курсантов к процессу профессионального образования.

Таблица 8
Изменение показателей качественных психических характеристик у курсантов ВИПЭ ФСИН России от начала к окончанию учебного года

№	Показатели	1 курс (25 чел.)		3 курс (25 чел.)	
		Начало года	Конец года	Начало года	Конец года
1	Психическая напряженность (Н)	16	23	9	22
2	Конфликтность (К)	8	14	7	13
3	Агрессивность (А)	28	18	27	50
4	Межличностная тревожность (М)	45	28	33	23
5	Самооценочная тревожность (Т)	28	35	27	33
6	Склонность к фобиям (Ф)	45	23	40	26
7	Истощение ЦНС (И)	35	31	40	33
8	Возбуждение ЦНС (В)	37	23	32	20
9	Адаптационные свойства (Д)	61	43	33	60
10	Снижение психической активности (П)	7	27	13	20
11	Интеллектуальная активность (О)	75	55	10	37
12	Адаптационный синдром (С)	32	7	33	13
13	Снижение мотивации к обучению (У)	48	14	14	40

Результаты исследования свидетельствуют о достаточно высоком напряжении в деятельности основных систем организма курсантов ВИПЭ ФСИН России во время обучения будущей профессии. Подобное напряжение сопровождается снижением интереса курсантов к учебной деятельности, повышенной агрессивностью и конфликтностью. Вследствие этого появляется задача по профилактике негативных явлений, возникающих в психической и физической сферах обучающихся, нивелированию их развития и закреплению на положительном уровне на протяжении всего периода обучения в вузе. В качестве решения обозначенной проблемы может быть предложена включенность дополнительных эффективных профилактических средств в содержание занятий физической культурой, а также непосред-

ственно структурная организация ее оздоровительных форм, активно содействующая оптимизации учебной деятельности за счет стабилизации уровня работоспособности и скорости восстановительных процессов.

Таким образом, проведенное исследование по изучению характеристик физической подготовленности абитуриентов, поступивших в образовательные организации ФСИН России, и психофункционального состояния курсантов в процессе освоения основ профессиональной деятельности позволило прийти к заключению о необходимости совершенствования содержания профессионально-прикладной физической подготовки в направлении профилактики психических напряжений, вызываемых содержанием и режимом учебной деятельности в ведомственном вузе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лях В.И., Зданевич А.А. Физическая культура (базовый уровень): 10–11 кл.: Учеб. пособие. М., 2013. С. 35.

² См.: Никитушкин В.Г. Теория и методика юношеского спорта: Учеб. для студентов высших учеб. заведений по направлению «Физическая культура и спорт». М., 2010. С. 98.

³ См.: Ранцев Г. Требования к физической подготовленности сотрудников УИС // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2008. № 12. С. 24–26.

⁴ См.: Зезюлин Ф.М. Физическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы: Моногр. Владимир, 2006. С. 75.

⁵ См.: Шнарбаев Б. Современные подходы к подготовке специалистов уголовно-исполнительной системы в соответствии с международными стандартами. М., 2011. С. 19–21.

¹ См.: Лях В.И., Зданевич А.А. Физическая культура (базовый уровень): 10–11 кл.: Учеб. пособие. М., 2013. С. 35.

² См.: Никитушкин В.Г. Теория и методика юношеского спорта: Учеб. для студентов высших учеб. заведений по направлению «Физическая культура и спорт». М., 2010. С. 98.

³ См.: Ранцев Г. Требования к физической подготовленности сотрудников УИС // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2008. № 12. С. 24–26.

⁴ См.: Зезюлин Ф.М. Физическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы: Моногр. Владимир, 2006. С. 75.

⁵ См.: Шнарбаев Б. Современные подходы к подготовке специалистов уголовно-исполнительной системы в соответствии с международными стандартами. М., 2011. С. 19–21.

УДК 37.035.3+343.843(430.1)

Опыт трудового воспитания и социальной адаптации осужденных в Баварии (ФРГ)

О.М. ЧЕРНЫШЕВА – доцент кафедры русского и иностранных языков ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

В статье рассматривается опыт трудового воспитания, ресоциализации и пост-пенитенциарной поддержки осужденных в уголовно-исполнительной системе Баварии. Дается обзор отдельных проектов по интеграции на рынке труда осужденных, освобождающихся из мест заключения.

Ключевые слова: трудовое воспитание; социальная адаптация; осужденные; лица, освобожденные из мест лишения свободы; трудовая повинность; профессиональное обучение; менеджмент переходного периода; проекты интеграции на рынке труда.

Experience of labor education and social adaptation of convicts in Bavaria (Germany)

O.M. CHERNYSHEVA – Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Philology, Associate Professor, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation

The article deals with the experience of labor education, resocialization and post-penitentiary support prisoners in the penal system in Bavaria. There is a review of projects on the labor market for integration convicts released from penal institutions.

Key words: labor education; social adaptation; convicts; persons released from prison; labor service; vocational training; transition management; integration projects on the labor market.

Произошедшие в последние несколько лет изменения социальной и финансово-политической ситуации в ФРГ заметно отразились на работе учреждений исполнения наказаний. К тому же с 2006 г. вопросы отбывания наказаний перешли исключительно в ведение федеральных земель, и эта реформа привела к еще большим различиям как в основных видах деятельности самих пенитенциарных учреждений, так и в деятельности соответствующих служб и независимых организаций помощи осужденным. Об этом говорилось, в частности, в отчете состоявшейся в 2013 г. во Франкфурте научной конференции на тему «Менеджмент подготовки к освобождению из заключения и менеджмент переходного периода»¹.

Прозвучавшие на конференции доклады представителей Общегерманского специализированного объединения по социальной

работе, уголовному праву и уголовной политике, Криминологической службы земли Северный Рейн-Вестфалия, Министерства юстиции Гессена и Баварского земельного объединения попечения о заключенных и помощи условно осужденным явственно продемонстрировали, как по-разному в федеральных землях организуются подготовка к освобождению и помощь освобожденным из заключения в сложный для них период перехода к самостоятельной жизни на свободе. При этом и в докладах специалистов, и в дискуссии прослеживался важный тезис: менеджмент подготовки к освобождению и переходного периода – это не просто задача испытываемого под опеку соответствующих органов или независимых организаций помощи осужденным. Стратегии действий в менеджменте переходного периода стали более основательными и все более фо-

кусируются на интеграции испытуемого в профессиональном отношении. Из представленных на конференции итогов практической деятельности специалистов по ресоциализации можно сделать однозначный вывод: главной целью этой работы является интеграция бывшего осужденного на рынке труда.

В этой связи уместно привести некоторые данные по модельному проекту MABIS, осуществленному под кураторством ученых несколько лет назад в учреждениях исполнения наказаний в земле Северный Рейн-Вестфалия:

- из испытуемых, не получивших в заключении никакой профессиональной квалификации и оставшихся после освобождения безработными, 90% снова совершили преступление и были осуждены к лишению свободы;

- бывшие заключенные, даже прошедшие профессиональное обучение, но не нашедшие себе на воле работу, показали 80-процентный уровень рецидивов;

- для осужденных, успешно прошедших профессиональную подготовку в период заключения и имевших соответствующую работу после освобождения, этот уровень составил только 32,8%².

В принятых федеральными землями новых законах об исполнении наказаний, несмотря на их различия, особый акцент делается на необходимости воспитания осужденных молодого возраста. Осужденные обязаны сотрудничать в выполнении так называемого «задания по воспитанию» (*Erziehungsauftrag*), и среди первых ключевых слов здесь называется труд. В трудовое воспитание и профессиональную подготовку несовершеннолетних и молодых осужденных, целью которых является подготовка к будущей самостоятельной и честной жизни правопослушного гражданина, инвестируются значительные суммы.

В последнее десятилетие в Германии был осуществлен ряд крупных проектов по трудовой и социальной адаптации осужденных в период отбывания наказания в виде лишения свободы и в постпенитенциарный период, например: проект «Шанс» в Баден-Вюртемберге, проект «RESI» в Кельне, «Независимая Берлинская помощь (добровольные помощники)», проект «JustuS» в Гамбурге³. За основу была взята хорошо зарекомендовавшая себя в странах Северной Европы концепция «сквозного оказания помощи», по которой подготовка к трудному постпенитенциарному периоду происходит

еще во время отбывания наказания, а после освобождения осужденный получает сопровождение в виде единой сети поддерживающих и контролируемых мероприятий.

Результаты этих проектов, а также остающаяся не вполне благополучной ситуация с рецидивной преступностью, особенно в первые 6 месяцев после освобождения, подтвердили правоту слов профессора Франка Арлота, министра-директора Баварского земельного министерства юстиции и защиты интересов потребителей, сказанных им еще в 2009 г. на конференции в Диаконии Баварии: «Ясно одно: даже очень хорошая работа с осужденным в период отбывания наказания, с лучшими результатами обучения и терапии, может быть быстро сведена к нулю, если поддерживающий тюремный корсет ломается в одночасье после выхода на свободу. Вышедший на волю осужденный и после освобождения остро нуждается в компетентных и надежных контактных лицах, к которым он испытывает доверие и которые помогают ему справиться с многообразными задачами и новыми впечатлениями, ожидающими его на свободе»⁴. Бывшего заключенного ожидает ненадежный, нестабильный социальный прием. К этому часто добавляются неуверенность из страха перед стигматизацией как «экс-зека», недостаточная самостоятельность, отсутствие работы, жилья и позитивных социальных контактов, долги или проблемы с наркозависимостью. Одним словом, осужденному нужен «мост» для перехода на свободу, каковым и должен стать менеджмент переходного периода.

Система ресоциализации и социальной адаптации осужденных, как считают немецкие эксперты, имеет ряд существенных структурных недостатков. В частности, цели уголовно-исполнительной политики и общественно-политические типовые условия на федеральном и земельном уровне все меньше согласуются между собой. Начавшаяся в ФРГ в 2006 г. реформа федерализма еще больше укрепила эту тенденцию⁵. Принятые в федеральных землях собственные законы об исполнении наказаний и практика их применения наглядно демонстрируют существенные концептуальные различия в данном вопросе.

Рамки статьи не позволяют дать обзор ситуации в разных федеральных землях ФРГ. Остановимся на актуальном опыте богатой и политически влиятельной Баварии.

В баварской системе исполнения наказаний придерживаются того принципа, что

ресоциализация осужденного является центральной задачей на протяжении всего тюремного срока. Подготовка осужденного к освобождению начинается фактически в первый же день заключения⁶.

В мероприятиях по социальной реинтеграции большое значение придается регулярному труду. В Баварском законе об исполнении наказаний 2007 г. сказано, что осужденным с учетом их способностей, навыков и склонностей должна предоставляться экономически эффективная работа (п. 1 ч. 2 ст. 39)⁷. В связи с этим неизменной составной частью программ баварских пенитенциарных учреждений являются достаточно обширные, соответствующие современным требованиям рынка предложения по труду, профессиональному обучению и повышению квалификации. Развитие у осужденных привычки к жизни, построенной на собственном труде, является решающей предпосылкой для социальной адаптации после освобождения. И поэтому осужденные обязаны трудиться⁸. В первую очередь это касается лиц молодого возраста.

В целях незамедлительной трудовой интеграции осужденных органы, ведающие вопросами отбытия наказания в Баварии, поддерживают контакты с торгово-промышленными палатами, ремесленными палатами, профессиональными объединениями ремесленников и частными учреждениями образования. В рамках этого сотрудничества проходит посещение тюрем представителями ремесленных палат и объединений ремесленников. Пенитенциарные учреждения ищут также возможности контактов с предприятиями свободной экономики.

Большое значение в баварской системе исполнения наказаний придается связям с внешними службами и организациями. Баварский закон об исполнении наказаний (п. 2 ст. 175) предусматривает тесное сотрудничество пенитенциарных учреждений с ведомствами, объединениями независимой благотворительной помощи, обществами и лицами (в том числе работающими на добровольных началах), влияние которых может содействовать ресоциализации бывших осужденных.

Тюрьмы обязаны как можно раньше, особенно в отношении опасных осужденных, устанавливать контакт со службами probation, инспекциями, надзорными органами и организациями поддержки лиц, отбывших наказание, которым предстоит взять на себя заботу об осужденных после их освобождения. Это важно, чтобы в случае необхо-

димости целенаправленно подключать их к процессу подготовки к освобождению (п. 4 ст. 175).

В ст. 81 закона содержится важное дополнение относительно работы с осужденными и сотрудничества с другими учреждениями: учреждение исполнения наказаний может по заявлению осужденных предоставлять им в отдельных случаях и после освобождения временную помощь, если ее нельзя оказать иным образом и это может отрицательно отразиться на процессе социальной адаптации в переходный период. Такое выборочное продолжение опеки может смягчить острую кризисную ситуацию.

Поддержка лица, освобожденного из мест лишения свободы, нацелена на то, чтобы поддержать его сильные стороны и работать над его недостатками. Она должна укреплять положительное поведение, стабилизировать жизненную ситуацию осужденных и эффективно защищать общество от опасных преступников. Следует отметить: в оптимальный менеджмент в интересах защиты общества в ФРГ обязательно включается надзор за лицами с высоким потенциалом риска, особенно за теми, кто совершил половое и насильственное преступление.

В рамках менеджмента переходного периода в баварской системе исполнения наказаний большое внимание уделяется проектам по интеграции на рынке труда. Перед тюрьмами, где отбывают наказание осужденные к длительным срокам, стоят, разумеется, иные задачи, чем перед учреждениями, в которых отбывается наказание в виде кратковременного лишения свободы. А в исправительных учреждениях для несовершеннолетних преступников приоритетны иные направления работы. К этому следует добавить, что ситуации на местах, например, относительно возможностей труда и профессионального обучения могут существенно различаться.

Среди наиболее известных проектов в ФРГ традиционно присутствуют и баварские «проекты-маяки»⁹. Рассмотрим некоторых из них.

Проект «FREI – Специалисты через интеграцию бывших заключенных» Объединения профессиональных центров повышения квалификации баварской экономики был направлен, в частности, на разработку перспектив перехода и интеграции для осужденных и бывших осужденных, увеличение числа принимаемых на работу лиц, освобожденных из мест лишения свободы, и создание специальной сети и иницииро-

вание сотрудничества разных учреждений. Поддержка проекта осуществлялась Федеральным министерством образования и научных исследований из федеральных средств программы «Перспектива профобразование» и средств Европейского Социального фонда. Срок действия проекта – с 1 сентября 2010 г. по 31 августа 2013 г.

Проект «Jobscout» действует с 2009 г. в тюрьме Niederschönenfeld, где содержатся мужчины в возрасте 18–25 лет. Цель проекта – трудоустроить во время отбытия наказания или вскоре после освобождения осужденных, которые получили профессиональное образование еще до заключения или успешно воспользовались предлагаемыми образовательными возможностями в данном учреждении. В проект входят индивидуальный коучинг, групповой тренинг, посредничество в трудоустройстве и поддержка в течение шести месяцев после освобождения. В проекте в качестве «крестных родителей» осужденных выступают волонтеры. Финансовая поддержка осуществляется Баварским земельным союзом попечения о заключенных и помощи условно осужденным. Проект оценивается экспертами положительно и в случае устойчивого успеха будет продолжен¹⁰.

Особого внимания прессы и общественности удостоился инновационный баварский проект «Leonhard – Unternehmertum für Gefangene» («Леонард – предпринимательство для заключенных»)¹¹, пробный запуск которого состоялся в 2011 г. в тюрьме Ландсберг-на-Лехе по инициативе общества с ограниченной ответственностью «Леонард». Теперь проект действует и в мюнхенской тюрьме. Его целью была и остается предпринимательская квалификация осужденных в баварских тюрьмах. Первая ступень подготовки – обучение азам предпринимательства в период отбытия наказания. Вторая ступень – поддержка при реинтеграции и обеспечение рабочего места, еженедельный бизнес-тренинг и наставничество со стороны предпринимателей и руководящих работников. Третья – поддержка при основании предприятия и наставничество предпринимателей и руководящих работников.

Финансировавшийся вначале исключительно из личных средств основателей – доктора Йопена, опытного предпринимателя и бывшего доцента Мюнхенского технического университета, и его дочери, г-жи Йопен, а также из частных пожертвований, ныне этот обширный проект получает также

содействие из средств Европейского Социального фонда через Баварское министерство труда, социального порядка, семьи и женщин.

Создание доктором Йопеном интенсивной сети с представителями экономики рассматривается как значительный вклад в создание новой и многообещающей формы менеджмента переходного периода.

Интеграции бывших осужденных молодого возраста на первичном рынке труда должен содействовать пилотный проект «Perspektive» («Перспектива») в тюрьмах Laufen-Lebenau и Neuburg-Herrenwörth. Он рассчитан на работу со специально отобранными осужденными в период перед освобождением и предполагает последующую интенсивную поддержку, включая мероприятия по повышению квалификации. Проект осуществляется ООО «Hand-in GmbH» при содействии частного фонда сети розничной торговли продуктами питания «HIT». В содержание проекта наряду с индивидуальной помощью и мероприятиями по педагогике переживания за стенами тюрьмы входит как своего рода программа наставничества тесное сотрудничество не только с местными органами помощи осужденным, но и особенно с объединенными в сеть предприятиями и фирмами из сферы деревопереработки, малярных и лакировочных работ, техники полового настила, ландшафтного дизайна и мебели и строительной столлярной работы в расчете на предполагаемое трудоустройство. Эксперты отмечают, что в этом проекте в качестве мер переходного менеджмента предлагаются интересные подходы.

Даже из краткого обзора баварских проектов можно сделать вывод, что они предназначены преимущественно для осужденных мужского пола. Это связано, очевидно, прежде всего с малочисленностью женского контингента (примерно 5% от числа заключенных) и, соответственно, с легко прогнозируемой нерентабельностью данных мероприятий. Осужденных женщин обучают классическим ремеслам, например парикмахерскому делу. Однако Федеральное агентство по труду настоятельно рекомендует органам исполнения наказаний расширить и привести в соответствие с актуальной ситуацией предложения по профессиональной подготовке женщин, чтобы улучшить их шансы на трудоустройство после освобождения из мест лишения свободы.

В отчете экспертной рабочей группы «Менеджмент переходного периода»¹², изучав-

шей опыт баварских тюрем, для оптимизации менеджмента рекомендуется усилить сотрудничество с внештатными кураторами, помощь которых при сопровождении осужденных в агентства по труду и особенно поддержка при их устройстве на работу жизненно необходимы. Такую добровольную помощь необходимо сделать более интенсивной.

Рекомендуется также расширять контакты с предприятиями свободной экономики. Это позволило бы осужденным продолжить свое профессиональное обучение после освобождения. Для этого учреждениям исполнения наказаний следует более активно идти на контакт с местными предприятиями ремесленных корпораций. Нужно проводить мероприятия (например, «День труда») для представителей торгово-промышленных и ремесленных палат на местах, чтобы информировать их о возможностях обучения внутри исправительного учреждения. Известно, что организованные некоторыми тюрьмами «Дни предпринимателей» не только приобщили тюремные предприятия к экономически эффективному труду, но и ознакомили общественно релевантную группу предпринимателей и потенциальных работодателей с проблематикой ситуации осужденных.

Эксперты рабочей группы считают, что учреждения исполнения наказаний, не предлагающие профессионального обучения, могли бы, отступая от плана исполнения наказания, переводить наиболее подходящих осужденных в некие централизованные учреждения, которые предлагают серьезно

организованное производственное обучение.

Менеджмент перехода предусматривает поддержку осужденных и в других проблемных ситуациях, неизбежно обостряющихся в первое время после выхода на свободу. К ним относятся ситуация с жильем, долги, наркотики и наркозависимость, состояние здоровья, нарушенные социальные и семейные связи, психологическое, психотерапевтическое и психиатрическое обслуживание и т.д. Баварский опыт обращения с этими проблемами осужденных остается за рамками данной статьи.

В баварской системе исполнения наказаний делается многое для облегчения и оптимизации перехода осужденного к жизни на свободе. Испытанное сотрудничество с союзами независимой благотворительной помощи, внештатными кураторами и всеми организациями и учреждениями, проявляющими интерес к поддержке осужденных, имеет продолжение и после выхода осужденного на свободу. Особенно большой вклад в процесс непрерывной поддержки и стабилизации жизненной ситуации и самого осужденного вносят центральные управления помощи лицам, совершившим уголовно наказуемое деяние. Однако, как и в других федеральных землях, здесь остается масса нерешенных проблем, более того – их количество увеличилось вследствие известных событий в Европе. Остается надеяться, что накопленный в Баварии положительный опыт менеджмента перехода и постпенитенциарной опеки поможет справиться с новыми вызовами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Entlassungs- und Übergangsmanagement zwischen Strafvollzug und Nachbetreuung – Ein Tagungsbericht [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uebergm.de/> (дата обращения: 20.02.2015).

² См.: Maelicke B. Integrierte Resozialisierung – Krise und Zukunft der Straffälligenhilfe [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dbh.de> (дата обращения: 18.03.2016).

³ См.: Hilfe für Ex-Häftlinge // Südkurier Konstanz 20. Juni 2013; 17. Qualitätswerkstatt im Nachsorgeprojekt Chance am 18.09.2013 in Stuttgart [Электронный ресурс]. URL: <http://www.verband-dsw.de>; Stelly W., Thomas J. Straffälligenhilfe in Zeiten der Privatisierung und Rationalisierung [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uni-heidelberg.de/institute/fak2/krimi/DVJJ/Aufsaezte/Stelly%20Thomas%202006.pdf> (дата обращения: 14.07.2015).

⁴ Arloth Fr. Übergangsmanagement – Brücke in die Freiheit? S. 3 [Электронный ресурс]. URL: http://www.fews-bayern.de/uploads/media/090708_uebergangsmanagement_arloth_01.pdf (дата обращения: 03.04.2016).

⁵ См.: Maelicke B. Integrierte Resozialisierung – Krise und Zukunft der Straffälligenhilfe [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dbh.de> (дата обращения: 18.12.2015).

⁶ См.: Arloth Fr. Übergangsmanagement – Brücke in die Freiheit? S. 1.

¹ См.: Entlassungs- und Übergangsmanagement zwischen Strafvollzug und Nachbetreuung – Ein Tagungsbericht [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uebergm.de/> (дата обращения: 20.02.2015).

² См.: Maelicke B. Integrierte Resozialisierung – Krise und Zukunft der Straffälligenhilfe [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dbh.de> (дата обращения: 18.03.2016).

³ См.: Hilfe für Ex-Häftlinge // Südkurier Konstanz 20. Juni 2013; 17. Qualitätswerkstatt im Nachsorgeprojekt Chance am 18.09.2013 in Stuttgart [Электронный ресурс]. URL: <http://www.verband-dsw.de>; Stelly W., Thomas J. Straffälligenhilfe in Zeiten der Privatisierung und Rationalisierung [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uni-heidelberg.de/institute/fak2/krimi/DVJJ/Aufsaezte/Stelly%20Thomas%202006.pdf> (дата обращения: 14.07.2015).

⁴ Arloth Fr. Übergangsmanagement – Brücke in die Freiheit? S. 3 [Электронный ресурс]. URL: http://www.fews-bayern.de/uploads/media/090708_uebergangsmanagement_arloth_01.pdf (дата обращения: 03.04.2016).

⁵ См.: Maelicke B. Integrierte Resozialisierung – Krise und Zukunft der Straffälligenhilfe [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dbh.de> (дата обращения: 18.12.2015).

⁶ См.: Arloth Fr. Übergangsmanagement – Brücke in die Freiheit? S. 1.

⁷ См.: Bayerisches Strafvollzugsgesetz [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gesetze-bayern.de/Content/Document/BayStVollzG?AspxAutoDetectCookieSupport=1> (дата обращения: 11.03.2016).

⁸ Для сравнения: трудовую повинность в землях Бранденбург, Рейнланд-Пфальц и Саксония после реформы отменили, оставив возможность добровольного труда.

⁹ См.: Projekte – Bayerisches Staatsministerium der Justiz [Электронный ресурс]. URL: <http://www.justiz.bayern.de/ministerium/projekte/> (дата обращения: 18.12.2015).

¹⁰ Возможно, именно такой преемственности не хватает в российской практике ресоциализации осужденных (см., напр.: Голодов П.В. Проблемы применения системы «социального лифта» в условиях исправительного учреждения для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 2 (18). С. 31).

¹¹ См.: Hollmer K. Vom Koks-Dealer zum Start-Up-Gründer: Ein Gefängniskurs macht aus Häftlingen Unternehmer [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jetzt.de/hauptsache-reset/haeftlinge-als-unternehmensgruender> (дата обращения: 14.04.2016).

¹² См.: Optimierung des Übergangsmanagements in den bayerischen Justizvollzugsanstalten [Электронный ресурс]. URL: <https://www.justiz.bayern.de/media/pdf/projekte/uebergangsmanagement.pdf> (дата обращения: 11.05.2016).

⁷ См.: Bayerisches Strafvollzugsgesetz [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gesetze-bayern.de/Content/Document/BayStVollzG?AspxAutoDetectCookieSupport=1> (дата обращения: 11.03.2016).

⁸ Dlja sravnenija: trudovuju povinnost' v zemljah Brandenburg, Rejnland-Pfal'c i Saksonija posle reformy otmenili, ostaviv vozmozhnost' dobrovol'nogo truda.

⁹ См.: Projekte – Bayerisches Staatsministerium der Justiz [Электронный ресурс]. URL: <http://www.justiz.bayern.de/ministerium/projekte/> (дата обращения: 18.12.2015).

¹⁰ Vozmozhno, imenno takoj preemstvennosti ne hvataet v rossijskoj praktike resocializacii osuzhdennyh (sm., napr.: Golodov P.V. Problemy primenenija sistemy «social'nogo lifta» v uslovijah ispravitel'nogo uchrezhdenija dlja lic, sovershivshih prestuplenija v nesovershennoletnem vozraste // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2012. № 2 (18). S. 31).

¹¹ См.: Hollmer K. Vom Koks-Dealer zum Start-Up-Gründer: Ein Gefängniskurs macht aus Häftlingen Unternehmer [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jetzt.de/hauptsache-reset/haeftlinge-als-unternehmensgruender> (дата обращения: 14.04.2016).

¹² См.: Optimierung des bergangsmanagements in den bayerischen Justizvollzugsanstalten [Электронный ресурс]. URL: <https://www.justiz.bayern.de/media/pdf/projekte/uebergangsmanagement.pdf> (дата обращения: 11.05.2016).

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ на монографию М.А. Черкасовой и В.М. Позднякова «Психологический мониторинг профессионального выгорания сотрудников уголовно-исполнительной системы России»

М.В. КРОЗ – ведущий научный сотрудник отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности Научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат психологических наук

Профессиональная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы России, прежде всего работающих непосредственно с осужденными, имеет выраженный стрессогенный характер, отличается рядом особенностей, приводящих к возникновению у многих из них профессиональных деструкций, психосоматических заболеваний. Одной из распространенных форм таких деструкций является профессиональное выгорание. В этих условиях особую актуальность и практическую значимость приобретают исследования особенностей возникновения, специфики протекания и развития данного синдрома у работников подразделений УИС.

Исследование М.А. Черкасовой и В.М. Позднякова, представленное в монографии, посвящено изучению этой проблемы. В ней описаны предложенные авторами научная модель явления и технология психологического мониторинга профессионального выгорания сотрудников ФСИН России, крайне востребованного для современной практики психологического обеспечения работы с личным составом.

Рецензируемая монография состоит из двух глав. В первой главе многопланово, с использованием историографического и сравнительного подходов анализируются теоретические основы изучения синдрома профессионального выгорания, системно обсуждается специфика профессионально-служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы. На этой основе обосновывается возможность проведения психологического мониторинга профессионального выгорания у работников ФСИН России. Проведенный анализ позволил авторам всесторонне обосновать теоретико-методологические положения, являющиеся базовыми

для исследования и позволяющие в полном объеме выявить содержание и динамику профессионального выгорания сотрудников служб и подразделений УИС на разных этапах прохождения службы; уточнить особенности структурных составляющих (атрибутов) данного синдрома и его отличия от иных видов и форм профессиональных деструкций, а затем определить критерии оценки уровня профессионального выгорания у личного состава. Необходимо отметить, что разработанная авторами научная модель мониторинга строилась с учетом психологических закономерностей профессионального развития личности и особенностей прохождения службы в УИС различных категорий сотрудников.

Во второй главе монографии представлены результаты эмпирических исследований авторов, проведенных с использованием комплекса разноплановых методов. Конструктивным представляется то, что М.А. Черкасова и В.М. Поздняков активно соотносят полученные данные с результатами исследований других авторов, что следует из большого числа ссылок на источники в этой части монографии. Не вызывает сомнений обоснованность доказательств эффективности предложенной в работе модели психологического мониторинга профессионального выгорания, в том числе на основе эмпирической апробации технологии ее реализации. Данные проведенных исследований позволяют авторам предложить комплекс мер по профилактике негативного влияния синдрома профессионального выгорания на личный состав.

Результаты исследований, теоретические и методические наработки М.А. Черкасовой и В.М. Позднякова могут быть с успехом использованы не только в уголовно-исполнительной системе, но и при совершенствовании психологического обеспечения работы с личным составом других правоохранительных органов, в том числе в системе прокуратуры Российской Федерации (с учетом специфики служебной деятельности сотрудников).

Работа написана хорошим литературным языком, легко читается. Восприятие материала, теоретических положений и результатов проведенных исследований облегчается использованными средствами визуализации – широко представленными в работе таблицами и рисунками.

Монография представляет большой интерес для научных работников, преподавателей, студентов и аспирантов, специализирующихся в области юридической психологии, а также для руководителей, психологов и иных категорий работников ФСИН России, а также сотрудников правоохранительных органов.

С учетом изложенного считаю, что монография заслуживает высокой оценки и может быть рекомендована к публикации.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

Основные итоги межрегиональной научно-практической конференции «Проблемы исполнения наказания и ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы»

22–23 июня 2016 г. в г. Вологде состоялась межрегиональная научно-практическая конференция «Проблемы исполнения наказания и ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы». Организаторами конференции выступили Правительство Вологодской области, Уполномоченный по правам человека в Вологодской области, Вологодский институт права и экономики ФСИН России и УФСИН России по Вологодской области.

В ее работе приняли участие представители Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченные по правам человека субъектов Российской Федерации, представители территориальных органов ФСИН России и исправительных учреждений для осужденных женщин, органов социальной защиты населения, центров помощи освободившимся осужденным, общественных организаций, научные работники и профессорско-преподавательский состав, курсанты и студенты образовательных организаций ФСИН России.

Цель проведения конференции состояла в комплексном анализе теоретических и прикладных проблем исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении женщин, обеспечения их прав и свобод, определении возможных направлений совершенствования работы по ресоциализации данной категории осужденных.

Особое внимание было уделено обсуждению вопросов совершенствования воспитательной, социальной и психологической работы с осужденными женщинами, обмену региональным опытом работы по ресоциализации женщин, освободившихся из мест лишения свободы.

В рамках конференции работали три круглых стола: «Правовые и организационные проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин», «Актуальные вопросы воспитательной, социальной и психологической работы с осужденными женщинами», «Постпенитенциарный этап ресоциализации женщин, освободившихся из мест лишения свободы: региональный опыт работы».

Участники конференции, обсудив теоретические и прикладные проблемы исполнения наказания и ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы, отметили, что важной социальной задачей на современном этапе развития

уголовно-исполнительной системы является изменение идеологии применения основных средств исправления осужденных в местах лишения свободы с усилением психолого-педагогической работы с личностью в пенитенциарный период и при подготовке ее к жизни в обществе на основе формирования особой социально-педагогической среды, способствующей социальной реабилитации осужденных женщин, обеспечения международных стандартов пенитенциарной деятельности, внедрения инновационных форм и методов работы с осужденными, развития сотрудничества с общественными объединениями и религиозными организациями.

Выводы и рекомендации, полученные в ходе работы конференции, послужат основой для дальнейших исследований проблем исполнения наказания и ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы, могут быть использованы в законотворческой и практической деятельности.

По итогам конференции будет издан сборник материалов.

В рамках конференции был проведен межрегиональный конкурс научных работ «Актуальные проблемы исполнения наказания и ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы». Основной целью конкурса стала активизация научно-исследовательской работы, повышение качества исследований, создание мотивации к научно-исследовательской работе, а также актуализация проблем, связанных с исполнением наказания и ресоциализацией женщин, осужденных к лишению свободы.

В конкурсе приняли участие сотрудники исправительных учреждений шести территориальных органов ФСИН России, преподаватели и курсанты образовательных организаций ФСИН России, а также представитель государственного органа Московской области «Уполномоченный по правам человека в Московской области и его аппарат».

Всего на конкурс было представлено 15 научных работ. Все научные работы, участвовавшие в конкурсе, получили высокую оценку членов конкурсной комиссии. По результатам голосования 4 работы заняли призовые места.

Первое место в конкурсе заняла психолог психологической лаборатории ФКУ ИК-1 УФСИН России по Вологодской области Зайцева Екатерина Михайловна, автор коррекционной программы по формированию ответственного и правопослушного поведения у впервые осужденных женщин, отбывающих длительные сроки лишения свободы.

Второе место в конкурсе было присуждено монографии старшего преподавателя кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России кандидата исторических наук Беловой Надежды Алексеевны «Исполнение наказаний в России в отношении женщин: история и современность».

Третье место разделили между собой консультант государственного органа Московской

области «Уполномоченный по правам человека в Московской области и его аппарат» Соколов Александр Александрович, автор научной работы «Краткосрочные выезды осужденных женщин к лишению свободы за пределы исправительных учреждений», и старший специалист по социальной работе группы социальной защиты и учета трудового стажа осужденных ФКУ ИК-6 УФСИН России по Республике Адыгея Макеенко Марина Викторовна с научной работой «Проблемы исполнения наказания и ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анкудинов Н.В., начальник кафедры физической подготовки и спорта Академии ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: ankudinov.nik@list.ru

Бабурин С.В., начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. E-mail: vipe.vologda@mail.ru

Викторова Т.В., старший психолог психологической лаборатории ИК-19 УФСИН России по Республике Коми. E-mail: Viktoria_psi@mail.ru

Галахов С.С., профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации. E-mail: junior86@rambler.ru

Голодов П.В., заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: ono-vipe@mail.ru

Дворянсков И.В., профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения уголовных наказаний без лишения свободы НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, доцент. E-mail: diw@yandex.ru

Денисов Д.Г., начальник кафедры физической подготовки Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: ankudinov.nik@list.ru

Дербин С.В., преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России. E-mail: derbin2015@mail.ru

Дербина О.В., доцент кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: kozlovaola@mail.ru

Жарких А.А., доцент кафедры общей психологии Академии ФСИН России, кандидат психологических наук. E-mail: ankudinov.nik@list.ru

Зауторова Э.В., профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования. E-mail: elvirasong@mail.ru

Колмакова Н.Л., преподаватель кафедры русского и иностранных языков ВИПЭ ФСИН России. E-mail: kolm.natka@yandex.ru

Колотушкин С.М., профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: kolotushkinsm@mail.ru

Кондратовская С.Н., начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: Swetoc76@mail.ru

Корепина А.В., заведующий кафедрой административного и финансового права Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: anna.corepina@yandex.ru

Крижановский С.В., адъюнкт кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России. E-mail: sga-17@yandex.ru

Лобанова Е.С., старший преподаватель кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: alenushka-248@yandex.ru

Матвеев А.П., профессор кафедры теории физической культуры и оздоровительных технологий Российского государственного социального университета, доктор педагогических наук. E-mail: apmatveev0609@mail.ru

Могиленко Н.С., преподаватель кафедры русского и иностранных языков ВИПЭ ФСИН России. E-mail: magelfessa@rambler.ru

Мухтарова Е.А., заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России E-mail: mukhtarova-9@mail.ru

Перрон Ю.В., преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России. E-mail: persv17@mail.ru

Саунина Г.Н., преподаватель кафедры служебно-боевой подготовки ВИПЭ ФСИН России. E-mail: galina.saunina@yandex.ru

Спасенников Б.А., профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: borisspasennikov@yandex.ru

Третьякова Е.С., доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юри-

дических наук, доцент. E-mail: es-tret@mail.ru, etretyakova@hse.ru

Федосеева И.А., младший инспектор отдела охраны ИК-1 ФКУ ОИК-2 ОУХД ГУФСИН России по Пермскому краю. E-mail: AF981@yandex.ru

Чернышева О.М., доцент кафедры русского и иностранных языков ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. E-mail: olga-tschernyschewa@yandex.ru

Южанин В.Е., профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. E-mail: Juu89@yandex.ru

with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Chief Researcher at the Department of methodologies development of execution of criminal penalties without imprisonment SIC-2 of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor. E-mail: diw@yandex.ru

Fedoseyeva I.A., Junior Inspector of Security of the IK-1 PKU OIC-2 of the Russian Federal Penal Service in the Perm region. E-mail: AF981@yandex.ru

Galahov S.S., Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operative Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Employee of the internal affairs of the Russian Federation. E-mail: junior86@rambler.ru

Golodov P.V., Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia for Research, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: ono-vipe@mail.ru

Kolmakova N.L., Lecturer of the Department of Russian and Foreign Languages of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: kolm.natka@yandex.ru

Kolotushkin S.M., Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operative Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dcs. in Law, Professor. E-mail: kolotushkinsm@mail.ru

Kondratovskaya S.N., Head of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: Swetoc76@mail.ru

Korepina A.V., Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Northwest Institute (branch) O.E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: anna.corepina@yandex.ru

Krizhanovsky S.V., Post Graduate of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: sga-17@yandex.ru

Lobanova E.S., Senior Lecturer of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: alenushka-248@yandex.ru

Matveev A.P., Professor of the Department of Theory of Physical Education and Health Technologies of the Russian State Social University, Dsc. in Pedagogics. E-mail: apmatveev0609@mail.ru

Mogilenko N.S., Lecturer of the Department of Russian and Foreign Languages of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: magelfessa@rambler.ru

Mukhtarova E.A., Deputy Head of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Vologda

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ankudinov N.V., Head of the Department of Physical Training and Sports Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: ankudinov.nik@list.ru

Baburin S.V., Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. E-mail: vipe.vologda@mail.ru

Chernysheva O.M., Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Philology, Associate Professor, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation. E-mail: olga-tschernyschewa@yandex.ru

Denisov D.G., Head of the Department of Physical Training of Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: ankudinov.nik@list.ru

Derbin S.V., Lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: derbin2015@mail.ru

Derbina O.V., Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: kozlovaola@mail.ru

Dvoryanskov I.V., Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work

Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: mukhtarova-9@mail.ru

Perron Yu.V., Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: persv17@mail.ru

Saunina G.N., Lecturer of the Department of Physical and Combat Training of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: galina.saunina@ya.ru

Spasennikov B.A., Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor. E-mail: borisspasennikov@yandex.ru

Tretyakova E.S., Associate Professor of the Department of Civil and Business Law of the Perm branch of the Research University «Higher School of Economics», PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: es-tret@mail.ru, etretyakova@hse.ru

Viktorova T.V., Senior Psychologist of the Psychological Laboratory of the IK- 9 of the Federal

Penal Service of Russia in the Republic of Komi. E-mail: Viktoria_psi@mail.ru

Zautorova E.V., Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor; Member of the International Academy of Pedagogical Education. E-mail: elvira-song@mail.ru

Zharkih A.A., Associate Professor of the Department of General Psychology of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology. E-mail: ankudinov.nik@list.ru

Yuzhanin V.E., Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Professor of the Department of Penal Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation. E-mail: Juu89@yandex.ru

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ·НАКАЗАНИЕ·ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

С.В. Бабурин

Ответственный секретарь:

С.П. Середа

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-62574
ISSN 2076-4162

Все права защищены.

Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:

160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:

160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:

160035, г. Вологда, ул. Зосимовская, 17

Телефоны:

(8172) 51-82-50 (8172) 51-46-12

(8172) 51-98-70

E-mail:

vestnik-vipefsin@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России

Подписано в печать 30.06.2016.

Дата выхода в свет 21.07.2016.

Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12. Заказ № 5505.

Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал занимает достойное место среди ведомственных изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширяет ряды авторов и читателей.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по трем отраслям науки: 12.00.00 «Юридические науки»; 19.00.00 «Психологические науки»; 13.00.00 «Педагогические науки» (письмо Минобрнауки России о Перечне рецензируемых научных изданий от 01.12.2015 г. № 13-6518).

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и соблюдении требований к оформлению.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для публикации размещены на сайте vipe.fsin.su

Проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России. Отпускная цена за минимальный срок подписки (6 месяцев, два номера журнала) – 560 руб. 00 коп., в том числе НДС – 10%.

Условия оформления подписки содержатся в первом томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Периодичность издания – 4 раза в год.

Розничная цена – 290 руб. 00 коп. за 1 экземпляр.